

**Нина Линдт**

**ДИТЯ НОКТУРНЫ**



Это абсурд, вранье:

череп, скелет, коса.

«Смерть придет, у нее

будут твои глаза».

## ГЛАВА 1

Человек в легком сером пальто взирал на Барселону с горы Тибидабо. Сильный ураганный ветер, нагнавший туч на город, порывами орошал все вокруг холодным, не по-весеннему колючим дождем. Опавшие цветы покрывали смотровую площадку фиолетовым ковром. А полы его сухого пальто не шевелились от ветра, да и сам он, казалось, не замечал бури вокруг.

Тот самый парень, что отдал кулон Избранной Насте, приблизился почтительно сзади, встал рядом так, чтобы его присутствие стало заметно.

— Габриэль наказан, — доложил парень.

— Что он натворил? — раздался тихий ровный голос.

— То же, что и большинство. — Парень опустил голову. — Он старался «сохранять дистанцию» и «не вмешиваться». В результате проявил халатность и допустил появление Ноктурны.

— Не казни его слишком, Рафаэль.

Парень дернулся.

— Я не казнил... ну, самую малость.

— Что ты придумал? — с любопытством спросил его собеседник.

— Забрал его память и оставил ему ровно столько, сколько необходимо, чтобы найти Избранную.

— Хорошо. Нашел?

— Пока нет, он рядом, но еще ничего не понял.

— А поймет? — Собеседник глянул на парня, и тот уловил в мимолетном взгляде смех.

Парень пожал плечами.

— Что ж, мы сделали достаточно, Рафаэль, — мягко успокоил его собеседник. — Теперь понаблюдаем.

Рафаэль некоторое время стоял молча, но потом не выдержал:

— Можно ли мне спросить?

Его собеседник улыбнулся уголком рта, так, чтобы архангел этого не увидел.

— Ты уже спрашиваешь.

— Почему Ты любишь его?

Он не называл имени. Но они оба знали, что речь не о Габриэле.

— Он тот, кого все ненавидят. Кроме тех, кто понимает его. А я понимаю его как никто другой.

— Но ты наказал его вместе с остальными. Отказался от него, свергнул. Не понимаю... Какая разница между ним и остальными?

— Иногда, чтобы научить ребенка плавать, любящие родители бросают его в воду. Когда-нибудь ты все поймешь, Рафаэль.

— Мне его не хватает. — Архангел с грустью посмотрел на город.

— Так кто тебе мешает?

Рафаэль внимательно посмотрел своему собеседнику в глаза.

— Но разве... Разве можно нам...

В почти прозрачных от внутреннего света глазах собеседника он прочел ответ:

— Я никогда не запрещал.

Весь мир, казалось, сошел с ума. Где-то стояла дикая жара, кого-то заливало дождями, бури и

смерчи разрушали целые страны, землетрясения и цунами грозили окончательно стереть с лица земли многочисленные населенные пункты. Катастрофы случались одна за другой, предсказать, где произойдет следующее несчастье, было невозможно. Каждый день агенты слушали новости, все больше впадая в уныние: поиски балерины пока ничего не давали. А вот Ноктурна все чаще напоминала о себе.

После того как агенты искали портрет с частью ее силы сначала в Ватикане (и нашли там только призрак папы римского Александра VI, который теперь повсюду ходил за Настей), а затем во Франции, где портрет был найден, но захвачен Ноктурной, ее сила выросла настолько, что одно бедствие следовало за другим.

Единственной зацепкой была дочь Ноктурны, которая предположительно занималась балетом. Ее поисками занималась Итаску. Граф Виттури надеялся использовать девочку для ослабления силы Ноктурны, если им придется столкнуться с ней еще раз.

Настя усиленно тренировалась вместе с остальными агентами.

Граф Виттури был рядом, но наедине с ним Настя больше не оставалась. Отчасти потому, что сама боялась этого. Она знала, что большего ей не дано. Ведь тот поцелуй она выпросила у него. Вот и довольно. Он пожалел ее, пошел ей навстречу. Просить сверх того, что дано, не нужно. Она — Избранная и должна погибнуть, выполняя свое предназначение — спасти мир. Точка. Ее мнения на этот счет никто не спрашивал. Просто вручили ей медальон. Архангел Михаил дважды пытался его отнять, но Настя теперь научилась прислушиваться к своей интуиции: ни о какой передаче медальона речи быть не может. Это ее ноша.

Помимо шестого чувства Настя начала замечать за собой странную необходимость время от времени бывать на природе. Это было похоже на голод: порой у нее возникало острое желание оказаться в лесу или у моря. Первое время было неудобно просить об этом агентов, но однажды, когда они с Ликой готовили чай на кухне, она покачнувшись от слабости, ангел вскрикнула, рассыпав заварку, бросилась к Насте, сползавшей на пол. Это было не головокружение, а просто ощущение отсутствия сил, словно она очень давно не спала и вообще не отдыхала. Граф Виттури оказался рядом. Подхватил ее и крикнул Сержу, что нужна машина.

Они отвезли ее на гору, что совсем рядом с Барселоной, и пока Настя приходила в себя, граф Виттури отчитывал ее сухо и зло:

— Настя, в следующий раз предупреждай, мы будем вывозить тебя в любое время, в любую погоду.

— Но что со мной?

— Ты все больше зависишь от сил природы. — Рука графа мимолетно коснулась ее щеки. — Слишком много затрат эмоциональных и физических. Тебе необходимо пополнять энергию.

Они еще долго сидели с ней там, в лесу, переговариваясь о последних событиях, пытаясь нащупать след Ноктурны во всех происходящих катаклизмах.

Так и повелось. Два-три раза в неделю Настя ездила в горы с Ликой, графом и Сержем. Иногда вместо Сержа был Диего, иногда Габриэль. Итаску целыми днями копалась в базах данных.

Чем чаще Настя попадала из города на природу, тем больше начинала чувствовать ее иначе.

Прикасаясь к дереву, она чувствовала движение соков внутри, понимала, что от разных деревьев энергия идет разная, где более вязкая, где более легкая. Когда она входила в воду, то тоже ощущала, как вода забирает из нее ненужное, пережитое, переработанное, а взамен будто обновляет ей кровь. Когда касалась земли, чувствовала себя частью ее, словно распадалась на камни, глину, песок...

Это приводило ее в такой восторг, что она даже рассказала об этом графу Виттури. Тот слушал, слегка улыбаясь, внимательно разглядывая ее, убеждаясь снова и снова, что она — иная, как города, что зовут ее к себе. Ни одна земная женщина не могла так спокойно общаться с ним после сближения, и это успокаивало его и в то же время раздражало. Как ангел он восхищался ее стойкостью и контролем перед соблазном, а как демон все больше испытывал желание искушить снова. Ее природа была абсолютно человеческой, но дары Старой Матери раскрывали в ней самые лучшие качества, перерабатывали ее человеческую природу и соединяли с природой куда более древней и мудрой, полной огромной силы и энергии. А ее способность видеть призраков восхищала и вносила сумятицу в повседневную жизнь: было забавно смотреть, как Настя с серьезным видом спорит о чем-то с пустотой или смеется, очевидно, удачным шуткам папы римского, в последнее время призрак и девушка стали друзьями, и это тоже делало ее особенной.

И порой, когда он слышал ее смех, что-то болезненной пружиной срывалось внутри, гадюкой жалила мысль: она умрет. Она, та, что тербит кончик своей косы и прикусывает губы, когда

задумывается. Та, что смотрит всегда такими грустными глазами серьезно, открыто и честно. Дитя, которое доверчиво идет к нему, когда больно. И яростная, свирепая волчица, которая мелькает в ней иногда Во время боя или спора. Она умрет.

Вечность тогда представлялась ему еще более мучительной, чем раньше, и он сам не мог понять, почему испытывает ярость и желание крушить все вокруг. И в эти моменты он взвизгивал в небо, искал бури, которые теперь так легко можно было найти, врвался в самое сердце их, рвал и метал, крушил и разворачивал воздушные потоки, орал от ярости и обиды. И когда он возвращался на землю, то горел ненавистью к Насте, такой сильной, что пару раз от решающего шага его спасало только воспоминание о ее просьбе не убивать ее напрасно. И если бы можно было принести ее в жертву на какой-нибудь алтарь, он бы уже давно приволок ее туда за волосы и перерезал ей горло. Лишь бы решить самому, лишь бы не ждать ее гибели. Но он обещал. Хитрая девчонка как чувствовала его. Знала его лучше, чем он сам. Единственное, что дорого для демона, — это слово, данное им самим.

Премьера балета должна была состояться через неделю. Наташа репетировала как безумная, до кровавых мозолей, до полного бессилия, лишь бы не думать, не вспоминать, не тосковать. После репетиции падала на руки приходившего за ней мужчины. Он оказался реальным, этот мужчина из снов. Появился на пороге ее квартиры сразу после звонка из полиции, до приезда комиссии по делам несовершеннолетних. Сказал, что будет с ней всегда.

Она тогда ничего не могла понять и осознать, все было как в тумане. Смутная надежда, что мама найдется, таяла с каждым днем. Ограбление, убийство брата и похищение матери — это слишком много для одной потерянной девочки. И появление Ролана казалось подарком свыше. Он представлялся всем ее дядей. Нужные документы появлялись у него на руках по первому требованию. Да и особых препятствий чиновники ему не чинили: стоило ему взглянуть на женщин, они становились послушными и ласковыми; печати, бумаги — все было решено в краткие сроки. И он стал ее опекуном. В балетной школе его появление было всякий раз событием: высокий, красивый, широкоплечий, притягательный. Мамочки тайком вздыхали, когда он проходил мимо, преподавательницы таяли, балерины перешептывались и обсуждали.

Он забирал ее, иногда выносил, закинув на плечо, на другом неся сумку. В машине ее всегда ждал заботливо упакованный термос с чаем, фрукты или печенье, чтобы перекусить.

Он был рядом, но был молчалив, задумчив, все время насторожен, словно ждал опасность отовсюду. Она видела: он охранял ее, но от кого — не знала. И, чтобы не думать, тренировалась без устали и надеялась, что в день премьеры случится чудо и мама появится в зале. И все будет хорошо. Но без папы и Саши... Без них... без опоры... как могло быть хорошо?

Ролан крепко обнимал ее, заботился о ней, но больше не приходил ночами, разве что если ей снились кошмары. Тогда сквозь сон она ощущала, как он ложился рядом, прижимал ее к себе, и страшные сны уходили. Оставался только он, его объятие, его такая странная забота.

— Кто ты? — спрашивала она.

— Это не важно, — отвечал он.

— Почему ты заботаешься обо мне?

— Потому что у меня нет другого занятия.

Она подозревала, что, пока он ждал ее с репетиции, уступал окружающим его одиноким женщинам, иногда ревниво замечала легкую небрежность в его одежде. Когда она попыталась возразить, он сухо ответил:

— Это моя природа. Я создан для похоти. Ты — нет.

— А для чего создана я?

— Ты — танец.

И он посмотрел на нее с такой тоской и обожанием, что Наташе нечего было возразить ему. Она и сама подчас переставала чувствовать, что она человек, что у нее могут быть обычные человеческие отношения и жизнь. Семья исчезла, она оказалась одна, и был Ролан, за которого держалась, как за спасательный круг. Подружки не знали, как реагировать на ее горе, на ее успех, и оставили в покое. И был только танец.

Мрачная история Жизели, которая раньше ей не нравилась, теперь обрела новые оттенки. Жизни у обеих практически не было: только танец, которому можно отдать всю страсть, одиночество,

отчаяние, боль. И она танцевала ее с каждым днем все лучше, преподаватели говорили, что если раньше сомневались насчет Наташи, потому что не чувствовали в ее подаче Жизели чувств, то теперь она сама была воздушным призраком, продолжающим испытывать человеческие чувства, все еще любящим, несмотря на предательство.

Инкуб глаз не сводил с нее в танце, когда ему разрешали приходить, он посещал все репетиции. Наташа парила над сценой, едва касаясь ее кончиками пальцев, воздушная и неземная. Он преклонялся перед плавностью ее рук, поворотом головы, который выражал отчаяние и боль, смирение или протест. Она словно перевоплощалась или, точнее, теряла плоть, потому он не испытывал влечения к ее телу. Но дать определение тому чувству, что теплилось в нем, вспыхивало при взгляде на нее, заставляло заботиться о ней, он не мог. Инкуб не знал любви, у него просто появилась необходимость заботиться о той, что превращалась в мотылька, птицу, бестелесного призрака, стоило выпустить ее из объятий. Прекрасная, гибкая, все в нем замирало, когда она летела спасать своего любимого, зная, что они не будут вместе.

Он слышал, как шептались балетмейстеры: родится новая звезда балета. И он гордился тем, что внесет лепту в рождение прекрасного, потому что никогда ничего не создавал в своем долгом существовании, которое теперь казалось ему пустым и бессмысленным до того дня, как он проник к ней в спальню.

Одному ему было известно, что стоит за великолепием танца Наташи. Именно он снимал с нее пропитанные кровью пуанты, перебинтовывал ее мозоли, носил на руках, чтобы неземное и воздушное существо, оправившись, снова взлетало с его ладоней и парило по сцене.

И вместе с тем глухая тревога не оставляла его. Словно заноза сидела в душе инкуба мысль: они найдут их. Но кто эти «они», он не знал. Только понимал, что с их появлением произойдет нечто страшное и неотвратимое, что нарушит состояние хрупкого равновесия, которое удалось ему создать для Наташи.

## ГЛАВА 2

Настя, зевая, вышла из спальни и застыла, глядя на гостиную, совмещенную с кухней.

Ангел Габриэль жарил яичницу в майке «Не звони мне, звони 666», папа римский смотрел очередную передачу, где публично ссорились, мирились и выясняли отношения какие-то люди. Попутно папа римский читал им нравоучения, назначал количество покаянных молитв или просто шептал:

— В темницу... а на тебя даже яда жалко...

Настя, сонно протирая глаза, прошлепала босиком к плите, налила себе кофе и села за стол. Определенно... ангел, с которым она столкнулась в ином Париже, и призрак папы римского, выпущенный ею на свободу в подземном секретном проходе Ватикана, составляли странную пару соседей по квартире.

— Чем сегодня займешься? — спросил Габриэль, поставив перед ней тарелку с глазуньей.

— У меня свободный день.

— Тогда... — Он замялся, потом поднял на нее взгляд своих синих глаз и попросил: — Может, составишь мне компанию?

— Конечно! А что будем делать?

— Не знаю, заметила ли ты, но у меня по всему телу идет татуировка с нотами. Я хочу узнать, что это за мелодия. Возможно, я как-то связан с Ноктурной, потому что мне казалось, я виновен в произошедшем. Когда мы провалились в ее душу, все в ее доме казалось мне знакомым. Вдруг... знаю, звучит бредово... но вдруг эта татуировка не просто так?

— Знаешь, — задумчиво размешивая молоко в кофе, ответила Настя, — если бы ты сказал мне это где-то полгода назад, я бы посмеялась и ответила, что это бред. Но с тех пор... я словно поселилась в каком-то кошмарном сне, и уже все вокруг не кажется мне бредовым. Поэтому я конечно же займусь разгадкой твоей татуировки. Только вот я не знаю нот.

— Я тоже, — признался ангел. — Но тот продавец в музыкальном магазине может помочь нам, как думаешь?

— Кстати, хорошая идея. Завтракаем и едем. Сейчас напишу сообщение Диего, чтобы нас не потеряли.

— Настя... — Габриэль весь покраснел, как розы на его шее. — Спасибо.

— Да не за что! Спасибо, что доверился мне.

Втроем (призрак увязался с ними) они вошли в магазин. Продавец сразу узнал их, но немного отступил, когда Настя озвучила просьбу расшифровать тату.

Однако уже через несколько минут Габриэль стоял перед ним, обнаженный по пояс, а продавец списывал ноты на лист. Ангел медленно поворачивался, потому что ноты, переплетенные розами, располагались спиралью по его туловищу.

— Определенно это музыкальная композиция, но только понятия не имею откуда. Сейчас попробуем наиграть.

Продавец сел за пианино, Габриэль быстро надел майку, и все они столпились вокруг, умирая от любопытства.

Мелодия зазвучала.

— Похоже на классику, — пробормотал продавец. Он проиграл ее сначала неуверенно, потом повторил более слитно и гармонично, не спотыкаясь.

— Я определенно слышала ее раньше. — Настя ломала голову. — Знаете, у меня папа меломан, узнает любую музыку на слух.

Она позвонила отцу и коротко объяснила, что нужно узнать мелодию. Продавец проиграл ее еще раз. Отец помолчал, а потом ответил довольно уверенно:

— Это из балета «Жизель». Музыка Адана. Уверен почти на девяносто процентов.



— Спасибо, пап.

— Это музыка из балета, — сказала она Габриэлю, завершив вызов.

Они поняли друг друга с полуслова. Габриэль побледнел.

— Но надо убедиться, что это она, — торопливо поправилась Настя.

— И если это так?

— Тогда ты действительно являешься частью головоломки. Как и я. И мы не случайно встретились в Ином городе.

— И возможно, мы найдем ее тоже. Через эту музыку.

— Вы оба бредите, — вмешался папа римский. Он слишком долго хранил молчание, наблюдая за всем процессом. — Но бред интересный, — уступил он, когда Настя посмотрела на него с осуждением.

— Музыкальный, — поправила она.

— Что — музыкальный? — не понял Габриэль.

— Музыкальный бред, — таинственно улыбнулась Настя.

Вечером они вышли из агентства вполне довольными: передали информацию Сержу и Итсаску, которые там дежурили, а сами поехали домой. По дороге Настя почувствовала вдруг жжение в солнечном сплетении, тоску, тягу, словно ее за неведомые нити тянуло к графу Виттури. Перед мысленным взором встал его особняк.

Так вот что ощущал граф, когда она призывала его... Настя решительно направилась к выходу из вагона.

— Нам не здесь выходить, — возмутился Габриэль.

Несмотря на отговоры, ангел и призрак довели ее до дома графа. Настя торопливо вбежала по ступенькам, махнула им на прощание рукой. Дверь ей открыл все тот же молчаливый дворецкий.

Звуки скрипки доносились со второго этажа. Дворецкий просто жестом пригласил ее пройти. И она поднималась по лестнице, ведомая мелодией. Словно скрипка кричала:

— Иди! Иди сюда! Еще шаг и другой!

В этой необыкновенной, прекрасной музыке, которая то замирала, то вновь возникала, то заходила в плаче, то переливалась трелями, чувствовалась боль, и она царапала душу. Так, наверно, звучит одиночество. При приглушенном свете шаги Насти проглатывал ковер на лестнице. И казалось, нет больше в мире звуков, только скрипка, которая просит ее прийти, подняться, ворваться, потому что дольше терпеть невозможно, потому что сейчас! Ах! Сейчас лопнет струна, рассыплется в прах дерево, не перенеся этих страданий. Настя обернулась: дворецкий исчез. Она была одна.

Рука скользнула по перилам. Она рвалась вверх и не решалась. Но тут скрипка залилась слезами, потом словно прыгнула в пропасть, взвилась вверх, закружилась в ритме безумных переливов. Нужно было быть дьяволом, чтобы так играть.

И, войдя в зал, она увидела графа Виттури в свете горящего камина, по стенам плясали безумные тени, а он играл с закрытыми глазами, сливаясь с инструментом в одну угловатую подвижную тень.

В тот момент он сам был мелодией, где одиночество, боль, отчаяние, сопротивление, ярость, мощь сплетались в клубок, который она едва успевала распутывать, следуя за изменчивыми настроениями инструмента. Прервать его она не решалась. Каденция и возрастание, замирание, острая боль, барокко из торжества... Сражение, сражение, проигрыш, победа, торжество, отчаяние...

Она прижалась спиной к стене у входа, и слезы текли от красоты и боли, которой он делился с ней.

Он то замирал, нежно водя смычком, то весь взвизывался, отчаянно ударяя им по струнам. Он всегда будет таким. На грани между добром и злом. Невероятный и прекрасный. Несчастный и такой любимый.

Граф Виттури вдруг вздрогнул и оборвал мелодию, резко повернувшись к ней. Некоторое время он молчал, огонь за его спиной не давал рассмотреть его лицо.

— Ты пришла... — сказал он наконец.

И шагнул навстречу, положив скрипку на столик, и она прикрыла глаза, слушая его шаги. Он коснулся рукой дорожки от слез на ее щеке. Потом ласково вытер их, заключив ее лицо в ладони.

— Не плачь. Не жалею меня.

Она замотала головой. Попыталась рассмеяться. Ткнулась лицом в его грудь.

— Прости меня, — прошептала. — Я всего лишь человек.

Он усмехнулся, обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Я знаю, маленькая.

Настя отстранилась, полная решимости. Он с умилением прочитал в ее глазах, что она собиралась сказать, но не успел остановить.

— Только одна ночь.

Его резануло по сердцу ее отчаяние. Он уже сам не знал, зачем так звал ее, хоть и не надеялся, что она придет. Но теперь она здесь. Он не может лишить ее предназначения ради каприза, Избранная должна быть девой. Да и не хочет он ее на одну ночь. Ему и вечности будет мало.

— Нет. Одной ночи мало.

— Тогда чего ты хочешь? — Она порывисто отвернулась, оскорбленная отказом. Щеки медленно заливались румянцем. Он слышал, как сердце билось учащенно и гулко, раненное его замечанием. Как она нетерпелива и юна! Слово почка на дереве по весне, нежно-зеленая, полная сока торопится раскрыться навстречу солнцу и тянется к нему изо всех сил. Она не знает, что солнце может испепелить и иссушить своим жаром.

Он повернул ее лицо к себе, мягко коснувшись подбородка. Опушенные ресницы вздрогнули и взметнулись вверх, и полные слез глаза обнажили перед ним душу. Голосом тихим, спокойным, даже с толикой грусти он объяснил:

— Путь рук по телу любимой, изгиб бедра под пальцами, жар кожи, распаленной поцелуями, полнота груди в ладони, прохлада ее стопы на твоём бедре... Шелк и запах волос, вкус поцелуев, ее дыхание, голос, смех и слезы... За одну ночь не научиться находить с первого раза ямочки на пояснице, вкладывать в них палец, проводить по окружности впадинки, словно по резному орнаменту. Тело женщины — храм, который надо уметь читать, если хочешь понять, кому и зачем молишься. Если это не похоть, одной ночи всегда мало, запомни. Для этого нужно много ночей. Разных.

— Похоже на песнь песней.

— Эта песня еще не спета, Настя.

И она снова смутилась. Ему нравилось смущать ее. Было в ней что-то такое, что вызывало умиление, похожее на то, что испытывает ребенок к котенку. Он знал, что она в его власти, что ему решать, жить ей или умереть, брать ее или хранить. И оттого хотелось больше всего на свете защитить ее доверчивость как можно дольше. Наивность и чистота дарили ему покой, наслаждение. Он не хотел ломать ее похотью и капризной страстью. Но знал он, что и любить ее ему не дано.

И как у него получалось всегда оставлять ее в дураках? То соблазняет одной ночью, то угрожает потерей души, то отказывает во всем и сразу, да еще так, что после этого остается только либо взять его силой, либо отступить. И так как демона силой не возьмешь, остается только последнее. Уходить надо с юмором и осторожно. Только глядя ему в глаза, в которых отражался огонь в камине, она видела: он лжет. Желание ощущалось на кончиках его пальцев, в том, как он удерживал ее в своих руках. Не хотел отпускать. И одиночество скрипки снова пронзило ее душу.

— Ты пришла только поэтому?

Она накрыла его руки своими и кивнула:

— Только за этим. И я не уйду.

Это прозвучало как пощечина, как удар под дых. Он искал причины оттолкнуть ее, но не мог найти ни одной.

— Ты еще будешь просить пожалеть тебя. — Голос Демона прожигал насквозь. Опасность, притяжение, терпкость греха. Его пальцы слегка коснулись углубления над ее ключицей, пульс ее жизни с силой бился об них.

— Не стану, — почему-то шепотом упрямо возразила она.

Эта человеческая безбашенность и отвага.

— А я и не пожалею.

Он рывком схватил ее, притянул к себе, губы торопливо нашли ее рот и прижались к нему, даже у демона есть предел, и он перемахнул его разом, и страсть закружила его, ослепляя своей сладостью и оглушая частым биением ее сердца. Настя задохнулась от тянущей боли в теле, от миллиарда ощущений, заполнивших сознание, она словно переставала существовать в его объятиях. Или становилась с ним одним целым. Он так нетерпеливо целовал ее, с такой тоской и силой ласкал лицо, обозначая границы скул и линии бровей, что грань между пыткой и наслаждением была прозрачной и неощутимой. Больно и сладостно. Казалось, чем глубже его пальцы вдаются в кожу, чем яростнее губы вопьются в нее, чем крепче он обнимет, тем больше будет удовольствия после боли. Он первый остановился, понимая, что почти душит ее. Задыхаясь, больно сжав за плечи, приложив всю силу, он отодвинул ее от себя. Она подалась было снова к нему, но он глухо остановил:

— Нет. Я разрушу тебя.

Она поверила. Его глаза были черны, в них колыхалась черной жижей страсть и угроза. Опасность тысячью зрачков смотрела на нее оттуда, и злость в нем клочкотала и вьюжила.

— Я знаю тебя, — уверенно сказала она, облизнув кровь с губы от его укуса, смело глядя в налитые болью глаза. — Ты сильнее всех. Ты лучше всех. Я не хочу твоей жалости, я хочу тебя.

Стон или рычание пророкотало в темноте, Зверь стоял перед ней, ошестинившись миллиардами острых стрел, она прижалась к нему, зная, что играет со смертью.

— Ты не зло, — горячо шептала она, чувствуя, как кровь с губы стекает по подбородку. — Ты выбор. Ты имеешь право выбирать и даришь это право другим. Я выбрала тебя. Выбираю тебя каждую минуту своей жизни. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Я чувствую тебя. Твоя боль — моя боль. Твое одиночество — моя печаль. Твоя страсть — моя любовь. Твоя похоть — мое желание.

Он медленно собрал языком бегущую по ее шее кровь, нежно прижался к губам, и поцелуй был солоновато-сладким, нежным. Доверие к нему переполняло ее тело, она чувствовала себя невесомой. Как тогда, на балу, во время их первого танца. Ей даже казалось, она слышит ту волшебную музыку. Знает, что впереди будет счастье.

— Настя. — Этот выдох принадлежал графу. Она улыбнулась. Зверь бежал, поджав хвост.

Что она могла сделать для него? Что еще она могла отдать ему, подарить, предложить? Всем телом и душой она хотела согреть его, прогнать тени, мрак, зло. Ведь он был иным.

— Я принесу тебе только боль, маленькая девочка. Уходи.

Схватив его руку, развернула ладонь и поцеловала. И с удивлением увидела, как кровь с губы, что никак не останавливалась, затекла в линии на ладони. У него появились линии судьбы.

— На моих руках твоя кровь, — горько прошептал демон.

Она прижалась к его ладони щекой.

— Это ничего не значит. Я бы отдала больше, только попроси.

Он смотрел на ее светло-русую макушку, не в силах сказать ей, что она умрет, а он ничего не сделает для того, чтобы спасти ее. Он предаст. Чтобы спасти остальных.

Она так доверяла ему... Доверие и любовь двигали этой хрупкой девушкой, чьи зеленые глаза, казалось, всегда грустны. Она росла, становилась мудрее, училась следовать своим путем. Он не имел права теперь столкнуть ее с этой стези. Ему стоило столько трудов направить ее. А теперь все, чего хотелось: накрыть своими крыльями и не отдавать никому. Даже Ему. Особенно Ему.

— Тогда оставайся, я велю подготовить тебе комнату. Побудь со мной. И всеми моими демонами. Но твоя душа пусть останется с тобой. Не сегодня.

Она кивнула.

Пока они перебирали предметы-воспоминания в его кабинете, где он слушал ее удивленные возгласы или чувствовал, как она замирает от благоговения перед тем, как прикоснуться к вещи, полной истории, пока ужинали вдвоем, сидели у огня, смеялись, он забыл о времени. Не слышно было этого надоедливого пульса секунд, который так часто сводил его с ума в темноте. Она заполнила пустоту рядом с ним. Вечную пустоту, которой, казалось, нет конца. И даже когда она заснула на диване, доверчиво положив голову ему на колени, даже тогда в наступившей тишине он слышал только спокойное биение ее сердца.

### ГЛАВА 3

Голоса стали звучать в голове, когда она гуляла по лесу с Ликой и Диего. Это был мужской хор, который растягивал слоги так, что даже непонятно было, на каком языке поют.

— Ты слышишь? — спросила она у Лики.

— Что именно? — спросила ангел.

— Как они поют.

— Птицы?

У Насти было ощущение, что она на службе в соборе, а не в лесу. Она запрокинула голову, чтобы убедиться, что над ней кроны деревьев, своды ветвей и листьев, небо, а не потолок храма. Ну ладно. Поют, и славно. В конце концов, поют прекрасно, пусть это и потусторонние, нездешние голоса. И она пошла дальше, прислушиваясь к пению, проводя в задумчивости рукой по веткам кустарника и стволам деревьев. И вот тут она впервые увидела ее.

Серебристая субстанция при прикосновении к ветвям отделялась от них и тянулась к ее пальцам. Настя остановилась, замороженная зрелищем. Вот она касается плюща, обвившего дуб. И от остроконечных листьев струится потоком, тянется к ней сверкающая, прозрачная, как туман, дымка.

Лика и Диего, думая, что она остановилась подпитаться энергией, сели на ствол упавшего дерева, ангел достала воду, бутерброды, термос с кофе.

— Настя, когда сможешь, приходи к нам! — крикнула Лика.

— Угу. — Настя пыталась понять, что это такое.

Приложив ладонь к сосне, она подержала ее, а потом убрала: из ствола вслед ее руке потянулась ржавого цвета мерцающая дымка.

Мысленно Настя взмолилась Старой Матери: «Что ты еще за муку придумала мне, ведунья?»

— Я лишь награждаю тебя, — послышался голос позади нее.

Настя резко обернулась. Старуха стояла перед ней в образе прекрасной лесной девы в одежде из мха и листьев, с ветвями, вплетенными в волосы, по которым прыгала, тренькая, коричневая птичка.

Но это была Старая Мать, Настя чуяла звериной своей сутью.

— Тебе нужны будут силы, чтобы сопротивляться злу. Ты мой воин, я выбрала тебя из всех жриц: прошлых, настоящих и будущих.

— Ты не выбирала, меня привел демон.

Смех серебристым колокольчиком разнесся по лесу.

— Я знала тебя задолго до того, как о тебе узнали демоны. Задолго до того, как ты заговорила. Я — сама жизнь, Настя, и вынуждена признать, что все это время я приглядывалась к тебе с недоверием. Но ты сильнее, чем думаешь. Только...

— Только что?

На лице Старой Матери отразилось сомнение.

— Только силы зла все сильнее, моя волчица. И боюсь, что всех сил земли не хватит, чтобы противостоять ему. Оно разрушит все, что я создавала, все, что создавал Он. Я только надеюсь, что ты найдешь путь.

— Почему я?

— Так получилось. Разве не приятно на время стать равной богам?

— Демон говорит, я погибну в сражении. Это так?

— Демон во многом прав. Боюсь, что часть тебя погибнет. Но все живое смертно, Настя.

— Тут следует разговор о бессмертии души?

— Я не стану говорить того, что ты поймешь и без меня. Загляни в душу к ангелу — увидишь там мрак, загляни в душу к демону — возможно, увидишь свет... А человеческие души хрупки, непостоянны: умирают сами по себе, растворяются, возрождаются, остаются навеки призрачными. Ты это знаешь и без меня, говорящая с призраками. Ты видишь души мертвых и можешь заглядывать в души живых.

Мороз пробежал по коже Насти. Сколько всего она хотела спросить у Матери, но не решалась, потому что побаивалась ее больше демонов. Было в ней, в этой силе природы что-то безудержное и дикое, совершенно неразумное, чего не было даже в демоне. В каком-то смысле ближе всего к ней стояла Ноктурна, только была ее негативом, разрушительной, не созидающей силой.

— Зачем наделять меня, смертную, такой силой? Почему не выбрала того, кто живет дольше?

— В человеческой хрупкости есть своя красота. Вы же сами создаете прекрасные вещицы, порой очень хрупкие и недолговечные.

Прекрасно... она для богов всего лишь милая хрупкая вещица.

— Ненавижу тебя.

Старая Мать засмеялась. Красивая девица растворилась, и перед Настей снова стояла старуха с бельмом на одном глазу. Второй менял и цвет и форму, становясь то птичьим, то кошачьим, то змеиным, то человеческим. Настоящая Баба-яга.

— Мне все равно, что ты чувствуешь. — Костлявый палец с длинным ногтем ткнулся в грудь Насти. — Мне важно, что ты знаешь, что этот мир надо спасти. И ты сделаешь все для этого.

И она исчезла. Настя закрыла глаза.

Если бы она была богом, разве разрешила бы грызться остальным? Если бы она была природой, разве не сохраняла бы, вместо того чтобы разрушать? Если бы она была ангелом, было бы в ее душе место для зависти? А если была бы демоном — разве стала бы рушить ею не созданное? Но ее место ничтожно, она человек. Такой маленький и потерянный, что хочется остановить всех ангелов, демонов и прочих тварей, заорать на них, чтобы они угомонились уже и перестали вырывать друг у друга несуществующие бразды управления.

— Настя!

Она обернулась. Лица улыбалась ей и махала рукой.

— Иди к нам, а то Диего прикончит твой бутерброд!

Улыбка помимо ее воли появилась на лице. Позабыв о Старой Матери, об энергии леса, Настя пошла к друзьям.

Диего ломал пальцами сухую веточку, пока прислушивался к трепу девчонок. Лица сползла со ствола упавшего дерева и сидела, прислонившись к нему спиной, на опавших листьях и мху. Настя пребывала в глубокой задумчивости, Диего попытался проникнуть глубже в ее мысли и вздрогнул, когда на него прыгнула белая волчица. Не сразу осознал, что это случилось не наяву, что она выгнала его из сознания Насти. Но он все равно знал, что девушка связалась с графом Виттури, что-то между ними определенно происходило. И оборотень был зол на графа из-за этого. Не из-за Насти. А потому что граф запретил ему даже смотреть в сторону Лики.

При одном только взгляде на ангела оборотню становилось тоскливо. Как же Лица живет и не чувствует себя одинокой? Неужели за все время ее земного существования она не влюблялась? Он покосился на вырез ее майки, спустился взглядом до бедер. Это безумие желать ее постоянно, желать ангела. Граф верно говорит, Диего преступен в своем влечении.

Диего был последним, кто заметил опасность. Настя почувствовала, как напряглось тугой стрелой тело белой волчицы, прежде чем осознала, что лес молчит. Лица вдруг переменялась в лице и начала подниматься. В этот момент волчица выскочила из Насти и зарычала. Лица вскрикнула и схватилась за лук и стрелы, но не успела вставить стрелу: повалилась на бок, застонав от боли.

Диего обернулся, увидел шестерых ангелов, приближающихся к ним, и перекинулся. Встав плечом к плечу с белой волчицей, он оскалил зубы и зашипел. Шерсть встала дыбом, когти от напряжения вонзились в сырую землю.

Михаил с лицом, полным презрения, мельком взглянул на животных и перевел взгляд на Настю.

— Время платить долги.

Настя поняла его: в Риме он уступил ее просьбе, оставил с друзьями. Но теперь архангел был настроен решительно. Кулон опять раскалился и жег кожу. Настя знала, что не должна отдавать его Михаилу в руки, но шестеро ангелов запросто искрошат Диего и волчицу, а Лика не могла действовать против них.

Поэтому она расстегнула цепочку и протянула темнеющий от накала кулон Михаилу. Он схватил его, но тут же отдернул руку, кулон упал в траву, и легкий дымок начал клубиться от сухих листьев.

— Подними.

Настя послушно подняла его. Он был горячим, но не настолько, чтобы обжечься.

— Ты пойдешь с нами.

Настя призвала волчицу, и та исчезла. Диего сделал было шаг к ней, но она остановила пантеру:

— Нет, Диего. Остайся с Ликой. Предупреди графа.

А сама мысленно призывала его, желая больше всего на свете, чтобы он оказался между ней и Михаилом. И она сделала шаг навстречу архангелу. Потом еще.

Земля почему-то ощущалась вязкой под ногами. Она так сильно зажала в ладони кулон, что ногти и края кулона вонзились болезненно в кожу.

В упор она смотрела на Михаила. В чем его игра? Чего он хочет от нее?

Архангел крепко схватил ее за плечо. Настя обернулась на Диего, который склонился над Ликой.

— Закрой глаза.

Настя послушалась.

— Открой.

Она в ужасе огляделась: они находились уже не в лесу, а посреди лавандового поля, которому, казалось, нет ни конца ни края. Настя решила не задавать вопросов и вообще никак не общаться с архангелом. Она надеялась только, что демон сможет найти ее. И снова обратилась к нему с призывом.

В этот момент Михаил ударил ее прямо в солнечное сплетение.

Диего никогда не видел графа Виттури таким. Когда он материализовался перед ними, оборотень как раз пытался поднять Лику и успокоить ее. Ангел рыдала навзрыд. Сначала граф бросился к Лике, оттолкнул Диего, прижал ее к себе, но почти сразу отпустил: он не мог ей помочь силой, они были разными.

— Все хорошо, все хорошо. — Он вытирал ей слезы.

Лику трясло.

— Я не смогла ничего сделать, я не смогла. Они ее забрали.

— Ничего, ничего.

Диего с завистью смотрел, как пальцы графа вытирают слезы с фарфорового личика ангела. Синие глаза Лики с надеждой и какой-то необыкновенной верой посмотрели на демона.

— Вы же спасете?

— Я все миры переверну, чтобы ее найти. Она позовет меня, я уверен. — В его карих глазах при взгляде на Лику было столько золота, что Диего невольно засмотрелся на демона.

И тут лицо графа стало серым, и он стал медленно оседать. Лика подхватила его и удержала, чтобы он не упал. Диего тоже присоединился к ангелу. Тут уже не до глупой ревности. Ничто не может быть страшнее уязвимого демона. Это внушает ужас.

— Господин граф. — Диего в ужасе смотрел на то, как чернота застилает золотистый свет в глазах графа Виттури. Он взвыл страшным, потусторонним голосом и исчез.

Лика всхлипнула.

— И что теперь?

Диего крепко ее обнял.

— Надо вернуться в агентство, и как можно скорее.

Когда она начала приходить в себя, первое, что поразило, это то, что земля не дает ей силы. Настя так привыкла к этому потоку, который постоянно тек в нее от земли, что осознание того, что она лежит среди кустов лаванды, а сила не идет, заставило очнуться. И тут же вернулась боль. Она закашляла, вытерла рот: он был в крови. Приподнялась на руках. Солнце было ярким, но она не ощущала жары, не пахла земля, не пахла лаванда вокруг. Она провела рукой по головкам цветков: ничего.

Настя была одна посреди бесконечного лавандового поля. Вдруг вспомнив, судорожно разжала руку: кулон был на месте, впечатался в ладонь, оставив багровые следы. Она собралась с силами и повесила его на шею. Попытки вызвать демона только усиливали боль во всем теле. Что они с ней сделали? Где она?

Настя боялась и думать о том, что Михаил каким-то образом прервал ее связь с графом Виттури. Что лишил ее способности брать силу из природы. Было ощущение, что она обнажена и беззащитна. Лавандовое море вокруг взволновалось, но она не чувствовала ветра. Настя заплакала, уткнув голову в колени. Еще никогда она не воспринимала себя такой одинокой.

Голос архангела раздался над ней так неожиданно, что она вздрогнула от страха. Подняв голову, увидела Михаила и от ненависти к нему сжала кулаки.

— Ты будешь делать то, что я прикажу тебе.

— Никогда!

— Тогда ты останешься здесь навсегда. Я вернусь завтра.

Он исчез. Она долго сидела на земле. Потом встала, снова села, сил не было ни на что. Казалось, что лавандовое поле питается ее силами, потому что чем больше она проводила времени на нем, тем слабее была. Вскоре она легла на землю, мечтая о том, чтобы уснуть и никогда не просыпаться. Одиночество было громоздким, огромным, оно давило на нее как пресс, голова была тяжелой.

Ее разбудил голос Михаила.

— Ты будешь делать то, что я прикажу тебе. Тогда мы спасем мир.

Спасем мир! Если бы она могла, то рассмеялась. Но сознание уже мутилось, оставалось только еле разлепить пересохшие губы, чтобы ответить, не открывая глаз, едва слышно:

— Нет!

— Я вернусь еще через сутки. И это будет последний раз.

И снова безмолвие мира, который пожирал ее, уничтожал. Убивал.

Бодрящий холод от металла, прижатого к щеке, вырвал Настю из темноты. Чьи-то пальцы, смоченные в воде, коснулись ее потрескавшихся губ, увлажнили их, и неизвестный голос мелодично произнес:

— Пей, Анастасия.

И горлышко фляги прижалось к ее губам. Настя жадно глотала воду. Такую сладкую, такую прохладную. Ничего не было вкуснее. И силы стали возвращаться. Она еле разлепила глаза.

Не сразу она узнала склонившегося над ней парня. Его лицо было озарено ярким светом, он улыбался ей так нежно и по-доброму, что хотелось расплакаться и уткнуться ему в плечо.

— Не бойся.

Она и не могла его бояться. От него шла волна любви и прощения, невероятно сильная, наполнявшая ее надеждой.

— Пей, Анастасия, пей еще.



Она послушно пила, наполняясь силами, но он по-прежнему поддерживал ее голову.

Потом помог сесть.

— Я знаю тебя. — Ее лицо было совсем близко от его, но он только улыбнулся, и волна тепла и счастья словно опрокинулась на нее, накрыла с головой.

— Конечно. Мы уже встречались.

— Подвеска, — вспомнила она. — Это ты мне ее принес.

Он не ответил, только нежно дотронулся до ее щеки, вглядываясь в нее своими солнечными глазами.

— Да. Я помогу тебе выйти отсюда.

Рафаэль дотронулся до век девушки, и она уснула, обмякнув у него на руках. Он поднял ее с земли, Настя была легкой, как перышко. Еще немного, и он бы опоздал. Живому человеку плохо в междумирье, даже души стараются не задерживаться в нем надолго. Он накрыл ее крыльями и перенесся на крышу дома в Барселоне. Демон стоял напротив него. Рафаэль раскрыл крылья и показал ему спящую Настю.

— Я в долгу перед тобой. — И Рафаэль впервые испытал что-то близкое к ужасу, когда увидел, как Самаэль опускается перед ним на колени. Бунтарь, которого не мог смирить даже Он, тот, кто шел всегда своей дорогой, не обращая внимания на кару и наказания, вопреки им. Потому что считал себя правым, верил в то, во что все уже перестали верить. В людей. Непокорный, мятущийся, гордый... Его сила и воля внушали архангелам трепет и ужас. И вот он опускается перед ним на колени. Потому что Рафаэль держит на руках хрупкую и маленькую жизнь, которая, видимо, слишком много значит для Самаэля, чтобы помнить о гордости. Внутри архангела все сжалось от сочувствия и любви.

— Нет, — остановил он его. — Нет. Не надо, брат.

Самаэль дернулся, будто ему дали пощечину.

— Я не брат тебе, — прорычал он. — Я демон, ты — архангел. Я твой раб, если хочешь.

— Ничего не хочу, Самаэль.

Он осторожно положил Настю перед стоящим на коленях демоном. И сам опустился перед ним на колени.

— Ничего не надо от тебя. Ты не раб, я не хозяин. Мы оба любим то, что перед нами. Этот мир.

И Рафаэль исчез. Демон склонился над Настей. Боль в солнечном сплетении отозвалась глухим пульсом. Все это время он метался по мирам, искал ее, в ужасе ощущая пустоту там, где прежде была связь с ней. Он боялся, что они убили ее. И они почти убили. В отчаянии, когда появился Рафаэль, демон был готов на все, лишь бы Настя снова оказалась рядом. Он уже не помнил, что обещал ему, Рафаэль только кивнул и исчез. И теперь, когда Настя спала перед ним, он все еще не верил, что она жива.

Потому что пустота внутри по-прежнему причиняла боль. Он дотронулся до щеки Насти. Девушка спала глубоко и только вздохнула во сне.

Что он наделал... подставил под удар этого ребенка, человека. Он собирался принести ее в жертву, а сам в свое время остановил другое жертвоприношение, бессмысленное... а теперь? Разве эта жертва имела больший смысл? Разве стоит спасения мир, если ради него надо убить невинное дитя? Он сам, взбунтовавшийся против, павший... Своими руками делает то же самое, против чего восставал. Не в этом ли ирония Отца? Ведь, похоже, именно по его воле тогда, на балу, он был связан с Настей...

Ладонь скользнула с щеки на шею девушки, пальцы остановились на том месте, где ее кровь подавала сигнал жизни. Размеренный, спокойный. Сейчас ее душа пребывает в прекрасном сне, далеко от него. Так далеко, что не хочет возвращаться. Медленно с шеи он провел рукой до ее солнечного сплетения. Возможно, они навсегда потеряли друг друга. И ему будет не хватать ее. Но, может, так лучше для них обоих...

Как глубоко она спит... Он почти может различить тень сновидений на ее веках, загнутые светлые ресницы иногда дрожат, и он завидует ее способности видеть сны. Он склонился к лицу Насти. Имеет ли он право прервать этот сон? Может ли? Но чем ближе наклонялся, тем неодоливей было

желание поцеловать ее. И он слегка коснулся ее губ самым чистым из всех поцелуев демона.

Словно плотина прорвалась внутри, впуская золотой поток ее силы, закручивая вновь связь между ними. Он в восторге застонал, ощущая тепло этой связи, ее свет. Рукой подвинул девушку ближе к себе, соединяя их тела на уровне солнечного сплетения, дрожа от силы, с которой вновь прорастала в нем и в ней эта связь. Когда все закончилось, он отпустил ее, зная, что они снова вместе. Она открыла глаза, поморгала, будто не верила, что видит его перед собой.

— Демон, — прошептала она, — ты мне снишься?

Он улыбнулся и провел рукой по ее лицу.

— Земная, я так рад, что ты вернулась.

— Поверить не могу. Михаил мог тебя угробить. — Лика вся дрожала от негодования. — Как он мог так поступить?

— В каждом ангеле живет демон, — сухо ответил граф Виттури.

Он принес Настю в агентство, где уже были все в сборе. Рассказ Насти вызвал бурю эмоций: жестокость Михаила не имела объяснения и оправдания.

— Пока ты проходила ароматерапию в лавандовых полях, я нашла нашу балерину, — вставила наконец в поток бурных обсуждений архангелов свои пять копеек Игсаску.

— Мы уже готовы к поездке, не хватало только тебя. — Серж протянул ей распечатанные билеты.

— «Премьера „Жизели“. Молодежная труппа Большого театра». Ничего себе... эта девочка танцует в Большом?

— Представь себе. Вылет вечером. Я поеду с тобой за вещами. — Ладонь графа Виттури легла на ее руку. Он не отпускал ее ни на шаг от себя, и это не укрылось ни от кого от агентов. Серж добродушно еле сдерживался, чтобы не подмигнуть Итсаску, Джонни пытался скрыть улыбку рукой, которой приглаживал светлую бороду, Цезарь в тревоге наблюдал за каждым движением графа, словно боялся, что он вот-вот съест Настю, Итсаску и Рита делали вид, что ничего не видят. Диего откровенно злился. Анжелика только тревожно следила за Настей, словно если бы та возмутилась, Лика напичкала бы тут же стрелами графа Виттури. Габриэль мрачнел на глазах, а папа римский пообещал Насте очистительную мессу во спасение ее души. Насте было все равно, что думают остальные. Убедившись в том, что с графом по-прежнему есть связь, она расслабилась под его опекой. Пока он рядом, бояться нечего.

— Но что именно мы собираемся делать?

— Для начала поговорить с ней. Мы уже выяснили ее биографию. Ее мать пропала, брат и отец умерли. Она подходит под параметры поиска. Необходимо убедиться, что это именно дочь Ноктурны.

— А потом?

— Потом будет ясно. Порой будущее скрыто от нас в тумане, пока не сделаешь шаг, не увидишь, что там дальше.

Настя кивнула.

## ГЛАВА 4

На паспортном контроле аэропорта Шереметьево в Москве таможенник долго и придирчиво изучал паспорт Анастасии. Девушка с ночного рейса из Барселоны выглядела подозрительно: он видел, что, пока она стояла в очереди, то и дело разговаривала сама с собой. Затем поставил с грохотом печать, и девушка прошла. Впрочем, компания, что выстроилась за ней, была еще необычной: высокий черноволосый красивый мужчина шагнул к контролю сразу после нее. Гражданин Италии Виттури. Как таможенник ни пытался придрататься, но виза была особенной, дипломатической. Карие глаза мужчины с насмешкой наблюдали за тем, как он изучает его паспорт.

— Проходите, — наконец проштамповал его паспорт таможенник.

Брюнет с ухмылкой забрал паспорт и прошел. Следующей была блондинка с синими глазами, таможенник не удивился, что она оказалась русской. За ней шагнул мужественного вида блондин с бородой и собранными в хвост волосами. Он оказался гражданином Великобритании. И так же как предыдущий иностранец, он насмешливо наблюдал за действиями таможенника одним глазом. Вторым был закрыт кожаной повязкой, придававшей ему вид пирата. Вслед проплыла шикарная рыжая ирландка с таким размером груди, что парень поставил штамп, не отрывая взгляда от выреза ее красного платья. Рыжая нахально улыбнулась ему, отчего пограничник покраснел. «Вот ведь ведьма!» — подумал он, пытаясь узреть пятую точку красоты, когда она уходила. Потом был неприятный испанец с зелеными глазами и такой необычной внешностью, что даже смущала. Затем шла пара — испанка и француз, парень добродушно улыбался, а испанка, одетая в какие-то странные тряпки, сверлила пограничника таким взглядом, что могла бы работать на таможне сама. И завершали этот безумный ряд лиц пожилой итальянец и синеглазый синеволосый парень с пирсингом и в татуировках, которого по паспорту звали Габриэлем. Тоже странная парочка. Но к документам было не придрататься. Когда вслед за ними оказалась обычная семья с орущими детьми, таможенник даже выдохнул от облегчения. Ну и ночь!

— У тебя и в Москве есть дом? — спросила Настя, когда граф назвал водителям один и тот же адрес и они все расселись по такси.

— Конечно. — Он сел на этот раз вместе с ней на заднее сиденье, с другой стороны пристроился Габриэль, а папа римский расположился рядом с водителем. Рукой граф приобнял девушку и привлек к себе, и она со вздохом положила голову на его плечо. — Я долгое время жил в Москве. Как-нибудь я расскажу тебе об этом.

Его голос приятно ласкал слух. Она закрыла глаза, пытаясь расслабиться и подремать еще немного, но мысль о том, что она в Москве, а дома показаться не может, все равно крутилась в голове. Но как же было хорошо, когда демон рядом! Тепло, спокойно и вот это постоянно щекочущее состояние счастья, словно легкое касание перышка... Если бы не Ноктурна и ее угрозы, как было бы здорово и дальше расследовать странные кражи и исчезновения, разгадывать мистические загадки и раскрывать преступления, которые обычно занимали время агентов до того, как началась вся эта история с картинами. Но... Настя могла бы и не попасть тогда в агентство и не познакомиться с графом Виттури. Если бы она не столкнулась тогда с мальчиком-воришкой, никто бы не узнал, что есть такая девушка, для которой что призраки, что живые... Все одно.

Нет. Теперь уже невозможно представить свою жизнь без друзей из агентства, без этих приключений. Без него.

После того как ее похитили ангелы, граф Виттури не скрывал уже своего особого отношения, и очень часто она оказывалась у него под крылом. Вот как сейчас. Он словно боялся отпустить ее лишний раз, чтобы она снова не попала в беду. И Настя, зная, что он лишь оберегает ее, готовя в жертвы, не тешила себя ложными иллюзиями. Но иногда... Иногда она просто давала себе возможность полностью расслабиться, довериться ему, позабыть о своем страшном будущем, о его темной природе... и просто опустить голову ему на плечо. Закрыть глаза...

— Приехали. — Его губы слегка коснулись ее лба.

В свете фонарей двухэтажный особняк казался маленьким. Но внутри был просторный холл, очередной молчаливый дворецкий, чистые и подготовленные к приезду гостей комнаты и быстрый ужин.

Пока агенты проглатывали вкуснейшие канапе и салаты, граф Виттури подошел к окну. На улице под фонарем стоял человек и смотрел прямо на него. Азazelло. Граф Виттури ухмыльнулся. Они всегда рядом. Надо быть настороже.

Московские агенты уже начали слежку за балериной и одновременно незаметно ее охраняли. Но, возможно, Азazelло здесь вовсе не из-за этой девчонки-танцовщицы. Граф посмотрел на Настю. Она нужна Ноктурне. Придется ночью дежурить в спальне у девушек.

Он перевел взгляд на Лику. Ангел о чем-то беспечно болтала с Диего, оборотень пожирал ее глазами. Не к добру это все. Не вовремя.

— Лика, — позвал он.

Ангел подошла к нему совсем близко.

«Глупышка», — подумал граф, глядя в ее доверчивые синие глаза. Такая еще неразумная, несмотря на века жизни.

— Азazelло здесь, — тихо сказал он ей. — Будь начеку. Я приду к вам ночью. Настя должна выспаться, поэтому ничего не говори ей.

Лика кивнула. Потом замялась.

— Спрашивай, — разрешил он.

— Почему Михаил украл Настю?

— Потому что он хочет использовать ее в своих целях. Но не может заставить, ему нужно ее согласие. Думаю, его привлекает роль спасителя мира. Хочет примерить ее на себя за счет одной маленькой смертной.

— А ты? — Лика заметила, как граф посмотрел на Настю. — Разве ты не желаешь того же?

— Я не желаю быть спасителем. Эта роль не из моего репертуара. — Граф перевел взгляд с Насти на Лику. — Но если мы хотим и дальше играть человеческими душами, то придется уничтожить Ноктурну.

— Дело ведь не только в этом?

— Не только. Но какая разница? Путь спасения человечества всегда усеян трупами и залит кровью невинных, Лика. А потом ты смотришь на тех, кто спасся, и не знаешь, достойны ли они совершенных жертв. Как правило, недостойны.

— Ты же знаешь, демон, что не нам решать, кто достоин, а кто нет.

— Да, мой ангел. Ты права.

Он как-то слишком легко уступил ей, Лика с подозрением покосилась на графа. Но тот опустил в кресло, сцепил руки, переплетя пальцы, и замер так в ожидании, когда все разойдутся по комнатам.

— Зачем ты сегодня так провоцировала пограничника? — Локи помог Рите расстегнуть молнию на платье, наслаждаясь тем, как сантиметр за сантиметром обнажалась белая, мерцающая при свете зажженных свечей кожа на ее спине.

Рита засмеялась от вопроса и легкой щекотки, когда борода викинга коснулась спины перед тем, как он поцеловал ее между лопаток.

— Он просто напросился, ревнуешь? — Она повернулась к нему.

— Ведьма моя. — Рита прикрыла глаза, пока Локи ласкал ее лицо, бережно заключая его в ладони, чуть касаясь скул подушечками пальцев. — Ты — само пламя, сама жизнь. Я пьян тобой до беспамятства.

Он запрокинул ей голову, придерживая затылок одной рукой, другой ласкал ей шею, нетерпеливо спускаясь все ниже до так заманчиво выпиравших ключиц, которые делали ее еще более хрупкой. Пальцы Риты вплелись в его светлые волосы, движение, которое неизменно пробуждало в нем вожделение. Он сам не мог понять, как подпал под власть рыжей ведьмы, но был счастлив, что она выбрала его, потому что уже не мог представить свои ночи без ее страсти, такой пылкой, что порой он терялся перед тем сокровищем, которое досталось ему случайно.

Она была озорной, нежной, страстной, сам огонь, который не может гореть ровно, которому надо танцевать на углях, ласкаться и отпрыгивать, маня за собой.

Ее тело было божественным, Локи в нетерпении раздевал ее, чтобы еще раз увидеть, еще раз

убедиться, что она есть, что она с ним. Рита чуть прикусила его губу, засмеялась, запустила руки под майку, проведя пальчиками по его широкой мускулистой спине. Викинг зарычал, ведьма озорно улыbnулась, взметнув на него мимолетный красноречивый взгляд. Они понимали друг друга с полуслова, оба готовы были шутить и дурачиться наедине друг с другом, они были детьми, которым доступно волшебство спонтанности без запретов свыше и без контроля взрослых.

Итсаску залпом осушила бокал с кровью, который ей преподнес дворецкий. Ей нравились эти безмолвные слуги демона, ненавязчивые и почти незаметные. Почувствовав, как солонватая жидкость пузырьками лопаётся во рту, входя в химическую реакцию с её слюной, вампирша закрыла глаза от удовольствия.

Она вернула бокал на поднос и подошла к Сержу, который с любопытством разглядывал канapé.

— Ищешь в нем встроенное устройство по отслеживанию вампирш? — спросила она, прижимаясь к нему.

— Нет, — улыbnулся парень, — пытаюсь понять, из чего сделан соус. Чтобы повторить потом дома.

А будет ли это потом? Но Итсаску не задала этого вопроса, просто вытащила у Сержа канapé, положила в рот и проглотила, с наслаждением облизнувшись.

— Хватит играть с едой, — потянула она его из комнаты. — Я хочу сыграть в нечто другое.

Серж последовал за ней покорно, но когда они оказались в темном коридоре, прижал её к стенке и поцеловал. Это было головокружительно. Им всем необходимо было расслабиться, она чувствовала в нем ту же скрытую ярость и отчаяние, что и в себе. Он все это время тоже думал, что они обречены, но никак не выдавал себя. Но сейчас, в его яростном напоре, Итсаску осознала всю глубину его страха перед будущим. И подчинилась с радостью, вступила в борьбу, они ворвались в свою спальню подобно торнадо, разбросали одежду, дрались, пытались пересилить один другого в порыве страсти, пока наконец, обессиленные войной, где нет победителей и побежденных, не уснули, тесно переплетаясь друг с другом.

Папа римский вышел из их спальни, просочившись сквозь дверь. У него сегодня был просто праздник, обе пары дали потрясающее представление. Жаль, мавр не добился взаимности у ангела, а то было бы тоже интересно посмотреть. В комнату девушек он не пошел: там сидел в темноте демон и охранял их сон. Призрак долго слонялся по особняку, не в силах успокоиться. Что-то тревожило его душу на этой земле. С того момента, как он сошел с трапа, беспокойство не давало ему покоя. В рассеянности он подошел к окну и обомлел: на улице под фонарем стоял демон с красными глазами, папа римский невольно перекрестился. Страшенный, как само зло: весь покрыт волосами, куриные лапки вместо ног, глаза красные, клыки выпирают из нижней челюсти. А вокруг него вся улица заполнена призраками. Родриго Борджиа аж передернулся от ужаса: если такие твари поджаривают его современников в котлах с кипящим маслом, быть призраком не самое тяжелое наказание. Небеса даже оказались милостивы к нему. Но за говорящую с призраками все-таки страшно. Настя не выдержит и минуты среди такого количества призраков. А они все стояли безмолвно, глядя на окна особняка. И кого тут только не было. Надо предупредить её завтра же утром. Ей нельзя выходить на улицу.

Но к утру призраки рассеялись. Ребята после завтрака ждали московских агентов на совещание перед премьерой. Настя нашла в библиотеке графа книгу по демонологии и пыталась разобраться в сложной иерархии, но потом нетерпеливо захлопнула её и положила на стол. Падшие ангелы были главными, это она знала и так. Боги вроде Локи были демонами пониже, но тоже вполне сильными и могущественными. Суккубы и инкубы в основном питались сексуальной энергией людей. Демоны вроде Азazelло были созданиями темными, но не порождениями Люцифера, а, как и мелкие божки, появлялись словно сами по себе, возможно являясь плодом темной стороны природы.

Старая Мать вполне могла сотворить их назло своей второй половине, Отцу, как понимала Настя. Видимо, они создавали этот мир вместе, но потом случился конфликт. И сначала все поклонялись природе, то есть Матери, а потом произошел переход от Бога Отца. Но Старой Матери явно не хочется разрушать этот мир. Она выбрала Настю. Наделила её силой, зная, что Настя не сможет обладать ею вечно, потому что уязвима и хрупка. Получается, что её руками Старая Мать пытается вытащить из огня жаренные каштаны. А потом что?

Настя обхватила себя за плечи руками. Но тогда как понимать подачу с кулоном от Рафаэля? Получается, бог тоже в игре? И она одновременно является пешкой и для демона, и для Матери, и для бога? Все стараются перехватить её и сделать ход, даже Михаил. Даже Азazelло. В чем её сила?

Она обхватила кулон крепче, задумчиво грызла цепочку, прокручивая в голове возможные ходы

всех сторон. Но в том-то и проблема, что она всего лишь смертная, всего лишь девушка, куда ей до разборки демонов и богов. И все же... Дело в ней.

— Настя. — Лика вошла в библиотеку, неслышно ступая каблучками по пушистому ковру. Ангел переобулась с утра в туфли-лодочки и надела простое, но элегантное серое платье. — Граф просит всех собраться в столовой.

Первой, кого увидела Настя, была пышная молодая женщина со здоровым румянцем на щеках и толстой косой. Настоящая русская красавица. И имя у нее было подходящее.

— Дуняша, — представилась она, — а это два моих остолопа.

Она показала на мальчиков 12 лет, один был азиатской внешности, а другой совершенно черный, с мелким бесом выющихся волос.

— Они близнецы, — пояснила Дуняша.

Настя удивленно распахнула глаза.

Дуняша захохотала.

— Ой, ты, должно быть, не в курсе... Мальчики! — строго крикнула она на детей.

«Близнецы» одновременно закрыли ладонями лица, а когда убрали руки, на Настю смотрели два одинаковых рыжих мальчугана с синими глазами и золотистыми веснушками на щеках.

— Как? — только и смогла выговорить Настя.

— О... — Дуняша покраснела. — Дело в том, что они метаморфы. Могут менять внешность без грима и париков. Просто сами по себе.

— А копировать тоже? — Настя спросила Дуняшу, но близнецы ответили ей так же молчаливо: поднесли руки к лицу, а когда убрали, то на Настю смотрели две ее копии. Они даже стали выше.

— Интересный вариант, — усмехнулся граф Виттури, подмигнув Насте.

— Ладно, хватит паясничать, — прервала близнецов мать. — Я в местном агентстве руководитель, работаю в Ленинке, я архиватор.

— Архиватор значит, что она способна вызывать нужную книгу, — пояснил Цезарь.

— В основном, конечно, книги летают по библиотеке по ночам и в случаях нужд агентства, — хохотнула Дуняша. — А это мой муж.

Она показала на высокого широкоплечего мужчину с короткой стрижкой, тот был выше графа Виттури и Локи. Когда он шагнул к Насте, той почудилось, что пол дрогнул. Богатырь был рыжим, с синими глазами и очень каким-то домашним, что ли.

— Толя, — пророкотал он и протянул Насте огромную пятерню.

Она испуганно посмотрела на руку: он ее раздавит, даже если слегка пожмет.

— Не бойся, — пробурчал Толя, — не обижу.

Он пожал ей руку действительно бережно.

— Настя, должен предупредить тебя, что Толя — громовержец. — Цезарь улыбнулся так, как только он один умел: оставаясь абсолютно серьезным. — На случай, если он начнет метать громы и молнии.

Серж присвистнул.

— Теперь понятно, почему близнецы такие одаренные, оба родителя агенты.

— У нас еще работают Марина, Карл и Клара. Но они сейчас приглядывают за объектом, — пояснила Дуняша. — А мы с вами пойдем в театр.

— Честно говоря, — продолжала Дуняша за обедом, — мы все рады, что расследование привело вас в Москву, господин граф, ведь последнее стоящее дело, которое мы раскрыли, было три года назад.

— Что за дело? — поинтересовалась Итсаску.

Дуняша покраснела.

— Вампир-маньяк, который охотился на людей в парках, — ответил за нее Толик. — И как таких тварей земля носит.

— Толя! — шикнула на него Дуняша.

— Ничего страшного, — с абсолютно непроницаемым лицом ответила Итсаску. — Я привыкла.

— Давайте без перехода на личности, — примирительно воззвал Локи. — Нам еще сегодня на балет идти. Это событие требует массу моральных сил, чтобы не заснуть со скуки.

Настя во время этого разговора наблюдала за тем, как граф Виттури задумчиво смотрит на собеседников, но явно не видит их: его мысли были далеко, и, судя по мрачному выражению лица, они были совсем нерадостными.

— Давайте лучше решим вопрос с тем, как пронести оружие в театр. Вряд ли охрана нас пропустит, а гипноз в толпе чреват последствиями, — проговорил он, словно почувствовав на себе взгляд Насти.

— Нас не пропустят. — Дуняша пожала плечами. — Да и зачем нам оно? Мы же просто пытаемся выяснить, является ли эта девочка дочерью Ноктурны, не станем же мы нападать на нее посреди спектакля.

— Я не могу подвергать ни одного своего агента опасности. Ночью наш особняк сторожил Азазелло.

Настя вздрогнула.

— Поэтому, — продолжил граф, обведя всех притихших агентов черным взглядом, — я спрашиваю вас еще раз: как пронести оружие в театр?

— Может, подкупить охрану?

— Проверить, можно ли войти через служебный вход?

— Спрятать на крыше?

— Папа римский, — вдруг сказала посреди всеобщего гвалта Настя.

— Что — папа римский? — Толя захохотал. — Позвоним папе римскому, чтобы он пронес оружие?

Призрак Родриго Борджиа отчаянно пытался остановить Настю. Но та отмахнулась и, глядя в глаза графу Виттури, повторила:

— Если призраки крали картины и кошельки, возможно, у его святейшества получится пронести несколько мечей и пистолетов в театр? Если он не против, конечно.

— Он не против, — ответил за призрака граф Виттури и нехорошо улыбнулся, — он же помнит, у кого его ладанка?

— Гореть тебе в геенне огненной, проклятый дьявол! Еще бы я не помнил, меня повсюду за тобой таскает из-за этой ладанки. Чтоб на тебя обрушились...

— Хватит. — Настя прервала его. — Он все равно вас не слышит, а у меня уже уши свернулись в трубочку от всех проклятий.

Как показал проведенный опыт, папа римский мог заставить исчезнуть мечи, а также мог их возвращать, роняя удивленным зрителям на колени. Мальчишки-метаморфы особенно веселились, им-то не слышно было, как папа римский жалуется на то, что от их воплей его светлая и полная благочестивых дум голова начала раскалываться.

Настя не очень верила в то, что призраки страдают от мигреней. Втайне она знала: Родриго Борджиа рад поучаствовать в операции «Жизель».

## ГЛАВА 5

В Москве стояла аномальная жара, поэтому платья для выхода в свет были легкими, а вот мужчинам пришлось нелегко в рубашках. Настя шла под руку с Диего, рядом с ней многозначительно пыхтел и отдувался под бременем ноши папа римский. Габриэль даже в театр не пожелал надеть ничего «приличного», как выразился Цезарь, и держался ближе к Итсаску, которая была второй после него по эксцентричности наряда. Граф Виттури шел с Ликой, о чем-то переговариваясь с ней вполголоса, в какой-то момент он остановился и поправил заколку в причёске ангела. Настя не ревновала: она любовалась каждым его движением.

Локи протянул их с Ритой билеты контролерше, а ведьма прильнула к его спине. Она была в черном платье, глухом спереди и откровенно открытом сзади, так что на нее все время пялились мужчины. Локи усмехнулся в светлую бороду и провел свою ведьму дальше. Ему доставляло удовольствие замечать зависть в глазах мужчин даже больше, чем ловить заинтересованные взгляды женщин на себе. Скандинавский бог был хорош собой, несмотря на пиратскую повязку на глазу, а вместе с Ритой их пара отвлекала на себя внимание окружающих. Тем лучше, те из агентов, которые могли сойти за приличных зрителей, рассеивались по залу, папа римский отдавал каждому оружие, когда видел, что на них никто не смотрит.

К удивлению Насти, Габриэль, граф Виттури, Лика и она оказались в ложе. Сверху она видела Диего, Итсаску и Сержа на балконе, Цезаря и Дуняшу с ее семьей в партере.

— А Рита и Локи? — спросила она, повернувшись к Лике.

— Может, она пудрит носик? — улыбнулась хитро Лика. — Как-то они загадочно шептались перед входом в зал. Искры так и сыпались.

Папа римский положил на колени Насте ее меч.

— Театр — это грешное заведение, — нравоучительно заметил Родриго Борджиа.

— Вам понравится, здесь девушки в коротких юбках, — попыталась соблазнить его Настя.

— После выреза вашей ведьмы, который чуть ли не всю ее задницу оголил, я уже видел все, — парировал призрака.

Прозвенел третий звонок, свет начал гаснуть. Оркестр сыграл увертюру, и занавес открылся.

В темноте Настя нервно сжала руки, ожидая увидеть Жизель, за которой они охотились все это время. Горячая ладонь графа Виттури легла ей на руки, повелевая успокоиться. И она расслабила плечи, только сейчас осознав, как была напряжена.

Лика видела, как граф Виттури взял Настю за руку, но беспокойства их отношения ей не приносили. Она знала, что он не тронет ее, а потому его игры с девушкой были всего лишь прелюдией к ее гибели. Как кот играет с мышью, прежде чем ее придушить. Вот только уже некоторое время она видела, что коту эта игра приносит только боль. Ангел перевела взгляд на сцену.

Жизель, простая деревенская девушка, влюбляется, не зная, что ее возлюбленный — граф. Она живет в наивном мире, не желая слушать предостережение своего друга, влюбленного в нее.

Как только начался балет, Настя на время забыла о спутниках и словно перенеслась на деревенский праздник, куда увлекла любимого Жизель. Во время веселого танца девушке стало плохо: у нее было слабое сердце. Она успокаивает встревоженного графа, но вскоре в деревне появляются вельможи в сопровождении слуг, и среди них — невеста графа. Осознав, что ее обманули, Жизель страдает от разочарования, ее сердце не выдерживает, и она умирает. Так заканчивается первое действие балета.

Ролан сидел в первом ряду партера и плакал. Он тысячу раз видел все эти па и отлаженные движения, но сейчас все преобразилось. Энергия зала была невероятной: он ощущал волны восхищения и сострадания, которыми руководила его Наташа. Его Жизель. Она порхала по сцене, каждое движение было тягой к солнцу и радости; доверие и любовь, казалось, исходили от нее свечением, и в этом обожании купался ее партнер. Но вот Наташа пошатнулась: Жизели стало дурно, сердце не выносит радости и счастья, быстрого танца. Вот она успокаивает метнувшегося к ней влюбленного графа: все хорошо, я посижу, а ты иди, танцуй.

Сердце Ролана сжалось: вот-вот на сцену выйдет барон с дочерью — невестой графа. Прекрасной Жизели предстоит почувствовать всю боль предательства и разочароваться в жизни настолько,



чтобы умереть. Последний вздох, последнее «люблю», замершее в прощальном движении девушки. И трагедия происходит. Занавес закрылся, и волна оваций подобно цунами хлынула на сцену. Почти весь зал встал. Его Наташе рукоплескали, вытирая слезы, хватаясь за сердце. Кричали браво, и хлопки сотен ладоней слились в единый рокот обожания. Она родилась, его звезда. Свершилось.

Он долго не мог встать. Казалось, силы покинули его. Было страшно даже представить, что сейчас творится в душе Наташи. Триумф, восторг, нервное напряжение... Закрыв рукой глаза, он сидел, слушая, как настраивают инструменты в оркестровой яме, как гудят взбудораженные зрители. Подпитка была такой сильной, что от нее кружилась голова, как от хмеля, поднесенного Вакхом.

Впервые за все время его существования слеза выкатилась из глаза и пробежала жгучей дорожкой по щеке. Это было невероятно. Она была невероятна. Как может человек быть так прекрасен в танце? Говорить, плакать и смеяться движениями? Он будто слышал слова любви и боли, которые она одним взмахом изящной ножки могла сказать всему залу.

Бог есть, если есть такая красота. И как хорошо, что он смог коснуться этого мотылька, не смяв ему крыльев, не уничтожив его красоту и легкость. Он — самое низкое, самое примитивное и самое пошлое из существ — принял участие в создании шедевра. Какое счастье выйти из темноты ночи, чтобы не только сохранить разожженный кем-то огонь, но и сделать его выше и ярче!

Давно Настя не получала такого удовольствия от балета. Точнее сказать, никогда. Никогда еще ей не приходилось видеть такую балерину, как Наташа: гибкую, легкую, пронзительную. От каждого ее движения и прыжка в восхищении замирало сердце. И по воцарившемуся в ложе молчанию, и по гулу зала она поняла, что ее спутники тоже переживают первый акт балета как нечто особенное.

— Она само воплощение танца, — наконец разомкнул губы граф Виттури. — Я давно не видел Терпсихору. Это лучше танца семи покрывал Саломеи. Это не может быть человек.

— Это человек, — простонал Габриэль.

Настя повернулась к нему и ужаснулась: ангел был бледен, татуированные розы шипами вонзились в его кожу на шее, синяя майка почернела от крови, с пальца правой руки капала на ковер кровь.

Лица бросилась к нему, но Габриэль остановил ее:

— Нет. Не надо. Я заслужил.

— Но твоя кровь... она красная. Как у людей. — Лица непонимающе посмотрела на графа Виттури. — Но я уверена, он — ангел.

— Ты что-то вспомнил, Габриэль?

— Да. Это она. Это дочь Ноктурны.

Габриэль горько заплакал.

— Я думал, я смогу повернуть вспять дьявольский заговор одним словом. Спасти ее мать, не марая рук о ее душу. Я пал так низко.

— Наказан за бездействие, — сурово промолвил граф Виттури.

— Конечно... я же такой гордый был, чистый... белый... — Габриэль выплевывал каждое слово с презрением, а Настя завороченно смотрела, как падают с его раскрытых ладоней густые тугие капли крови. — А теперь кровь убитых Ноктурной на моих руках...

Смотреть, как плачет ангел, было невыносимо.

— Ну что ты, — глотая слезы, сказала Настя, взяв его за руку. — Тебе дали второй шанс. Мы заберем ее, вернем Ноктурне человеческий облик, разрушим зло. И вот увидишь, тебя простят.

— Конечно, простят, — эхом откликнулась Лица.

— Тебя не простят. — Голос демона тяжелой нотой ворвался в уговоры девушек. — Но ты можешь очиститься перед самим собой. Этого у тебя не отнимет никто, Габриэль. Простить самого себя. Если сможешь.

Насте показалось, что граф говорит не об ангеле. А о себе. Так много горечи было в его словах.

Габриэль кивнул.

Антракт подходил к концу, а они так и не вышли из ложи. Один раз к ним заглянул Локи. Демон сидел с мрачным лицом, глядя вниз, в зал, где двигались туда-сюда зрители.

Прозвенел третий звонок. Свет начал гаснуть. Занавес поднялся, и зал перенесся на кладбище, куда приходит друг Жизели оплакать ее смерть. Из тьмы леса появляются вилы — духи невест, умерших до свадьбы. Они кружат вокруг бедного мужчины в пляске, увлекая его в дикий танец, пока он не падает бездыханным на землю. Вот появляется граф, он тоже пришел на могилу Жизели. Вилы радостно бросаются на новую жертву, заставляя его плясать до самой гибели. Дикие духи девиц кружат и кружат несчастного юношу, и он уже еле переставляет ноги. И тут появляется призрак Жизели.

Наташа предстала из могилы бледная, почти прозрачная, словно и вправду стала лишь призраком жизнерадостной девушки, которая так наслаждалась каждой минутой жизни в первой части балета.

Перед чистой любовью зло отступило. Вилы постепенно сдавали свои позиции, а граф получил возможность остановить свой безумный танец и узнал в призраке Жизель.

Настя была так увлечена борьбой добра со злом на сцене, что вздрогнула, когда граф Виттури взял ее за руку.

— Пошли.

— Куда?

Но он лишь сильнее потянул ее за собой. Еще одурманенная музыкой, Настя вышла вслед за ним. У входа в ложу их ждали Лика и Габриэль.

— Берете Настю, Диего, Джонни. Забираете девчонку прямо со сцены как можно скорее. Идете к служебному выходу. Там вас ждут. Театр окружен. Давайте.

Больше вопросов Настя не задавала.

Музыка, казалось, аккомпанировала их мрачному настроению. Вслед за ангелами она прошла в служебные помещения, там к ним присоединились вооруженные и серьезные Диего и Джонни. Парни контрастировали по внешности и вооружению, но, судя по тому, как они проверяли дорогу, переглядывались и делали знаки, сейчас их личные проблемы были отодвинуты в сторону. Они работали слаженно и тихо. Лика вложила стрелу в лук, но тетиву не натягивала, иногда нервно лаская ее кончиками пальцев.

Настя держала руку на мече, но вытаскивать его не спешила: ей не хотелось никого пугать. Свет, и так горевший приглушенно, начал вдруг слабеть.

— Скорее, — прошептала Лика.

Настя видела, как над губой у ангела блестят золотистые капельки пота. Диего открыл дверь, и они вышли в коридор с примерками. Мимо них пробежали балерины и работники театра, но, опешив, прижимались к стенам при виде странной группы: впереди решительно шел, блестя неестественно зелеными глазами, красивый парень с чертами негроидной расы, но белой кожей. Вслед за ним — с серебряным топориком в руке одноглазый блондин в шикарном костюме, за которым двигалась ангельски красивая девушка в легком платье и с луком в руках, потом еще одна в сарафане цвета хаки с мечом, а за ней окровавленный панк.

Музыка становилась все громче, и Диего наконец увидел сцену.

Он остановился и кивнул Насте:

— Ты идешь первой.

— Прямо так? — Насте казалось страшным преступлением прервать такой балет.

— Можешь выйти на носочках, — предложил Джонни и, схватив ее за плечо, жестко сказал: — Хватай девчонку, мы прикроем. Постарайся успокоить ее.

— Ты совсем? Как я успокою человека, которому ломаю премьеру?

— Тогда бей ее по голове и тащи давай!

Он выпихнул ее на сцену и выбежал следом.

## ГЛАВА 6

Появление Насти на сцене Большого театра произвело фурор: это она поняла по гулу в зале, который на несколько мгновений перекрыл музыку. Затем события стали разворачиваться так стремительно, что ослепленная софитами и испуганная от осознания своего вандального поступка Настя не сразу поняла, что именно происходит.

Ее единственной целью, к которой она бежала, была Наташа. Нужно было успеть ее успокоить, прежде чем Диего и Джонни схватят и потащат прочь. Это безумие — похищать ее прямо со сцены. Но она ощущала, что Лика была права: тьма сгущалась вокруг театра. С каждым мгновением волчица внутри напрягалась все больше, готовая к прыжку, а по спине бежали электрическим током покалывания, от которых в крови начинало искрить. Что-то страшное случится, если она не успеет. И поэтому Настя бежала к балерине, обходя испуганных и остановившихся вилисов. Потом поднялся визг.

Кричали зрители и испуганные артистки, Настя слышала, как Диего заорал:

— Джонни, берегись!

Музыка оборвалась, Настя оказалась рядом с испуганной Наташей, как-то не вовремя подумала, что девочку слишком сильно накрасили, но потом, стараясь перекрычить грохот, положила руки на ее худенькие плечи и сказала:

— Не бойся...

Но дальше продолжить не смогла. Ее отбросил прочь красивый и элегантно одетый мужчина, который появился на сцене внезапно. От его толчка Настя попятилась назад.

— Не прикасайся к ней!

Глаза мужчины вдруг налились кровью, Настя вытащила меч и выставила его вперед.

— Отойди от нее!

К ее удивлению, Наташа испуганно прижалась к мужчине, как к своей защите, и посмотрела на Настю с ужасом.

— Наташа, я не причиню тебе зла. — Настя пыталась говорить с ней, стараясь перекрычить грохот и визг в зале. — Твоя мама...

— Моя мама? Вы знаете, где она? — Девочка заломила в волнении руки, Настя двинулась к ней, но ее спутник встал между ними.

— Не подходи. — Мужчина приподнял верхнюю губу и обнажил звериные клыки. Это был демон, она была уверена. Именно они так невыносимо красивы, даже когда показывают свою сущность. Внезапно рядом с Настей нарисовался Габриэль.

Он бежал вслед за Настей, Диего и Джонни. Настя вырвалась вперед, поэтому не увидела, как две балерины из танцующих вилисов вдруг изменились, их глаза провалились внутрь, рты стали тоже лишь черными дырами, и оба чудовища обрушились на ребят, Диего только успел крикнуть:

— Джонни, берегись! — Как оказался сам под белым и туманным покровом монстра.

Габриэль хотел было помочь, но увидел, как на Настю напал демон, и бросился к ней.

— Театр окружен, дубина, мы пришли ее спасти. Не тормози! — И он набросился на демона. Вместе ангел и демон свалились в оркестровую яму, из которой разбежались музыканты.

Настя снова схватила Наташу за руку и потащила со сцены. Девочка вырывалась и кричала.

— Да успокойся ты!

Настя повернулась к ней, увидела летящее в них огненное нечто, прыгнула на Наташу, повалила ее на сцену и откатилась вместе с ней в сторону. Их обожгло огненным дыханием, затем послышался удар, взрыв, и пламя рвануло на сцену, отрезав им ближайший выход.

— Скорее! — Настя подняла Наташу и потащила к дальней кулисе.

Лика выбежала на сцену последней и оторопела: весь зал кишел самыми разнообразными тварями, среди которых бегали испуганные зрители, в спешке покидающие его. Остальные агенты пытались

защитить людей. Лика отстрелила пару тварей, которым удалось залезть на сцену. Затем увидела, как Джонни, уничтожив атаковавшую его тварь, бросился к Диего, к которому присосалась ламия.

Отстреливая тварь за тварью, Лика вылавливала краем глаза сражающихся друзей.

Рита сражалась, сосредоточенно водя в воздухе руками и что-то бормоча: вокруг нее парили кресла и сверкающие ножи, которые она время от времени резко направляла на противника. По ведьме вспыхивали холодные искры, освещая ее фигуру достаточно хорошо. Услышав треск, как от детской погремушки, она развернулась на звук: плавно скользя по сиденьям и огибая тело мертвой женщины, на нее ползла огромная змея.

На одном из балконов вспыхнуло яркое пламя, жидкой лавой стекло в партер на попавшего под него зрителя. Мужчина вспыхнул мгновенно, лава облекла его фигуру ярким огнем с кусками застывшей темной массы, а затем превратилась в Белиала.

Падший ангел увидел Лику, послал ей воздушный поцелуй, с его ладони сорвался огонь, который полетел прямо на нее. Ангел едва успела отскочить в сторону и, подняв голову, увидела, как пламя летит в Настю и Наташу. Она закричала, но Настя успела отпрыгнуть прочь, увлекая за собой балерину. Лика поднялась и нацелилась в Белиала.

Она пустила в него три стрелы, они вонзились в kloкочущее лавой тело демона, но он лишь улыбнулся ангелу, сжал кулаки, и стрелы, объятые пламенем, вышли из него, развернулись и полетели в сторону Лики, а затем вдруг резко разошлись в разные стороны.

Одна из стрел летела в Риту. Ведьма была занята убийством змеи, заметила опасность в последний момент, но успела соединить три парящих кресла вместе, стрела прошла их и застряла в последнем. Лика выдохнула. Вторую стрелу перехватил Толя, наэлектризовал и убил ею, как ножом, волосатую тварь, которая подбиралась в вопящей Дуняше.

Третья стрела вонзилась Диего в спину, и тот, застонав, обрушился на Локи, когда тот помогал ему подняться.

Настя пробежала мимо них, уводя Наташу. На ее лице отразилось желание остановиться, но в этот момент на сцену выскочил Серж, схватил ее за руку и потащил за собой. Свет в театре погас окончательно.

В темноте Настя бежала за Сержем, утаскивая за собой Наташу, которую била дрожь. В темноте был едва слышен слабый, прерывающийся от сбитого дыхания шепот девочки:

— Это сон, просто сон...

— Черт! Черт! Черт! — Серж внезапно остановился.

— Заблудился?

— Где-то у меня был фонарик...

Он отпустил ее и стал рыться в карманах.

Настя прижала к себе балерину.

— Ты не бойся, Наташа! Все будет хорошо!

Волчица в ней зарычала, обнажив клыки. Чернота впереди вдруг стала красной, и перед ними встал огромный демон. Его черные глаза с красными вертикальными зрачками на багровой морде пугали, отчего невозможно было задержать на нем взгляд. Он был уродлив, весь в наростах и шипах, словно из-под кожи выступали зубы проглоченных им звериных черепов. Кожистые крылья упирались в стены коридора, и при малейшем трении сыпались искры. Он протянул руку с длинными когтями, и Настя отступила. На роже демона отразилось нечто похожее на ухмылку. Наташа завизжала.

Серж позади Насти ругнулся по-французски.

— Бежим!

Они побежали прочь от демона в черноту коридора, но впереди тоже покраснело пространство, и навстречу им выползла огненная змея. Она раскрыла пасть и напала на Сержа. Он метнулся в сторону, Настя воспользовалась его маневром, рубанула змею по шее, которая потянулась вслед Сержу. Голова шмякнулась на пол, тут же погасла и рассыпалась в пепел. Отрубленное туловище в агонии взметнулось вверх, а когда опустилось, на Настю смотрели две змеиные головы с мелькающими от раздражения раздвоенными огненными язычками.

Позади раздался скрежет, который, похоже, был хохотом демона.

Настя крепче ухватила меч.

— Серж, уведи Наташу. Я его задержу.

— Ты сбрендила? Она тебя грохнет.

— Черта с два она ее грохнет. — Голос Итсаску раздался совсем внезапно. Настя оглянулась.

Вампирша в отсветах пламени была совершенно прекрасна и сама казалась дьяволицей. Она медленно подняла руки с пистолетами.

— Валите, ребята, пока я тут играю.

И она методично начала стрелять в змею. Та взвилась, напала, но вампирша увернулась. Одна из пуль попала прямо в глотку, змея поперхнулась, и эта голова погасла.

— Валите, сказала! — прикрикнула Итсаску, и Настя побежала назад, к выходу на сцену, иного пути не было, ведь дальше по коридору был демон.

Граф Виттури пытался отрезать полчищу демонов доступ к публике, пока мальчишки-метаморфы, принявшие облик взрослых в форме полицейских, выводили людей. Но тварей было слишком много, они пробивались в толпу, бросались на людей, рвали им горло, откусывали носы, ломали с хрустом позвоночники. Началась паника. Братья испуганно ждали инструкций от графа, завороченные кровавым зрелищем. Ему пришлось встряхнуть их за шкирки.

— Выметайтесь! Всех, кого встретите, на выход, сюда не возвращайтесь.

— Но мама!

— Выполнять приказ! — взревел он, да так, что мальчишки побледнели дуэтом и бросились хватать всех, кто оказался парализован страхом.

Ворвавшись в зал, граф сначала зажег все уцелевшие светильники, чтобы остальным было легче сражаться, и набросился на демонов с новой яростью, подмечая между атаками расположение других агентов. Он увидел, как Настя увела Наташу со сцены, и выдохнул с облегчением. Теперь необходимо было прикрыть остальных. На сцене Лика и Локи склонились над Диего, и сердце демона заледенело. Он видел, как на них движется Белиал.

В ярости он потерял человеческое обличье, став выше и темнее, за спиной его распахнулись крылья. Взревев так, что демоны помельче попрятались под сиденья, он в два взмаха оказался за спиной Белиала.

Его мечи были направлены в спину павшего ангела, туда, где виднелись уродливыми отростками остатки крыльев. Но Белиал словно ждал его. С мерзкой ухмылкой он развернулся: в руке у него был меч. Он замахнулся и ударил по демону.

Лика успела налететь на него сзади, задержать руку, наскочив ему на спину. Белиал в гневе сбросил ее, и она, не удержавшись на краю сцены, свалилась в оркестровую яму. Демону пришлось отскочить от Белиала, теперь он снова наступал. Белиал приставил меч к горлу Диего.

— Твой котенок сдохнет, если сделаешь еще хоть шаг.

Глаза Самаэля от ярости затекли Тьмой, по щекам пошли черные трещины.

Он еле сдерживал себя, хоть и понимал, что Диего все равно умрет. Белиал не отпустит его.

Вспышка справа отвлекла на мгновение обоих, но этого было достаточно. Настя с воспламененным мечом замахнулась и отсекла голову Белиалу. Диего увернулся из-под лезвия, откатился в сторону.

Голова демона в короне упала и покатила по сцене, тело неуклюже свалилось набок. Настя смотрела на это расширенными от ужаса глазами: кажется, она ожидала немного иного эффекта от своего удара. В это мгновение тело и голова Белиала сгорели, превратившись в лаву, потом в угли, а затем в золу.

— Почему вы еще здесь? И почему вернулись на сцену? Дотанцевать решили? — набросился он на Настю, чтобы вывести ее из ступора. За спиной Насти пряталась Наташа. В глубине души его переполняла гордость за храбрость и отвагу говорящей с призраками, восхищение решительностью той, кого он так долго тренировал и учил драться. Больше всего хотелось обнять Настю и вывести ее

из театра, но он чувствовал, что его помощь нужна в другом месте.

Она перевела остекленевший взгляд на графа и моргнула, приходя в себя.

— Там демон покруче этого.

— Берите всех, кого сможете, и пробивайтесь к выходу. Итсаску там? — кивнул он на звук выстрелов.

Настя подтвердила и, когда граф Виттури метнулся в служебный коридор со сцены, хотела помочь Диего подняться, но оборотень ее остановил.

— Я подожду, когда освободится Локи, и попытаюсь регенерировать. Вам меня все равно не вытащить. Бегите!

Теперь Самаэль чувствовал, что Итсаску, справившись с огненной гидрой, пыталась сразиться с кем-то более сильным, перед внутренним взором вдруг предстали барабаны в пистолетах вампирши. Там оставалось только по одной пуле. Он должен успеть.

Он появился вовремя: демон обрушил на вампиршу огненный удар. Самаэль успел обнять Итсаску крыльями и принять удар на себя.

— Помоги Насте, — шепнул он в ее черные волосы и выпустил, разворачиваясь к демону.

Вампирша, на ходу заряжая пистолеты, успела выбежать на сцену и оглядеться, когда случился первый взрыв.

Столкнувшись на сцене, Ролан и Габриэль скатились в оркестровую яму. Там они продолжили свою схватку, но ангел, несмотря на свою явную тщедушность по сравнению с накачанным инкубом, побеждал. Нащупав под рукой металл, он со всего размаха врезал демону по мерзкой роже, один раз и второй, пока не осознал, что держит в руке помятую литавру.

Демон рычал, отбивался всем, что попадалось под руку: обломками инструментов и пюпитрами.

— Я хочу защитить ее! — вопил Габриэль, пытаясь достучаться до демона.

— Видел я, как ты защищал ее мать, тупица! — Ролан пытался сбросить его с себя, кровь, сочившаяся из раны на шее ангела, заливала ему лицо. — Какого хрена ты тут появился?

— Дай мне объяснить.

— Идиоты! Вы только время теряете. — Сильный удар под зад заставил Габриэля остановиться.

Лика стояла над ними, целясь в них из лука.

— Прекращайте! У нас есть проблемы посерьезней! Надо увести девчонок отсюда.

Ролан оттолкнул Габриэля и встал.

— Ролан. — Он отряхнулся, протянул руку Лике.

— Идиот, она ангел, они не водятся...

— Очень приятно. — Лика кивнула, не опуская оружия. — А теперь оба вылезайте. И постарайтесь сделать что-нибудь полезное!

Ролан и Габриэль переглянулись.

Когда они выбрались из оркестровой ямы, Лика помогла Локи поднять раненого Диего, ее тут же подменил Серж, и она снова взяла лук и стрелы.

— Пошли.

Толя, Цезарь и Дуняша пробились к Насте, помогли окружить Наташу в плотное кольцо. Вместе они стали пробиваться к Рите, которая пыталась отбиться от окружавших ее все более тесным кольцом тварей. Их когти то и дело касались тела ведьмы, оставляя глубокие порезы. Рита выдохлась от борьбы и не могла добраться до них.

Оставив остальных, Толя и Настя бросились к ведьме на помощь.

Но в этот момент взрывной волной всех повалило на пол. Кусок сиденья больно ударил Настю в

локоть. Боль электрическим разрядом пробила тело, Настя закричала, слезы брызнули из глаз, туманной пеленой закрывая от нее действительность. Сознание на мгновение померкло, а когда она очнулась, рядом были Наташа, Итсаску и Диего с Ликой. Подняв голову, она удостоверилась, что с Ритой все хорошо. Лица залечивала ее руку.

— Ты как?

— Терпимо, — через силу улыбнулась она. На самом деле она была измотана. Все силы, накопленные во время прогулок на природе, были исчерпаны. Сейчас она не могла бы даже выпустить белую волчицу. Ангел помогла ей подняться, но в этот момент ее, ведьму, вампиршу и Диего как языком слизнуло. Настя рассеянно моргнула.

В воздухе под потолком театра стала сгущаться тьма: в зал спускался на крыльях огромный рогатый демон, он смахнул хвостом агентов, чтобы они ему не мешались, ребята упали в другом конце зала. Ему нужна была только эта маленькая девчонка, которую нужно уничтожить, чтобы не мешалась под ногами.

Люцифер надвигался на Настю и Наташу. Насте было страшно, и она понимала, что против него не выстоять и минуты. И он это понимал, она видела торжество в его глазах. Наташа больно вцепилась ей в плечи, спрятала голову за ее спиной и вся тряслась как осиновый лист. «Это даже хорошо, — успела подумать Настя. — Так она не сможет понять, что ее защитница тоже дрожит».

Настя глубоко вдохнула воздух, сердце билось так быстро, что могло разорваться в любую секунду, от этого быстрого ритма голова кружилась. Единственным препятствием между Люцифером и Настей был горящий меч.

Она открыла рот, чтобы сказать что-нибудь язвительное, но остановилась: губы жалко сводило дрожью. Вот Люцифер протянул руку к девушкам. Настя понимала, что ее движения ограничены вцепившейся в нее Наташей. Она не двинулась с места, только перенесла вес тела на другую ногу и выдвинула меч навстречу лапе Люцифера.

Вот, значит, как она умрет. В схватке даже не против Ноктурны. А против того, кому в глаза не хочется смотреть.

Голос, подобный грому, и слова на незнакомом Насте языке отвлекли демона от нее. Настя тоже повернулась, привлеченная голосом, от которого дрожали перепонки.

Навстречу им через обломки и дымящиеся останки демонов и тварей шел Самаэль. Насколько Люцифер был уродлив, настолько Самаэль был невероятно красив. За его спиной колыхались, словно крылья, тени, сверкающие туманности, пространство Вселенной, будто он нацепил кусок звездного неба себе на плечи.

Он был выше привычного, глаза горели светом, и он говорил, говорил и говорил, на ходу доставая свои мечи.

Люцифер нервно ошетинился, а потом приподнялся и развернулся к Самаэлю.

Бросив мимолетный взгляд на девушек, Самаэль сказал только одно слово, которое Настя поняла:

— Бегите.

Два раза просить было не надо, она схватила Наташу за запястье и потащила прочь. Когда два демона схлестнулись в схватке, от столкновения их оружия пошла взрывная волна, которая нагнала беглянок, опрокинула, засыпала мусором. Настя встала, подняла Наташу, и на бегу к ним присоединились Локи и Ролан. Ролан подхватил Наташу на руки, и Настя испытала облегчение: та сильно тормозила ее движение. Едва они поднялись, вторая волна сбила их снова, по полу и стенам пошли трещины.

— Уходим. — Невесть откуда появившийся Цезарь, весь белый от штукатурки и пыли, схватил Настю за шкирку, помогая встать.

Рядом обрушился балкон. Часть агентов вышла из зала, Цезарь и Настя остановились, потому что прямо перед ними грохнулась балка, перекрывая выход.

В следующую секунду их опрокинула на обломки взрывная волна. Настя сильно ударилась боком, дышать стало больно и трудно.

Она еле приподнялась и стряхнула с головы мусор. Повернулась и увидела, что Цезарь лежит рядом

лицом вверх, а из его груди торчит обломок арматуры, который прошил тело насквозь со спины.

— Цезарь!

Паника сковала ее железными тисками, боль в ребрах не давала сил вдохнуть глубоко и закричать. Настя шепотом, потому что на большее не было сил, со слезами, бегущими по грязным щекам, пыталась понять, как можно освободить Цезаря.

— Тихо, тихо. — Цезарь лежал, полуприкрыв глаза, и тоже часто и поверхностно дышал. — Все хорошо, Настенька.

— Помогите! — просипела Настя. — Кто-нибудь!

Она понимала, что Цезаря ей отсюда не вытащить. Ее собственные силы были на исходе, а боль свинцовой тяжестью растекалась по телу, парализуя волю и разум. Поэтому, когда она расстегнула рубашку на груди Цезаря и увидела, что все его тело покрыто старыми глубокими шрамами от ножей, она застыла на мгновение, потому что решила, что ей померещилось. Человек не может выжить после таких ранений.

Сквозь стоящую столбом пыль прошла Лика.

Она охнула, бросилась к Цезарю. Отодвинув Настю, подняла его, вытащила арматуру, провела рукой, закрывая рану и останавливая кровотечение. Потом взялась за Настю. А та смотрела на Цезаря, не двигаясь, словно замороженная.

— Ты говорил, что ты человек, — наконец сказала она.

Взрывная волна заставила их пригнуться, все вокруг пошло трещинами, пол задрожал.

— Скорее! — Лика помогла Насте подняться и перелезть через обломки. — Надо уходить!

Втроем они выбежали в разрушающийся холл. Трещины на мраморном полу, казалось, бежали за ними, преследуя, стараясь поглотить.

Они выскочили к выходу, где падали части портика и колонны с шорохом кривились под готовым обрушиться зданием, сбежали со ступеней, увидели вдалеке, за кордоном пожарных машин друзей и бросились к ним.

Настя обернулась: квадрига Аполлона, наклонившись, спускалась, казалось, с небес в облаке пыли. В следующее мгновение крыша окончательно просела, поднялся столб пыли, и театр исчез из вида. Навсегда.

Цезарь стоял рядом, его лоб был рассечен, кровь тонкой струей стекала по белой, как у статуи, коже.

— Ты говорил... — Настя задохнулась от боли и слез. Ее предал человек, которому она доверяла как отцу.

— Я человек. Правда. Правда, Настя. Но я продал душу, чтобы стать бессмертным. Сейчас не время это выяснять.

Она положила руку на лоб. Как же сложно осознать это все.

— Люди не бывают бессмертными!

— Бывают. — В глазах Цезаря были тоска и боль. — Вот только бессмертие не приносит счастья.

Он хотел взять ее за руку, но она увернулась. Во рту першило от пыли и горечи. Сейчас ей нужно было только одно: ощутить опору хоть в чем-то, хоть в ком-то, почувствовать, что она не так безумно одинока, как сейчас. А еще ей было страшно за графа Виттури.

Он вышел из облака обрушившегося здания. Все еще сжимая в руках мечи. Все еще во власти Тьмы, ненависти и злобы. Его друзья ждали его, он увидел, как Рита радостно вздохнула, как вспыхнули ее магнетические зеленые глаза. Локи потрепал ее слегка по плечу: «Видишь, я же говорил, он справится». Лика от облегчения заплакала. Диего обнял ее, воспользовавшись возможностью. Цезарь зажимал рукой порез на лбу, кровь заливала белые от пыли руки. Он был сейчас словно ожившая статуя.

Плачущая, грязная и растрепанная Настя. Казалось, она стоит на краю мира с пустыми руками, с грузом невыносимой боли на плечах. Наташа вся в порезах и с разодранными коленями рядом, ее



белое платье превратилось в серую тряпку. Вокруг них ангелы, инкуб и остальные. Вся его команда, изрядно потрепанная и напуганная. Он отвел глаза, опустил мечи. Они не выдержат испытаний. Отчаяние обнимало их пыльным облаком.

— Демон...

Только она может произносить это слово так, словно оно не проклятие, а имя ветра, свободного и сильного. Настя подошла, хотела коснуться, но он отстранился.

— Мы ведь победили?

— Победили? — Он усмехнулся, находясь в плену злости и отчаяния. — Какая может быть победа, Настя? Посмотри вокруг: погибают смелые и невинные. Зло всегда сильнее.

— Это не так. Иначе не было бы смысла...

— Смысла нет, — перебил он ее.

— Не было бы тебя, — закончила она.

— Что ты хочешь от меня? — зло бросил он ей в лицо. — Я тварь. Демон, зло, грязь. — Слова песком скрипели на зубах.

— Это ложь! — Она ударила его кулачком в плечо раз, второй, третий. — Ложь!

— Тогда, может, сама дашь мне имя? Потому что я уже не знаю, кто я. — Он схватил ее за ворот и тряхнул, ткань затрещала. Она не сопротивлялась. Мягкая, как кукла. Ее так легко сломать. — Я знаю лишь, что больше не ангел, потому что стремился делиться знанием. И не дьявол, потому что тянусь к свету. Я дарил вам выбор, вы назвали это искушением. Я показывал вам красоту, вы кричали: «Соблазн!» Я давал знания, а вы убивали моих учеников. Я одинок. Я окружен вами. Но я не вы. И я больше не готов на подвиги ради вас. Посмотри на них!

Он показал на зевак, которые снимали на телефоны разрушенное здание театра и пожарных. До ребят даже доносился смех и обрывки обсуждений.

— Людям все равно, и мне должно быть тоже.

— Слушай, я не очень хорошо знаю, как помочь падшему ангелу в депрессии, но мне не все равно. И тебе не все равно, я знаю. И им, — она показала на друзей, — тоже. Разве ради этого не стоит обнажить меч?

— Нас мало.

— И мы умрем в бою? Знаю. Но лучше так, чем от страха и стыда. Ты дал мне волю. И я выбираю битву. — Ее зеленые глаза без страха смотрели в его Тьму.

— Ты подарил мне вторую жизнь, и я выбираю битву, — эхом откликнулась Итсаску, делая шаг вперед.

— Ты стал моим наставником, и я выбираю битву. — Диего встал рядом с вампиршей.

— Ты спас мне жизнь однажды, и я выбираю битву. — Локи поиграл мышцами.

— Ты дал мне силу, и я выбираю битву. — Рита тряхнула рыжими волосами.

Демон смотрел, как один за другим выстраивались перед ним его агенты. Его друзья. Нет, не время сворачивать знамена. Пусть все против них. Они против всех.

Наконец он кивнул.

— Нам осталось мало времени, но мы проведем его весело. Пусть каждый сделает то, что в его силах. Остальное уже не зависит от нас.

И в его темных глазах вспыхнули золотые искры света.

## ГЛАВА 7

— Как ты?

Настя обернулась, чтобы ответить, но поняла, что вопрос Лики был обращен к Диего.

— Терпимо, но заживает жутко медленно.

— Это же раны от падшего ангела, конечно, они поболят, но погоди, придем домой, я постараюсь еще подлечить тебя.

Ангел заботливо положила ладонь на спину Диего, и улыбка промелькнула в уголках полных губ оборотня. Настя прищурилась: уж не притворяется ли он, чтобы получить заботу Лики?

Сама она крепче обняла за плечи льнувшую к ней Наташу, но в этот момент Ролан подхватил девочку на руки и понес. Настя не возражала: как только Ролан увидел графа Виттури, он потерял силы к сопротивлению, оставил попытки увести Наташу, и под тяжелым взглядом демона опустился перед ним на колени. Это поклонение произвело на Настю неприятное впечатление. Она словно снова увидела, как пресмыкались мелкие бесы перед старшими демонами в Аду. Мурашки пробежали по коже: Самаэль, падший ангел, перед которым преклонялись агенты, мог повелевать и темными демонами?

Так их команда пополнилась, но Ролан не участвовал в беседах о спасении мира. Его единственной заботой была Наташа. И Габриэль тоже тянулся к девочке, несмотря на сопротивление инкуба. Но именно он привел Лику, оторвав ее от лечения Диего, чтобы она залечила ссадины на балерине. Наташа была в ужасе от всего, что происходило вокруг, не отпускала Ролана, выглядела страшно потерянной, была похожа на сломанную куклу, ярко раскрашенную и в порванном платье. Настя отвела ее в ванную, Итсаску с Сержем отправились в магазин за одеждой. Правда, принесли они все какое-то детское, пока они ходили менять покупки, переругиваясь и перекладывая ответственность за ошибку друг на друга, Настя отправила Наташу в душ, а потом уложила в постель. Девочка уснула тут же, как только Ролан обнял ее. Габриэль остался с ними, несмотря на яростное шипение инкуба, а Настя после душа спустилась вниз.

Все тело болело.

— Локи, Рита, — обратилась она к парочке, которая обнималась в гостиной, — мне нужно на природу.

Рита шагнула к ней, но в этот момент бархатистый голос за спиной мягко приказал:

— Надо уходить из города. Так что собирайтесь.

Настя обернулась, но графа Виттури уже не было.

Локи вздохнул:

— Он сам не свой. В Мексике прошел метеоритный дождь. Ноктурна набирает обороты. Огненная буря пронеслась по Австралии. Практически все выжжено, погибло две трети населения. А в Азии началась эпидемия и довольно быстро распространяется. Надо действовать быстрее.

— Он хочет выманить Ноктурну на природу?

— Подальше от города, — кивнула Рита. — Туда, где ты будешь полна сил.

Цезарь вышел из особняка последним с охапкой оружия, сложил его в набитый провизией багажник машины, сел на пассажирское сиденье рядом с Локи, который был за рулем, позади устроились Ролан, Наташа и Габриэль. Выглянув из окна, Цезарь встретился взглядом с Настей, но девушка быстро отвела глаза. С тех пор как она узнала, что он бессмертен, ученица избегала его. Но он обязательно расскажет ей свою историю. Чтобы она не совершала его ошибок.

Чезаре убивал. Грабил и убивал, но считал свою профессию разбойника благородной и оправданной: в юности его обвинили в конокрадстве, которого он не совершал. Лошадь появилась перед ним одним чудесным вечером, когда золото пшеницы волновалось под легким ветерком и разморенный послеобеденным отдыхом Чезаре возвращался пешком из городка, где жила его любимая. Свадьба была назначена на следующее воскресенье. Лючия была занята подготовкой, но им удалось увидеться через ограду в саду под присмотром ее старшей сестры. Никогда не забыть Чезаре запаха глицинии, что свисала тяжелыми фиолетовыми гроздьями с ограды дома Лючий.

И вот белый конь стоял перед ним, оседланный, но без всадника.

Чезаре подманил его к себе и взял под уздцы. Чей бы ни был конь, его хозяина нигде не было видно. И юноша, сев верхом, продолжил путь домой. Его воображению на миг представилось, что он — полководец огромных войск и на своем белом скакуне въезжает во взятый им город, чтобы взять в невесты самую прекрасную девушку. Мальчишка подбочился. Он намеревался предупредить власти о пропаже, но его схватили на главных воротах, не слушая оправданий, обвинили в воровстве и убийстве, но так как хозяина коня так и не нашли, за кражу парень отработал два года на каторге. А когда вернулся, его семья бедствовала, Лючия уже давно вышла замуж за другого, а на работу вора никто брать не торопился.

Они считали его отбросом общества. И он превратился в него на самом деле. Чтобы прокормить семью, стал наемником, воевал то на одной стороне, то на другой. Грабил. Время было славное, междоусобных войн предостаточно, а убеждениями Чезаре не страдал. Он уже не верил ни в честь, ни в справедливость, ни в добро, ни в зло. Ни в бога, ни в черта.

Только черт сам его нашел.

Чезаре славно удавались продуманные маневры, он дослужился до командира отряда, а потом ему надоели бесконечные походы, он решил осесть во Флоренции, поступив в охрану к одному знатному горожанину.

А заодно выполнял обязанности наемного убийцы. Его хитроумные планы по устранению противников были такими изощренными, что половина смертей выглядели натуральными, а вторую половину не могли приписать никому, так что хозяин Чезаре становился все более и более влиятельным. А вместе с ним росло влияние Чезаре.

Он купил себе дом, скупал произведения искусства, наслаждался жизнью в роскоши, пока однажды к нему не пришел один странный посетитель.

Чезаре велел провести его в свой кабинет и вошел туда через некоторое время, чтобы посетитель как следует понервничал, ожидая его. Но когда он вошел, то увидел, что тот нисколько не переживал, напротив, он сидел за столом хозяина, положив черные сапоги на столешницу, крутил в руках пресс-папье в виде бюста Цезаря: Чезаре льстило, что с возрастом его все больше сравнивали с великим полководцем.

Возмущению хозяина не было предела, он схватился за рукоять меча, с которым не расставался даже дома. Но одного взгляда посетителя было достаточно, чтобы силы покинули Чезаре, и он почти рухнул на жесткий стул для просителей.

Мужчина, развалившийся в его кресле, был невероятно красив: черные кудрявые волосы блестели из-под бархатного черного берета с соколиным пером и золотой брошью. Черный камзол с золотыми пуговицами контрастировал с белизной рубашки с пышными кружевами. Кисти мужчины были изящны, но при этом в них чувствовалась сила. Гладкое лицо с маленькой бородкой было бледным, в уголках чувственных губ пряталась усмешка, черные глаза сверлили Чезаре, и под этим взглядом наемник вертелся как грешник на раскаленной сковородке.

— Чезаре Антонио Вероньери Амичи. Красивое имя. Подходит для полководца, который въезжает на белом коне в павший перед ним город.

Если Чезаре и собирался возмутиться поведению гостя, то после этой фразы ужас сковал его так сильно, что он едва дышал.

Черная бровь гостя приподнялась, взгляд сделался колючим и недобрый.

— Ты так и остался глупым мальчишкой, Чезаре. Тебе несколько раз давали возможность исправиться. Но ты растратил свой талант напрасно. Посмотри, кем ты стал. Живешь в роскоши, которую заработал на крови других, спишь со шлюхами, которые тебя ненавидят. Потому что ты уже стар, Чезаре. Скоро ты станешь не нужен и умрешь, как он.

Посетитель метнул бюст, Чезаре еле успел пригнуться, и тот разлетелся в мелкую крошку, ударившись о стену.

— Я предлагаю тебе сделку. Работай на меня. Богатства я тебе не дам, шлюх тоже, но ты сможешь распутывать дела посерьезнее, чем до сих пор. Сможешь быть полезным.

Чезаре наконец смог разлепить сомкнутые в оцепенении губы и еле сартикулировать:

— Нет.

— Ничего другого от такого дерьма, как ты, я и не ждал, — с презрением вымолвил посетитель, поднимаясь. — Только знай, что в следующий раз я потребую с тебя самое ценное.

И он исчез.

Дрожь пробрала Чезаре до самых костей. В слезах бросился он в церковь, упал перед распятием и вымаливал прощение, которое, как он понимал, ему не дадут. Но дьявол напугал его до полусмерти, и с тех пор наемник не знал покоя. Он стал вдруг фанатично религиозным, мнительным, не расставался с мечом даже в постели. Разогнал всех любовниц, начал делать большие взносы церкви.

Все кончилось тем, что его же хозяин обеспокоился изменением в поведении своего наемника и испугался, что тот в порыве раскаяния расскажет обо всех их черных делах. И поручил устранить своего верного слугу.

Чезаре зарезали в подворотне, когда он шел с вечернего молебна. Он успел отразить нападение первых двух убийц, но их было семеро. Они искололи его ножами и бросили истекать кровью.

Он чувствовал, как жизнь покидает его, и ужас перед предстоящей вечностью в Аду наваливался на него ледяной глыбой. Чезаре плакал от одиночества и страха. Он ощущал, как чьи-то когти вцепились в его душу и пытаются вырвать ее из тела, слышал мерзкое хихиканье чертей, столпившихся вокруг. Их глаза горели непомерной жадностью, они скалили желтые клыки. И вдруг шерсть на них встала дыбом, и они разбежались кто куда.

— А я предупреждал.

Этот голос он узнал бы из миллиарда других голосов, потому что больше всего на свете хотел сейчас его услышать.

— Я согласен, — прохрипел он.

— Чезаре, Чезаре, — укоризненно промолвил дьявол, наклонившись к нему. — Я усложняю условия сделки: я дам тебе вечную жизнь, но ты отдашь мне душу и станешь моим слугой на веки вечные. Но бессмертие, Чезаре, не сделает тебя счастливым. Как не делает счастливым меня.

— Согласен, — прохрипел умирающий из последних сил.

И дьявол поцеловал его в губы.

Душа Чезаре, его воля и мечты, желания и воспоминания внезапно покинули его тело, раны затянулись, и дьявол помог ему подняться.

— Ты погибнешь только в том случае, если тебе отрежут голову или полностью разрушат твоё тело. Все остальные раны не будут смертельны, а яд и огонь не смогут причинить тебе гибели.

— Как мне называть тебя? — прохрипел, ощупывая себя, Чезаре.

— Господин граф.

За века их совместного пути Цезарь узнал дьявола получше. И даже в чем-то преклонялся перед ним. И был благодарен ему за спасение. Он смог применить способности организатора, когда граф поручил ему создать агентство в Барселоне. Распутывал успешно многие преступления и кражи, ревностно следил за агентством. Пусть его покинули желания и личные стремления, но он жил теперь целями своего агентства.

— Ты поймешь, что искупил свою вину, однажды, — сказал ему граф Виттури за несколько лет до появления Насти. — Это будет особая монета, похожая на пятицентовик. Если она попадет тебе в руки, ты будешь знать, что свободен.

И Цезарь собирал пятицентовики, искал ту самую монету, но не находил.

Но потом появилась Настя, и Цезарю стало не до монет. Его обеспокоила с самого начала та сила притяжения, что существовала между демоном и девушкой. Сначала он считал, что граф играет с ней, притягивая к себе. Но потом осознал, что сила, связавшая их, им не подчиняется, и почувствовал, что это предзнаменование крупных бед. И не ошибся.

Настя под воздействием этой силы развивала в себе такие способности, что все меньше верилось, что она всего лишь человек. И демон под ее воздействием менялся и становился уязвимым. Они словно перерабатывали друг друга, а вместе с этим менялся и грозился обрушиться мир вокруг. И как он ни старался их разъединить, все было напрасно. Теперь Настя и вовсе перестанет доверять ему. А ведь он не обманул ее: он человек. Только потерял навеки свою душу, продав ее дьяволу взамен на жизнь. Но что самое страшное: он ни разу об этом не пожалел.

Они припарковались на берегу реки. Настя вышла из машины, спустилась к воде и тут же в изнеможении легла на песок, раскинув руки и ноги.

— Здесь мы остановимся ненадолго. Переночуем и тронемся дальше. — Граф Виттури заставил себя отвести взгляд от лежащей девушки. Ему хотелось подойти и поговорить с ней, но еще не время. А просто так обнять и лечь рядом он не мог. Граф отвернулся и пошел доставать палатки из багажника. Оставалось только завидовать невидимому призраку папы римского: он ведь наверняка сейчас рядом с Настей.

Локи развел костер, повесил котелок, Габриэль начистил картошки с луком и морковью, пока Диего, обернувшись в пантеру, встал в воду и стал охотиться на рыбу. Он стоял, замерев, но потом вдруг молниеносно делал выпад и выбрасывал на берег серебристую рыбку. Лику потрошила добычу, а Рита помешивала варево, куда с таинственным видом побросала какие-то травы и невесть откуда взявшиеся специи. Аромат ухи привлек к костру проголодавшихся агентов. Ели молча, каждый был погружен в свои не слишком веселые мысли.

— Так что с моей мамой? — задала вопрос в наступившей тишине Наташа.

Настя подняла глаза на графа Виттури, ожидая ответ от него, и опешила, когда поняла, что глаза всех агентов смотрят на нее. Демон молча ел уху, не сводя темных глаз с Насти. Только приподнял бровь вопросительно: «Что же ты молчишь?»

Настя поспешила перевести взгляд на Наташу и ответила:

— Давай после еды, это очень трудный разговор.

— Вы прервали спектакль, убили столько невинных людей, разрушили театр... Не думаю, что разговор труднее, чем то, что произошло.

— Наташа, ешь, — вдруг вклинился Ролан. Инкуб приобнял девочку за плечи, казалось, Наташа вот-вот расплачется. Она и в самом деле дрожала, граф молча снял с себя куртку и бросил Ролану. Тот накинул куртку на плечи Наташи и заставил ее вернуться к еде. Настя вздохнула: нет, не получится разговора. Как объяснить девочке, что мать превратилась в монстра и убила ее брата? Разве она поверит?

— Я знала одну девушку-вилису, — вдруг заговорила тихим грудным голосом Рита. Несмотря на все пережитые испытания, ведьма выглядела просто невероятно красивой в обтягивающих черных брюках и зеленой льняной тунике с многочисленными ожерельями. — Но должна признать, что ты танцевала так, что я готова была поверить в твою призрачность. Ты талантливая девочка, Наташа. А мы постараемся сделать все возможное, чтобы ты снова вернулась в театр. Знаю, что сейчас тебе сложно нам довериться, особенно после того, как мы сорвали спектакль, но силы зла не дремлют: мы появились там как раз вовремя, чтобы они не смогли до тебя добраться.

— Ты не переживай и не бойся, — поддержал Риту один из мальчишек-близнецов. — Мы тебя защитим.

И в подтверждение этих слов мальчишки превратились в двух Наташ, которые улыбались и махали испуганной девочке.

В следующие полчаса агенты по очереди представлялись удивленной балерине, а Локи втихомолку налил себе добавки и на пару с Толей прикончил уху.

Наташа заснула на руках у Ролана, пригревшись у костра. Разговор было решено отложить на завтра.

— Ложитесь спать, — приказал граф. — Я останусь дежурить.

— Разве тебе не нужно тоже поспать? — вырвалось у Насти.

— Зло не дремлет, — отшутился тот. И Настя прикусила язык. Ну чего она о нем волнуется? О себе бы лучше позаботилась.

Диего попросил у Лику еще раз провести сеанс лечения под предлогом, что все еще побаливает спина, но граф Виттури так взглянул на оборотня, что тот в итоге быстро почувствовал себя хорошо и сам отказался от лечения.

Все устало разошлось по палаткам, и вскоре было слышно только кваканье лягушек и пение соловья.

Демон спустился к реке. Ее серебристые в лунном свете воды блестели, сверкая то тут, то там.

Дальний берег был лишь темной полосой. Он разулся, закатал брюки и сел ждать. Когда смолкли птицы и лягушки, а вода перестала тихо плескаться у кромки берега, Самаэль поднял взгляд на воду.

Пятна света на воде стали соединяться, словно притягивались одно к другому. Скоро ровная лунная дорожка показалась на реке. Самаэль презрительно прищурился: этот придурок всегда имел слабость к спецэффектам.

Вскоре показался архангел Михаил: в боевых доспехах, сияющий и прекрасный. Демон сжал кулаки: при одной мысли о том, что архангел обманом отнес Настю в междумирье, посмел ее ударить и рисковал жизнью девушки ради своих амбиций, в нем вспыхивала ярость и злоба. И эта тварь еще посмела прийти к нему! Тьма клокотала в душе Самаэля, грозя поглотить его полностью. Лишь усилием воли он утихомирил ее: он обязан сделать все, что от него зависит, чтобы победить Ноктурну. Даже договориться с Михаилом.

Архангел вышагивал по водной глади не торопясь. Белые крылья лучились собственным светом. Лопатки демона зачесались: как же хотелось расправить свои! Но он удержался.

Наконец Михаил решил, что проход по лунному подиуму окончен, и остановился. Демон нехотя поднялся на ноги, и вода у берега забурлила, выдавая его жгучую ненависть к архангелу.

Михаил совсем малость растянул уголки губ.

— Нам никогда не удавалось толком пообщаться. — Демон засунул большие пальцы в карманы брюк, расслабленно разглядывая Михаила.

— Мне не о чем говорить с тобой. Ты знаешь, что она тебе не принадлежит. И продолжаешь удерживать ее возле себя.

— Я ее не держу, — небрежно тряхнул головой демон. — И не хочу быть ее палачом.

— Ты и не будешь. Отдай Настю мне.

— И не жаль убивать невинную? Не больно? — поинтересовался демон.

— Боли нет, Самаэль. У ангелов нет сердца. Рассвет наступит неизбежно. И неизбежно наступит ночь. И человеческая жизнь вспыхнет и погаснет, — монотонно произнес архангел. — Ее кровь дает силу Ноктурне, если убить ее, то та лишится источника.

— Найдет другой, — небрежно возразил демон. — Она была в твоей власти. Что ж ты ее не убил?

И воспользовавшись секундным замешательством Михаила, небрежно раскачиваясь, демон продолжил:

— Ты ее не убил, потому что хотел ее силу сам. Только взять ее ты не можешь в отличие от Ноктурны. Нужно согласие Насти. А девчонка упрямая, своей силой с архангелом делиться не хочет. Разве не прелесть? Каково это? Бегать за смертной, выпрашивая силу?

— Это ты мне расскажешь, — вернул пощечину Михаил. — Каково это? Знать, что можно набраться сил, стать всемогущим, подчинить себе силы природы? Или скажешь, что не собираешься этого сделать?

— Не собираюсь. — Демон со злостью сжал кулаки. — Не в пример тебе, я уважаю решение Матери. Хотя и не согласен с ним.

— Решение Матери? Так ты ее называешь теперь? Старуха издевается над нами, а ты перед ней лебезишь? Ты дважды предатель после такого!

— Ниже мне уже не упасть, — усмехнулся демон. — Итак, ты приперся ко мне только с глупой просьбой отдать тебе девчонку или есть предложение поумнее?

— Заставь ее отдать силу мне, я смогу остановить Ноктурну.

— Уверен? — Ярость клокотала с такой силой, что демон еле сдерживался. — Вот мое предложение: присоединяйся к нам с ангелами. Вместе мы сможем ее остановить и разрушить. Настя погибнет, ее сила никому не достанется, вернется к Матери. Но ты сможешь спасти этот мир. Вы мне нужны, — горько признал демон. — Без вас нам не справиться.

— Мы не будем вмешиваться.

— Неужели ты не понял еще? Все погибнет. Все будет растоптано и разрушено. Вы можете сделать потери меньше, если выберете нашу сторону.

— Мы не имеем права. С тобой встать плечом к плечу? С тобой?! Создатель такого не допустит. В последний раз приказываю: вели девчонке уйти со мной. Это единственный шанс спасти мир.

— Ты приказываешь мне? — расхохотался демон. Потом сжал кулаки и смерил горящим взглядом белоснежную фигуру архангела. И спокойно спросил:

— Каково это?

— Что?

— Притворяться, что тебе все равно? Что ты не чувствуешь, не выбираешь, не боишься? Потому что ты боишься, чувствуешь и выбираешь. Ты знаешь, что должен принять сторону. Ты даже выбрал, став проводником Насти. А теперь идешь на попятную. Разве тебе самому от себя не противно?

— Это чувство мне неведомо.

— Так ты еще и лгать умеешь! Все это время, что я спасал их, ты завидовал мне, злился и докладывал Ему. Ты был рад, когда меня изгнали, сместили, чтобы возвысить тебя.

— Это не так!

— Ты не можешь удержать равновесие, ты предвзято судишь, ты недостойн быть архангелом!

— Создатель дает нам возможность к спасению. Мы все его рабы и должны повиноваться его воле.

— Допустим. Но я не обязан повиноваться рабу. Или ты считаешь, что несешь в себе его волю, Михаил? — Он часто дышал, удерживая себя от гнева.

— Из нас двоих архангел именно я.

— Пока что. Не повторяй моих ошибок. И не указывай, что мне делать, раб!

— Ты заплатишь за это!

— Вышли мне счет по голубиной почте.

Михаил взметнул руки, и волна ветра хлынула на демона, но тот, не двигаясь, только взглядом остановил ее.

— И помни, кто сильнее, раб. Сильнее тот, кто свободен, — презрительно произнес демон. — Сделай выбор в пользу жизни. Хоть раз за все время своего существования позабудь о гордыни и встань с нами против зла.

— Никогда ангелы не встанут рядом с тобой, Самаэль! Не быть этому!

Михаил топнул и всколыхнул воды реки, они качнулись единой волной, но демон остановил ее бег у самого берега. Архангел весь засветился от ярости и исчез, а демон с тоской опустился на песок. Без ангелов они все погибнут. И возможно, напрасно.

## ГЛАВА 8

— Анастасия! Анастасия! Анастасия! — Настя проснулась от этого частого причитания и, как была, в футболке и шортах от пижамы вылезла из спального мешка и палатки наружу. Ее имя повторялось часто-часто, казалось, это сочный и прохладный ночной воздух шепчет его, но потом она поняла, что это сверчки.

— Анастасия! — Сверчки и впрямь выпиликивали ее имя. Настя зажмурилась и снова открыла глаза. Ничего не поменялось. Тихонько встала и нашла кроссовки, надела их на босые ноги и пошла в сторону леса. Мох и сухие листья пружинили под подошвой, словно она шла по облакам.

И вот закружились в темноте между стволов, смутно отличных от тьмы, золотые огоньки. Светлячки. Спит она, что ли?

Волосы облегали плечи, пряча их от прохлады, а вот ногам было холодно. Настя нерешительно переступила с одной на другую. Надо идти. Светлячки золотой гирляндой переливались впереди. Чтобы подбодрить себя, Настя вызвала волчицу. Шелковистый бок белого зверя тут же коснулся ее голени. Вместе с ней ничего не страшно.

И Настя последовала за огнями.

— Мне надо дать тебе имя, — рассуждала она, поглядывая на волчицу.

Та, казалось, улыбалась, высунув язык, поглядывая то на Настю, то на путь впереди. По ее спокойному виду девушка понимала, что опасности вокруг нет.

— Как же мне тебя назвать? Ведь ты девочка, это я знаю, значит, Снежинка?

Волчица закрыла пасть и заскулила, повернув голову набок. Ее уши удивленно приподнялись.

— Не нравится, — сделала вывод Настя. — Тогда, может...

— Ее зовут Белая, — раздался женский голос из темноты.

Настя остановилась. Светлячки, до этого летевшие впереди небольшим облачком, распались, и из каждого золотого огонька появилась девушка в белом полупрозрачном одеянии. Они обступили Настю кругом, но она совершенно их не боялась. Более того, девицы поклонились ей, старшая вышла вперед.

— Мир был создан двумя началами. Создатель и Мать работали над ним вместе. И только им под силу спасти его, только когда оба начала вместе и работают сообща, возможна эра благоденствия и сосуществования в гармонии и мире. Но Мать со временем была забыта, обиделась и отвернулась от Него. А Он от Нее. Оттого нет в мире равновесия. А потом случился раздор в войсках Создателя. Мать знает, что Создатель не станет вмешиваться, его ангелы грызутся друг с другом, и потому она выбрала тебя своим воином. Самаэль, самое сильное из всех созданий Отца, был свергнут им на землю. А ты, земная, ходишь по ней и питаешься ее силой. От вас зависит исход этой битвы. Мать отдаст тебе все свои силы для боя, ты уже чувствуешь их прилив и рост. Но не забывай, что ты смертна. Он же раним, если ты обессилена. Так вам дано либо питать друг друга, либо иссушить. Запомни мои слова, земная. Мы встанем с тобой в последней битве. Только позови.

И девицы рассеялись, стало темно. Потом кто-то толкнул Настю, она открыла глаза и проснулась в палатке: за плечо ее трясла Лика.

— Серж яичницу приготовил, вставай, соня, — солнечно улыбнулась ей Анжелика, поправляя сползавшую с одного плеча белую майку.

После завтрака тронулись дальше. Серж нашел гостиницу-ферму среди полей и лесов, и они заняли все номера. Девчонки бросились в душ, ребята обсуждали план дальнейших действий.

После душа и кофе Настя отправилась в поле, чтобы обдумать в одиночестве свой сон или видение.

Граф Виттури видел, как она решительным шагом вышла с территории отеля. Он пошел за ней.

Ветер шевелил выпавшие из косы тонкие пряди, девушка, обняв себя за плечи, стояла среди цветущего разнотравья, которое волнами качалось вокруг нее, он видел пыльцу, падающую с цветов, видел, как ветер поднимает ее золотой пылью вокруг Насти. Она обернулась, почувствовав его. Но, скользнув по нему взглядом, снова отвернулась. Казалось, она сосредоточена на чем-то важном внутри себя. Кисти ее отпустили плечи, руки плетью упали вниз. Пальцами провела по головкам цветов. Он любил этот мир. Именно тот, что сейчас, возможно, видит она. Мир



нетронутый, мир живущий в циклическом равновесии, замкнутый на самом себе. Он не знал, что из звуков вокруг слышит она. Да это и не важно: сейчас Настя была частью этого мира, самым важным его элементом.

Медленно, будто подчиняясь ритму травяного моря, пошла она по полю. Он знал, что шаг скоро станет увереннее, словно зверек, выпущенный на волю, она с недоверием чувствовала почву под ногами, прислушивалась и прижималась ко всему вокруг. Но постепенно чувство свободы обновляло ее кровь. Вот-вот шаг ускорится, и, поверив в свои инстинкты, она понесется по полю, легко касаясь ладонями цветов, а когда не хватит дыхания, когда восторг забьется тугим пульсом в груди, она засмеется, упадет в траву и увидит бескрайность, бесконечность пространства над собой. Трава встанет над ней, колокольчики заглянут в лицо, все, что было малым, станет большим. Распустившаяся вконец коса перевьется со стеблями травы. И она будет свободна, по-настоящему свободна. Пока он не придет к ней.

И потому, глядя, как она несется по полю, он кивнул самому себе с усмешкой, повернулся и пошел прочь. Зверей, отпущенных на свободу, нужно оставлять на просторе, чтобы сердце радостно стучало в груди, чтобы глаза горели, чтобы чувствовали шкурой окружающий мир. Нужно отпускать. Нужно уметь вовремя исчезнуть из их жизни. И вовремя в нее вернуться.

Ролан ждал его у ворот.

— Чего тебе? — глухо спросил граф Виттури.

— Я пришел просить, повелитель.

— Знаю. Но ответ — нет.

— Она — смысл моего существования. Единственный свет, а ты хочешь забрать ее. — Ролан стоял, сгорбившись и низко наклонив голову.

— Она может спасти мир.

— Весь мир не стоит того, чтобы потерять ее, повелитель.

Боль в груди на мгновение ослепила графа. Ролан понимал то, чего демон не смог понять вовремя. Как он желал поначалу поскорее избавиться от Насти... Потом хотел противоположного: чтобы ее предназначение, которое он видел ясно написанным на ее челе, оказалось ложным. Потом снова желал убить ее. И вот снова только мысль о том, что он ведет ее как доверчивого ягненка на заклание, вызвала в нем боль и ярость.

— Я уже не решаю ничего, Ролан. Наташа умрет вместе с этим миром, если не постарается вмешаться. Пойми, речь идет о конце всего. Это не борьба за власть. Это борьба за жизнь. Это ты можешь понять?

— Да.

Ролан отступил. Потом помедлил и бросил в спину графу:

— Думаешь, она вспомнит ее, повелитель? Видел ли ты Ноктурну такой, какой видел я? Терзающей своего ребенка ради жажды мощи?

— Я видел ее. Может, она не узнает дочь, может, мы зря втянули в это Наташу. Но скажи мне, Ролан, разве ты не цеплялся бы на моем месте за любую соломинку? Речь идет о гибели всего этого. — Граф развел руками. — Это наш дом. Это все, что у нас есть. Другого не дано. Я использую любой шанс. Так же, как и ты. Другого выхода нет. Мне жаль.

— Вам не жаль. — Ролан с усилием поднял взгляд на графа. — Я всего лишь темная тварь, но я слышал о вас достаточно.

Граф Виттури долго смотрел на него, и золотые искры вспыхивали в его карих глазах.

— Вы отвергли всех, ангелов и демонов. Живете в одиночку, в одиночку вершите один вам известный суд. Вас ненавидят все. И вы ненавидите всех.

— Здесь мой Рай, здесь мой Ад. Здесь я хозяин. Мне плевать на остальных. И ты не представляешь себе, чем я готов пожертвовать ради мира.

И граф отвернулся от него и ушел.

Ролан сжал кулаки. Нет, он что-нибудь придумает. Он спасет Наташу.

С поля Настя возвращалась полной сил и с какой-то золотой, распирающей ее энергией, которая, казалось, морем была разлита над летними травами. Папа римский важно вышагивал рядом, проклиная высокую траву за то, что его сутана и ноги путались в ней.

Ощущать землю под ногами было очень приятно, она словно обнимала ее ступнями, обкатывала кроссовками. Но в коленях появилась слабость, когда она увидела Азazelло, на этот раз уже не страшно одутловатого, а с посеребренной кожей, на фоне которой ярко горели его красные глаза с черными зрачками, и выделялся один клык в легкой ухмылке.

Почему она все время теряется перед ним, как школьница, не выучившая уроки? За рукоять меча схватилась решительно, а достать его и врезать ему — не хочется.

— Зачем пришел? — пошла она в атаку, пока папа римский тщетно пытался отпугнуть демона молитвой.

— К тебе пришел. В гости.

Обалдеть. Настя приподняла брови в изумлении. Но вместо ответа Азazelло взглядом указал ей на свои ноги. Он стоял в длинном плаще, закрывавшем всю его фигуру. Он приподнял полы до колена. Настя вскрикнула и отступила назад: вместо ног у демона были козлиные, покрытые свалывшейся шерстью ноги с раздваивающимися копытцами.

— Ты поняла?

— Не совсем, — неуверенно протянула Настя, не сводя глаз с копыт Азazelло.

Демон в нетерпении закатил красные глаза.

— Твоя волчица меня не хочет растерзать?

— Нет.

— Я тебе траву райскую давал?

— Да.

— Ну?

— Что ну? Антилопа гну! — Настя вдруг разозлилась. — Вы вообще все сговорились, что ли? Один недоговаривает, другой нападает, третий ноги небритые показывает. Ясно выразаться вас не учили?

— Дева, осторожнее! Это порождение геенны огненной опасно! — предупредил призрак Борджиа, но Настю уже несло.

— Все мне что-то про смерть говорите, про гибель, пытаетесь боль причинить и напугать. — Слезы подкатили к горлу, голос дрожал.

— Я с самого начала пытался поговорить с тобой. — Азazelло переступил копытцами, так нервно и как-то по-животному, что Настя сквозь слезы засмеялась. На что демон и вовсе растерялся.

— Женщины! Даже богу вас не понять, не то что демону. А я говорил, говорил с самого начала, чтоб не меня посылали! Послали бы Гесту, она бы нашла подход.

— Кто такая Геста? — всхлипывая и смеясь спросила Настя. — Какой подход?

— Нас постоянно прерывают, Настя. В доме с картиной — твоя подруга-ангел, в аду ты влезла, защищая оборотня, в самую гущу Дикой Охоты, так что попала в лапы Белиалу, вместо того, чтобы найти то место, которое я тебе хотел показать.

— Какое место?

— Теперь уже не важно. Белиал его уничтожил, а там хранилась информация о падших ангелах.

— Но ты же на стороне Ноктурны, Азazelло.

— Кто тебе это сказал?

— Разве ты сам не нападал на графа Виттури?

— При чем тут Самаэль? Я говорю с тобой! С тобой, земная, говорящая с призраками. Мне плевать на Самаэля. Забудь про него.

— О, так я теперь земная и говорящая с призраками? Помнится, совсем недавно я была пылью и презренной смертной! Так, Азazelло, либо ясно скажи, зачем пришел, либо топай отсюда на своих... копытах.

— Я знаю способ, как обойти судьбу, которую прочел над тобой Самаэль. — Увидев непонимание на лице девушки, Азazelло пояснил: — В какой-то момент над человеком формируется судьба как самый возможный из всех остальных вариантов, его-то и видит демон. Он может явиться и предложить другой вариант, может повернуть судьбу, а может оставить все как есть. Но есть моменты, когда гибкость развития событий может заостенеть, и тогда повернуть события вспять невозможно. Демон знает, что наиболее возможный вариант развития твоей судьбы: погибнуть в сражении с Ноктурной, повергнув ее. Но все может измениться. Оттого Мать и дает тебе силы.

— Ты и про это знаешь?

Но Азazelло в нетерпении отмахнулся и оглянулся на гостиницу.

— Мое время на исходе. Сейчас он придет за тобой. Но помни, ты можешь выжить, если он умрет.

И он растаял в воздухе, а папа римский поплевал на то место, где тот стоял, и еще перекрестил его зачем-то.

— Срань господня, что за жизнь у тебя, дитя мое! Одолели тебя совсем эти порождения сатаны!

Но Настя его причитаний не слышала. Она видела, как к ней через поле идет граф Виттури. На нем была простая черная майка, но она так соблазнительно обтягивала его торс и сильные руки, что сердечный ритм ускорялся бесконтрольно. Выжить, если он умрет? Невозможно! Ведь они одно целое, едины, несмотря на расстояния и совершенно разные жизни. Это не важно, ничто не важно. Ее может и не быть, но он должен существовать всегда.

— Он тебя предаст и глазом не моргнет, — науськивал ее папа римский.

— Азazelло нельзя доверять. Вот он как раз предаст, недорого возьмет. А граф Виттури пожертвует мной только ради всеобщего спасения.

— Наивное чистое дитя! Да они оба — исчадия ада и играют с тобой. Возьми уже свою судьбу в свои руки.

— Я взяла. Давно взяла. К тому же сегодня ночью я видела странный сон. И то, что я узнала в нем, кажется мне более правдивым, чем то, что говорит Азazelло.

— Сон? Ты веришь в какие-то сны? Дитя, да пойми же, нужно избавиться от демонов! Тебе нужно уничтожить и того и другого!

— Да как же вы не поймете, ваше святейшество... я верю в него.

Настя замолчала и тронулась навстречу графу Виттури. Знать бы, что у него на душе... Понять бы его получше. Может, тогда она смогла бы разрешить все загадки, что подкидывают ей высшие силы?

Они встретились на полпути, пыльца золотым облаком взлетела вокруг них, солнце шло к закату, оттого свет его тоже был золотым и нежным.

Он так просто притянул ее к себе, провел большими пальцами по ее скулам так нежно, что она опустила веки. Вслепую скользнула руками на его талию, обняла его, ладонями прижалась к мышцам на широкой спине.

— Как же мне хорошо, когда ты рядом, смертная. Порой думаю, что люди не подозревают о том, как прекрасно мгновение. Вы так боитесь умереть, что не живете вовсе. Хотите быть вечными, любить...

— Навсегда? — Она открыла глаза и взглянула на него. Он, обнимая ее одной рукой, окинул взглядом поле и повернулся к ней с полуулыбкой.

— Не бывает любви навсегда. Мы можем лишь ценить друг друга, любить в этот момент времени. В этот час, минуту, секунду. Эта секунда навсегда, Настя.

— Как это больно, что ничто не вечно. — Она снова уткнулась лицом в его грудь, и сердце демона сжалось от нежности.

— Глупышка, в этом красота мгновения. Закат не может быть вечен, иначе он надоел бы. Осточертел. Но сейчас, смотри, как розовеют лепестки вишни в последних лучах солнца, с какой

жадностью бросается в сердцевину цветка пчела, чтобы успеть собрать пыльцу. Смотри, как качаются ветви, они словно кивают и говорят: «Да-да, это так, мы не вечны, но мы прекрасны». Красота — это мгновение, Настя. А вечность — это приговор. Не приговаривай себя. Люби как дышишь...

— Граф... — Настя поколебалась, но все-таки задала давно мучающий ее вопрос. — А я тогда... в театре... убила Белиала?

— Разве ты не видела, как его голова отделилась от туловища и весь он обратился в пепел? — подняв бровь, спросил граф Виттури. В глазах демона плясали искры смеха.

— Но... может, я его просто временно...

— Настя, — вздохнул он и прижал ее к себе сильнее. — Какое же ты еще, в сущности, дитя. Демоны и ангелы бессмертны, но нет ничего вечного. И если ты убиваешь, то они умирают. Возможно, энергия Белиала воплотится во что-то иное, но он никогда уже не станет тем, кем был. Тем более после такого поражения от руки человека.

— Голубки. — Голос Риты заставил ее отпрянуть от графа.

Ведьма шла к ним медленно, улыбаясь. Но Насте показалось, графу было неприятно, что она оборвала их разговор.

— Рита! Что случилось, радость моя?

— Господин граф... Ролан сбежал с Наташей и Габриэлем.

Граф Виттури усмехнулся.

— Что ж... этого я ожидал.

— Как ждали? — Настя с досадой посмотрела на него. — Столько трудов, чтобы достать Наташу, а теперь опять искать ее?

— Они не уйдут далеко, — успокоил он ее. — Зря я, что ли, защиту ставил вокруг. Вернутся затемно, навернув пару кругов по окрестным лесам. Пойдемте, девушки, нам всем надо отдыхать.

И, приобняв их за талии, граф Виттури отправился к гостинице. За ними, пыхтя и отдуваясь, шел папа римский и бурно завидовал «сатане окаянному, бесу козлоногому».

Наташа, ангел и инкуб вернулись под конец ужина. Их встретили молчаливо, только граф Виттури поинтересовался, как прошла прогулка. Лика поднялась и пошла разогреть отложенную для них порцию.

— Еще мы напекли картошки в углях во дворе, — сказал Серж, виновато поправляя очки, — но было так вкусно, что мы все съели.

Дуняша по-матерински обняла Наташу, под села к ней, что-то зашептала девочке на ухо, и та немного расслабилась. Балерина как чувствовала, что так просто им от этой странной компании не уйти. Она послушно плелась за Роланом, попутно гадая, зачем с ними увязался этот синеволосяй с пирсингом, который утверждал, что он ангел.

И ничуть не удивилась, когда они опять пришли к гостинице. Ролан хотел сделать еще одну попытку, но Наташа отказалась: устала и хотела есть. К тому же эта странная команда могла привести ее к маме. Она не собиралась больше убегать.

Габриэль уже рассказал ей в пути, несмотря на сопротивление Ролана, что в ее маму вселился демон и творит нехорошие вещи. Какие именно, ангел назвать не смог, но сказал, что все они очень надеются на то, что, когда она увидит дочь, человеческое в ней проснется и можно будет избавиться от демона внутри нее. Наташа твердо решила, что обязательно попробует вернуть маму. А потому сбежать от этой странной компании больше не собиралась.

## ГЛАВА 9

Настя проснулась ночью оттого, что кулон слегка нагрелся. Она беспокойно пошевелилась. Обнаружила руку Лики на своем плече, тихонько убрала ее, села и зевнула. Выбравшись из кровати, подошла к окну.

Стояла такая жара, что все окна были открыты, но движения воздуха не ощущалось. Ее сильно беспокоило, что кулон жег кожу. Надо найти графа Виттури. Но сначала надо сменить ночную рубашку на брюки и майку. Выходить к графу в полупрозрачной сорочке было верхом легкомыслия. Не из-за него, он не станет на нее покушаться. Скорее из-за себя самой. Чем больше между ними преград, тем спокойнее. Слишком приятны даже мимолетные касания демона к коже. А душной томительной ночью даже его голос будет ласкать тело. Настя сделала глубокий вдох и медленный выдох. Она уже не знала, кому молиться о том, чтобы быть сильной. И поэтому просто понадеялась на саму себя и предпринятые меры.

В коридоре гостиницы было пусто. В общем зале тоже. Она знала, что графу комнаты не досталось, поэтому надеялась найти его здесь. Приоткрыв дверь, она вышла на крыльцо. Он сидел на деревянных ступенях и смотрел на луну.

Она присела рядом и тихо сказала:

— Кулон нагрелся. Он обычно такой, когда архангел рядом.

— Тогда нам стоит всех разбудить, как считаешь? — Он повернулся к ней.

— Вы серьезно спрашиваете о моем мнении?

— Как официально, — улыбнулся он. — Ты выросла, Анастасия. И мне интересно, что ты думаешь.

Он встал, помог ей подняться и, вместо того чтобы отпустить, притянул к себе. Она покорно прижалась щекой к его груди, и демон крепко обнял ее. Какая худенькая, хрупкая, как только Матери удастся вкладывать нечеловеческую мощь в это тело? И почему его так тянет к ней, так сильно, что от желания хочется раскрыть крылья и унести ее далеко отсюда?

— А знаешь, что я собираюсь с тобой сделать, земная?

Близость его отправила сердце вскачь. Пока он шептал, его дыхание касалось лица будто легкие крылья бабочки. Волна желания всколыхнулась во всем теле, и она прильнула к нему подобно тому, как ласковая волна накатывает на берег. Что она там думала о защите? Настя забыла, на смену осторожности и сдержанности пришла адреналиновая волна, снося все преграды на своем пути.

— Наверно, ничего хорошего...

Его горячие ладони залезли ей под майку и легли на талию. Ей хотелось застонать от удовольствия, но она сдержалась, задержав дыхание. Кажется, сердце тоже остановилось... Да что же с ней такое? Почему он так легко лишает ее обороны?

— Это как посмотреть... в этом мире все относительно.

Она еле вспоминала о том, что надо дышать. Интуитивно понимала, что он играет с ней, но игра демона, его прикосновения, голос, улыбка — все разжигало в ней желание.

— И что же?

— То, что еще не делал.

Она изнывала, пока он легкими поцелуями покрывал ее лицо, а потом лизнул в губы. Он нужен ей. Нужда ворочалась в теле огненной змеей, причиняла боль и удовольствие одновременно. Она сейчас умрет, если не получит его всего, если не растворится в нем...

— Вы отъявленный мерзавец и негодяй, граф Виттури, — чуть дыша прошептала она. А хотелось лепетать и умолять о ласках. Боги, где же взять силы? Пусть это будет только его игрой...

— Все намного хуже, милая. Я — демон.

Он притянул ее ближе к себе, его ладонь медленно сползла ниже талии и прижала ее бедра к нему, их дыхание смешалось, и на мгновение она испугалась, что он совсем не играет, что сейчас действительно продолжит и она не сможет устоять.

— Настя...

Зов и стон, на который ее тело не могло не откликнуться. Она прильнула к нему, он целовал ее шею, заводил руки за спину. Настя сама не поняла, как оказалась полностью под его контролем. Попыталась мягко освободиться, но он лишь сильнее сжал ее запястья и прижал к двери.

— Отпусти! — простонала Настя. Она задыхалась теперь от желания. Ей казалось, страсть маленькими язычками пламени пожирает каждую пору ее кожи.

— Ты действительно этого хочешь? — Она услышала улыбку в его голосе.

Настя не ответила, потому что до слез хотела продолжать эту игру, но кулон раскалялся все больше, и она отчаянно понимала, что нужно выбирать между желанием и долгом. Оба тяжело дышали, как после бега. Он впился ей в губы, а она, собрав всю свою волю в кулак, врезала ему между ног.

— Черт бы тебя побрал... — простонал он сквозь зубы, отпуская ее. — В этом не было необходимости.

— Я стала сильнее, — мстительно ответила Настя. Ее колотило от ярости и обиды на него, а еще от желания, переполнявшего все ее тело. Он все время играет с ней, ходит по тонкой грани между притворством и настоящим влечением. Она устала гадать, где игра, а где настоящее.

— Ни одна женщина не смогла бы такое сделать! — Он, похоже, искренне восхищался ею, несмотря на боль.

— Всегда есть первый раз, даже у демона, — мстительно бросила она и пошла поднимать друзей.

Все еще согнувшись, он рассмеялся ей вслед.

Через десять минут все были одеты, а кулон жег так сильно, что причинял боль. Но, если не считать этого, вокруг все было спокойно.

Даже волчица не тревожилась. Настя начала жалеть, что они разбудили агентов зря. Духота ночи постепенно сменялась прохладой: льняные занавески сначала легко колыхались, а потом, с усилением ветра, оторвались от стены, словно потянулись белыми руками в полумрак комнаты.

Рита сидела перед зажженной свечой и, не отрываясь, смотрела на танцующее пламя. Она призывала все силы: если появятся ангелы, она не упустит возможности отомстить за смерть отца.

Локи расчесал пальцами волосы и, стащив с запястья резинку, затянул их в хвост. Дуняша подремывала на груди у Толи, мальчишек и Наташу оставили под присмотром Ролана и Габриэля с Сержем.

Итсаску перезаряжала пистолеты. Лика сидела, закрыв глаза, и, судя по виду, молилась. Диего ходил из угла в угол.

Ветер стал сильнее, вдалеке прогремел первый глухой рокот приближавшейся бури.

— Они уже рядом, — подал голос граф Виттури. Он оттолкнулся от стены, слившись с которой, стоял все это время, наблюдая за агентами в полутьме.

Настя стряхнула с себя дрему и вышла вслед за ним на улицу. Свежий ветер снял остатки сна, точнее, сорвал их, порывами налетая на агентов.

Волчица выскочила из Насти и зарычала на грозовое облако, стремительно приближавшееся к ним. Настя призвала остальных волчиц как раз вовремя: гроза обрушилась на них всей своей мощью.

Тяжелые облака выдвинулись с двух сторон и, почти клубясь по земле, взяли агентов в кольцо.

Молнии сверкали угрожающе близко, а внутри центрального облака перекачивалось что-то мощное и пугающее. Порывы ветра пытались разбросать агентов, стоять твердо на ногах было трудно.

Рита произносила заклинание, пока ветер трепал ее волосы. Жалкие попытки остановить королеву! Ведьма развела руки в стороны, завертелась словно юла и подняла встречное движение воздуха. Оно воронкой разошлось от нее в стороны, защищая всех от порывов ветра, и как молнии ни пытались рассечь воздушный поток Риты, у них ничего не получалось.

Толя, выдвинув ладони вперед, расставив для устойчивости ноги, послал в центр облака сотню ярких ослепляющих вспышек.

И тяжелые облака распались, обнаружив белоснежную армию ангелов под предводительством

Михаила. Настя при виде архангела зарычала от ненависти. Животная реакция ее совсем не удивила: силы природы в ее теле будто провоцировали ее на это. Дрожа от негодования и жажды мести, она вдруг захотела, чтобы все, что могло, пришло им на помощь, чтобы обрушилось на этих ослепительных воинов с такой же силой, с какой она ненавидела архангела.

Самаэль же, воспользовавшись появлением ангелов, обратился к ним с воззванием присоединиться к нему в битве с Ноктурной во имя спасения Земли. Он видел, что многие из них пришли сюда не по своей воле, и пользовался тем, что в них еще живо было иерархическое чувство повиновения, которым воспользовался Михаил и которым теперь пользовался он. Архангел, сам того не понимая, услужил ему: иначе он с ангелами помельче и не встретился бы. Он провоцировал его на это во время предыдущей встречи и был рад, что тот так легко клюнул на приманку.

Пока Рита удерживала бурю, он использовал все свое красноречие. Михаил не учел того, что, несмотря на свержение, Самаэль продолжал обладать властью и силой, а должен был догадаться, когда на реке он так легко и играючи остановил его нападение.

Архангел пытался вмешаться, но и он сам был ниже Самаэля по рангу. Началось волнение в рядах. Лика осветилась, раскрыв свою сущность, и ангелы увидели, что один из них стоит рядом с демоном.

Михаил приказывал им напасть, Самаэль останавливал и уговаривал присоединиться к борьбе со злом.

Воздушные потоки ангелов и ведьмы между тем столкнулись и начали заворачиваться в воронки посреди сверкающих молний и грома, небесное воинство раскололось, кто-то набросился на агентов, а кто-то предпочел отступить, выбрав, как это свойственно ангелам, позицию невмешательства.

В тот момент, когда вся сила ангелов обрушилась на жалкое войско демона, из лесов и полей прихлынули силы, вызванные Настей. Невероятной красоты олени с ветвями вместо рогов, лоси, обвитые цветущим плющом, медведь с короной, волки, хищные птицы, странные, покрытые мхом существа с огромными глазами, похожие на ленивцев, духи в виде деревьев... Все они были сущностями природы, которые пришли по зову земной, и сама она представляла сейчас собой грозную валькирию: коса расплелась, по ногам ее взобрался плющ и стал броней, а когда Настя достала меч, он вспыхнул пламенем.

Демон прорывался к Михаилу, кося своих противников: тот был единственным виновником этой битвы, падет он, и ангелы отступят. Рита тоже рвалась к нему, отпустив воздушные потоки, она собрала всю силу и обрушила на архангела мелкие и острые самоцветы. Они больно резали его, отскакивали от золотых доспехов, оставляя в них вмятины. Архангел метнул в нее молнию, Локи едва успел снести Риту, налетев на нее: на том месте, где стояла только что ведьма, все вспыхнуло, и черная земля провалилась в яму.

Локи вскочил и отразил удары напавшего на них ангела своим топориком, а потом, улучив момент, снес ангелу полголовы. Рита поднималась на ноги, оглядываясь в поисках Насти. Она увидела ее на спине прекрасного оленя, сквозь шерсть которого пробивались лесные цветы. Девушка одной рукой держалась за его рога, а другой вполне успешно сражалась с ангелом.

Лика прицелилась. Она не была уверена в том, что делает. Может ли ее стрела сразить архангела? Она задержала дыхание. Но в этот момент архангела загородил граф Виттури, пришлось ослабить натяжение.

Настя никогда не сидела раньше на оленях. Она и на лошади-то ездила один раз в жизни. Но в тот момент только часть ее сознания оставалась Настей сомневающейся, слабой и пугливой. Большая часть сознания была занята абсолютным восторгом от силы, плескавшейся в ее теле. Эта сила облегла ее тело броней, эта же сила несла ее в виде оленя на противника, и эта же сила полыхала гневом на клинке меча. И не было в тот момент ничего невозможного для этой земной девочки. Когда она убила первого своего ангела, он ослепил ее ярким светом, сторая и исчезая, она не отрезвела, нет.

Она направила оленя на другого ангела одной только силой желания. Она видела, как кругом сражаются лесные духи и сестры-волчицы. Битва пьянила. Сразив третьего своего соперника, она скорее почуяла Михаила, чем подумала о нем. Зарычав, в гнев, что не вспомнила о нем раньше, она огляделась вокруг и заметила архангела, сцепившегося с демоном. Кулон раскалится добела, но не причинял уже боли. Напротив, даже тянул ее к архангелу, побуждая уничтожить угрозу.

Михаил был опытным воином, нападения Самаэля он отражал, но при этом явно терял

преимущество. Самаэль наступал. Михаил чуть поддался, воспользовался близкой дистанцией, обезоружил демона и ударил его мечом, но в последний момент его опускающийся на голову Самаэля клинок скрестился с мечом Насти. Земная была верхом на олене, поэтому его меч все равно соскочил с ее клинка, но этого замешательства длиной в доли секунды хватило, чтобы демон вывернулся, откатился в сторону и встал.

Зато Настя оказалась близко, Михаил поднял меч, одновременно прикрываясь от ее очередного удара, скользнул по горящему клинку вперед, чтобы прикончить строптивую девчонку. Но олень переступил в сторону, клинок ткнул пустоту, а Настя, с силой ударив по нему, оттолкнула меч еще больше в сторону и тут же рубанула Михаила по голове. Золотой шлем уберег его от гибели, но архангел не думал сдаваться. Взмахнув своими гигантскими белыми крыльями, он поднялся над девушкой. В этот момент стрела Лики пронзила одно из крыльев, на него прыгнул со спины Самаэль, схватил под локти, возвращая на землю и открывая его грудь земной, а Настя с выражением неумолимой Немезиды проткнула незащищенного архангела в шею.

Белая вспышка ослепила всех присутствующих, оставшиеся ангелы предпочли ретироваться, забирая раненых товарищей, истекающих золотой кровью.

Пошел снег, как показалось Насте, но то был белый пух.

Михаил хрипел, заливая золотой кровью графа Виттури, тянул руку к белому от жара кулону стоявшей перед ним всадницы.

И последнее, что слышал архангел, был шепот Самаэля:

— Ты свободен, раб. Ты наконец-то свободен...

Михаил умер и растворился в воздухе. Белый пух накрывал кругом землю и взлетал от шагов зверей и существ вокруг.

Настя слезла с оленя, и живая броня покинула ее, уползая в землю, а духи леса, молча понюхав ей по очереди лицо, ушли.

Она повернулась с пылающим мечом к Самаэлю, который в тот момент стоял на коленях, глядя на свои руки, в которых только что лежал Михаил.

Словно на самом деле услышала она голос Азazelло: «Ты можешь выжить, если он умрет». Казалось, убить его сейчас проще простого. Он безоружен перед ней. Искушение было велико. Он поднял на нее глаза, и она почувствовала, что демон знает, о чем она думает. Но он ничего не делал. Она чуть отвела меч в сторону, замахиваясь. Самаэль не двигался. Пожалуй, он даже рад такому исходу. Черные кудри падали на его лоб. Он ждал, не сводя с нее карих глаз с золотыми искрами. Настя протянула ему руку, помогая встать.

Последняя запись в дневнике Насти:

«Я могла его убить. Могла изменить судьбу. Но мне это казалось неправильным. Я люблю его. Люблю того, кто пробивается золотыми искрами в его глазах, того, кто стоит за его словами и поступками. Я люблю ангела в нем. И люблю демона. Он вечен, может, несмотря на линии судьбы, чуть заметные на его ладонях, я бы и не смогла этого сделать. Но он ждал покорно моего выбора. И я выбрала его. Снова.

Я не знаю, что ждет нас в будущем. Мы решили вернуться в Москву на пару дней: Ноктурна не спешила появляться, а тем временем сюда слетались все агенты. Может, это мои последние дни. Но я бы ничего не поменяла. Я бы все равно убила архангела и помогла подняться демону».



## ГЛАВА 10

— Говорят, когда гибнет архангел, небеса плачут, — прошептала Лика на ухо Насте, когда они ехали по шоссе в Москву.

Что ж... небеса рыдали. Из-под колес встречных машин расходились грязные волны. Все было размыто в серой мгле. Как раз под настроение.

В особняк графа они вернулись не все: Дуняша и ее семейство поехали домой, а Ролан отпросился забрать и привезти Наташе кое-какие вещи. Девочка захотела остаться с Габриэлем и Настей. В особняке было уютно и тепло, подали обед.

— Я давно хотела спросить тебя, — подошла Настя к графу после обеда, когда он в задумчивости точил свои мечи, — кто все эти молчаливые слуги?

— Мои рабы, — невесело усмехнулся он. — Не всем, знаешь ли, так везет, как тебе. Иногда я забираю души. И если они совсем никуда не годятся, то становятся просто слугами.

— Ясно. — Настя потопталась и ушла, теребя в задумчивости кончик косы.

Демон усмехнулся и вернулся к мечам.

Она вернулась.

— А зеркала?

— Какие зеркала? — не сразу понял он.

— Те, что у тебя в подвале, в Венеции.

Он молчал, обжигая ее взглядом. Настя терпела: любопытство было сильнее. Наконец он, поборов желание посадить ее к себе на колени, взглянул на меч. В отражении стали он поймал ее губы, чуть приоткрытые, словно просящие того же, чего жаждет он. Демон снова и снова спрашивал себя: когда, в какой момент искуститель стал искушаем сам?

— Есть вещи, которые тебе лучше не знать, Настя.

Она опустила глаза и смиренно кивнула. И опять выплыла из комнаты.

Он отложил мечи. Заниматься оружием не хотелось. Перед глазами снова встало поле боя и Настя с пламенеющим мечом. Белый пух падал на ее распущенные и разбросанные по плечам волосы, лицо измазано в земле, а зеленые глаза смотрели на него пристально, взвешивая его уязвимость. А он был уязвим в тот момент. Рядом с ней он всегда чуть более смертен, чем обычно. Существовала надежда, что Ноктурна тоже.

— Господин граф...

О да, похоже, к нему сегодня паломничество блондинок...

Самаэль жестом пригласил Лику сесть в кресло рядом. Ангел села. Она нервничала. Он вздохнул и улыбнулся.

— Что ты хотела спросить, Лика?

— Настю накажут за убийство Михаила?

— Не думаю. Наказывать некому. Ты же знаешь... Он давно уже не интересуется тем, что делают ангелы.

— Но архангел! Это же архангел! — Лика потрясла головой. — Он может и покарать ее.

— Забыла? Он в игре, потому что прислал ей кулон, Лика. Он не отдал его Михаилу. Он знал заранее, что Михаил захочет ею обладать. Он знал, что я этого не позволю. — Наклонившись к ней, он слегка прикрыл ее сцепленные вместе кисти своими широкими ладонями. — Не бойся за нее, мой ангел.

— Как ты можешь оставаться таким... спокойным? Где берешь силы? — Слезы потекли по ее лицу, и она наклонила голову.

— Там же, где и все. В своем упрямстве. Эй, — он приподнял ее лицо, — не плачь, мой ангел, ведь

пока все идет неплохо. Мы избавились от Михаила, и, возможно, кто-то из ангелов захочет помочь нам. У нас на одного врага меньше и, может, на пару воинов больше. Настю никто не покарает. Если нужно, я возьму гибель Михаила на себя. Ведь это я держал архангела, пока она его убивала.

Лица содрогнулась. Она смотрела прямо в глаза демону, они сидели очень близко, наклонившись друг к другу, а пальцами он ласково вытирал ее слезы, держа лицо в ладонях.

— Я не помешаю?

Ангел и демон одновременно повернулись к Диего. Глаза оборотня метали молнии, но, казалось, этого никто и не заметил.

— Спасибо, господин граф. Дам вам поговорить. — Лица вышла из комнаты.

— Давай присаживайся. — Граф Виттури указал Диего с усмешкой на ее место. — У меня, похоже, сегодня вечер душевных бесед.

Но Диего не торопился слушаться. Он был страшно зол, поэтому говорил, едва сдерживая гневный тон:

— Звонила Дуняша. В московском агентстве кто-то побывал, офис разорен. Карл и Клара уже едут к нам.

Граф Виттури встал.

— Тогда нам с тобой надо подняться на крышу.

— На крышу? — не понял Диего.

— Именно, — мимолетно улыбнулся демон. — Следуй за мной.

Выход из мансарды на крышу дался Диего нелегко: было скользко, дождь здесь, наверху, казалось, бил сильнее, а серая мгла над городом, который еще недавно изнывал от жары, казалась вечной и вводила в уныние. А вот графу Виттури и покатающаяся крыша, и дождь были ни о чем. Он легким шагом подошел к самому краю.

Диего вытер мокрое лицо и хищно уставился ему в спину. Мало того что он Настю соблазняет, теперь ему и Лику подавай? Только что увиденная сцена еще стояла перед глазами.

Граф Виттури повернулся к нему и усмехнулся.

— Что, Диего, зеленоглазое чудовище добралось и до тебя?

— Чего? — не понял парень.

— Ревность. — Граф стоял перед ним, чуть разведя руки в стороны. — Но ты не волнуйся. Ревность знакома даже ангелам, знаешь ли. Никому не нравится быть вторым. Или чувствовать себя вторым. Всем хочется быть первым. Не так ли? Даже не спрашиваешь себя, а есть ли вообще какой-то порядок или он только в твоём израненном жалком воображении? И нумерует ли вас объект любви и преданности? Нужны ли вы ему или одинаково безразличны? Ты ревнуешь меня к Лике, тупая твоя башка, ревнуешь демона к ангелу. Ты хоть понимаешь, насколько ты слеп? Понимаешь, как вредишь ей своей привязанностью? Ангелу нельзя любить кого-то одного. Нельзя чувствовать влечение и страсть. Особенно Лике. Это ее последний шанс, Диего. А ты ведешь себя как ревнивый мавр, не замечая, что готовишь ей саван своей страстью!

Он был страшен теперь, и внутри Диего начал шевелиться страх, что граф специально выманил его на крышу, чтобы избавиться. Сейчас он понимал, что глуп, так же ясно, как пять минут назад ревновал. Графу всегда удавалось встряхнуть его и перевернуть все в душе.

— Ты и так уже убийца, Диего. Не забывай. Не погуби и ее тоже. — Голос демона стихал, словно гроза проходила.

Какой-то механический шум послышался вдали, нарастая. Он отвлек демона.

— А вот и Карл и Клара, — провозгласил он, и через пять минут появились в серой мгле две фигурки. Вскоре на крышу приземлился мужчина средних лет с абсолютно седыми волосами, собранными в длинный хвост, по воздуху он передвигался с помощью пропеллера, который торчал у него над головой, словно зонт, но тут же сложился и скрылся в рюкзаке. Диего с удовлетворением отметил спортивную фигуру мужчины и многочисленные карманы на его брюках и куртке, из которых торчали рукояти всевозможных орудий. Еще один воин им не повредит. Тонкая и изящная

Клара летела на стрекозиных механических крыльях, которые тоже по приземлении сложились и броней легли на спину.

— Господин граф. — Оба опустились перед демоном на одно колено.

— Пойдемте в дом, а то остынем больше, чем надо, — подмигнув Диего, произнес граф Виттури.

Наташа и Настя сидели вместе с Габриэлем, призраком папы римского и Ликой возле большого окна в гостиной, когда в стекло что-то ударилось. Девочки повскакивали с мест, испугавшись резкого звука.

— Это, должно быть, птица, — успокаивающе сказала Лика.

Наташа тут же побежала наружу. Насте и остальным ничего не оставалось, как выйти вслед за ней под дождь. Девочка уже держала в руках дрозда, который часто и поверхностно дышал, безвольно свесив голову.

— Он умер. — Лика приобняла Наташу за плечи. Девочка расплакалась. Столько было смертей в ее жизни, что простая птица вдруг напомнила о боли потери. Лика прижала девочку к себе, Настя взяла у нее дрозда.

Бедная птичка! Еще теплый. Но уже не живой.

— Его надо закопать, не выбрасывать же его вот так. — Настя посмотрела на ангелов.

— Может, он не умер? Может, он оживет? — бормотала Наташа Лике в плечо.

Ангел гладила девочку по спине. Птица в руках Насти застыла навсегда. Ее глаза подернуты белой пленкой, лапки скрючились над брюшком.

— Идите в дом. — Габриэль переживал за девушек. Еще простудятся. — Я спрошу лопату и сам похороню его.

Возможно, совсем скоро судьба птицы настигнет и ее. Настя смотрела на взлохмаченные перышки на грудке, на то, как падали на них и на ее руки капли дождя. «Живи, птичка. Живи. Летай под синим небом, радуйся солнцу и жирным червям, чисти перышки в лужах, создавай новую жизнь. Десятки новых галдящих дроздов с желтыми уголками на клювах. Делай то, чего мне сделать не удастся».

Она не поняла, в какой момент птичка дернула лапкой, Настя от неожиданности моргнула, а в следующее мгновение птица взлетела с ее ладоней прочь.

Наташа издала радостный вопль.

— Вот видите, вот видите! Она не умерла! Она просто без сознания была!

— Должно быть, ты права... — Настя ухватила за это объяснение.

— Пойдемте в дом, простудитесь. — Габриэль повел Наташу, а Лика пошла вслед за Настей.

— И что вам всем дома не сидится! В такую-то погоду, — ворчал папа римский. — Я весь промок.

— Вы идите, переодевайтесь. — Лика шмыгнула в библиотеку, закрыла за собой дверь и наконец смогла дать себе волю. Она запустила тонкие пальцы в свои золотые кудри, ее синие глаза были расширены, словно она искала ответ и не находила его. Что делать? Сказать графу Виттури? Промолчать? Ведь, возможно, они ошиблись и Наташа права: птица просто была без сознания.

Она обняла себя за плечи и нервно сделала проход по библиотеке. Глаза скользили по корешкам книг, но она понимала, что ответа на ее вопросы там нет. Она знает ответ.

— Но это невозможно... — произнесла она вслух, возражая самой себе.

— Что невозможно?

Она резко обернулась. На пороге библиотеки стоял Диего. Он подошел к ней, его лицо было мокрым от дождя.

— Ты где был?

— Ты где была?

Одновременно сказали они. Диего схватил плед с кресла и набросил Лике на плечи, стараясь смотреть ангелу в глаза, а не на мокрую футболку.

— А ты? — спросила она, вытирая ладонью лицо.

Капелька воды скользнула по ее щеке и затекла в уголок рта, влажные губы чуть приоткрылись. Диего умирал от желания выпить дождь с этих губ. Но слова графа еще звучали в ушах. Он сцепил руки за спиной.

— Высохну так. На крыше с графом встречал гостей. Так что случилось? — спросил он.

Ангел судорожно вздохнула и посмотрела на него как-то испуганно и робко, будто не была уверена в том, что хочет сказать.

— Кажется, я только что была свидетелем воскрешения из мертвых.

У Клары была короткая стрижка и фиолетовые волосы, а глаза... Такой радужки Настя не видела еще ни у кого. Она походила на цвет бензиновых пятен, от желтого уходила в яркий зеленый, оттуда в синий и так далее, двигаясь постоянно и хаотично. Ее спутник сверлил Настю своими странными, почти белыми глазами в тон волосам. С того момента, как московские агенты вошли в гостиную, они стояли, отчитываясь перед графом, но Насте было неприятно оттого, что взгляд Карла постоянно возвращался к ней.

Они вкратце описали масштаб разорения агентства в Москве. Граф Виттури сидел, сложив кончики пальцев вместе, в задумчивости поглаживая ими то подбородок, то губы. Насте вдруг вспомнился их последний поцелуй. Зачем она ему тогда двинула между ног? В тот момент инстинкт вел ее и был сильнее желания и здравого смысла. Разве она сама не желала его? Но... прежней одержимости Настя в себе уже не находила. Чем сильнее она становилась, тем меньше влияло на нее демоническое очарование графа и тем больше она начинала ценить в нем настоящие качества, любить его за то, каким он был на самом деле: мятежным, властным, балансирующим на грани света и тьмы, преданным и честным. И когда он пытался быть с ней просто демоном, она уже не принимала его игру. Узнать бы о нем больше... дотронуться бы до его души...

— Странно, что они бросились в агентство... но хорошо, что никто из агентов не пострадал.

— Анастасия. — Настя подняла глаза на Карла, а тот вдруг шагнул прямо к ней и опустился на одно колено. Она в ужасе уставилась на склонившуюся перед ней белоснежную голову. — Я счастлив познакомиться с вами.

Она на всякий случай отодвинулась от него и бросила вопросительный взгляд на графа. Тот улыбался, и в его карих глазах было невозможно отгадать, о чем он думает.

— Э-э-э, мне тоже очень приятно. — Настя растерянно оглядела друзей.

— Мне тоже пасть ниц? — спросил насмешливо Локи, когда она встретила с ним взглядом.

— На фиг? — вырвалось у нее. — Карл, пожалуйста, встаньте, мне неловко.

Он поднялся и снова поклонился. Черт! Да что с ним такое?

— Вы не преклонили колено перед королевой ведьм, но преклоняете колено перед человеком. В чем дело, Карл?

Граф говорил серьезно, но смех в его золотистых глазах был очевиден.

— Прошу прощения, моя королева. — Карл опустился на колено перед Ритой, и рыжая ведьма закатила глаза. — Но по этикету...

— Вы должны двигаться в соответствии с рангом и положением. Чем наш рядовой агент выше королев? — Граф откровенно веселился.

— Но на ней венец... — озадаченно произнес Карл.

— Какой венец? — Все уставились на Настю.

— Если вы о кулоне, то я не понимаю... — Настя приподняла подвеску и показала Карлу.

— Карл, — тихо позвала его Клара. От нее не укрылась гримаса боли, пробежавшая по лицу графа Виттури.

Настя встала, поднялся и граф и остановился у нее на пути. Резким движением схватил ее за лицо, повернул в одну сторону, потом в другую, вглядываясь в нее так пристально, что в другой раз Насте стало бы страшно. Только теперь она смотрела прямо ему в глаза, спокойный зеленый цвет ее глаз мягко отвечал на пытливый взгляд графа Виттури. Она не пыталась вырваться, уйти, но при этом казалось, что не он, а она удерживает его перед собой.

В молчании, воцарившемся в зале, было даже слышно, как льется вода по желобам особняка. Локи заметил, как Рита часто и поверхностно дышала, как дрожали ее ноздри, как будто ведьма почуяла что-то новое в этих двоих.

— Нет, — наконец отпустил ее граф, — тебе показалось, Карл.

Тот хотел было возразить, но поспешил молча поклониться и отступить к Кларе. Настя и граф продолжали сверлить друг друга глазами.

И... граф Виттури первым отступил в сторону, и хоть лицо его было безмятежно, и легкая усмешка пролегла морщинками в уголке губ и на щеке, Рита видела, как сжались его пальцы. Этот жест она знала. Венец на Насте, несомненно, был. И не нужно быть ведьмой, чтобы догадаться какой. Слезы навернулись на глаза Риты, но она поспешила скрыть их от всех, отвернувшись к окну, за которым плакали небеса.

Настя выскользнула в коридор. Дошла до своей комнаты и сначала села на кровать, вся дрожа от напряжения.

Как всегда, физический контакт с графом Виттури оставил после себя шлейф легкой тоски и боли, но Карл напугал ее. Что видели его странные, практически прозрачные глаза? Будущее? Венец жертвы? Примет ли она сама окончательно свою такую печальную судьбу?

Настя поколебалась, но взяла в руки телефон. Набрала номер.

— Малыш? — Голос мамы, такой любимый и полный нежности, вызвал слезы на глазах.

— Да, мам. Просто звоню узнать, как ты.

— Мы волнуемся. Со всеми этими катастрофами, катаклизмами, эпидемией нам страшно за тебя. Может, вернешься домой?

— Здесь... безопасно, мам.

— Скучаем по тебе, котенок. Ты что, плачешь, Настя?

— Нет, мам, — она улыбнулась, стараясь не всхлипнуть, — просто я тебя очень люблю.

— И я тебя люблю. Всегда буду любить, малыш. Стоит ли оно того? Хочешь ли ты этого на самом деле? Может, вернешься? Курсы испанского можно найти и в Москве.

Соленая слеза скользнула ей на губы, и Настя слизнула ее кончиком языка.

— Это стоит того, мам. Ради будущего. Мне пора, целую!

Она делает это ради их будущего. Ради всех, кого любит.

Настя отключила вызов и горько разрыдалась, потом поняла, что, сидя в спальне, не успокоится, схватила плащ, прокралась вниз и выскользнула за дверь.

Влажный сочный воздух ударил в ноздри, и все в ней затрепетало от счастья. Накинув плащ, она прямо в босоножках сбежала с крыльца и, пританцовывая от нетерпения, открыла чугунную калитку. На улице в центре Москвы никого не было, и она, ликуя, бросилась бежать, подставляя то и дело лицо дождю. Хоть что-то! Проводила рукой по коре деревьев на бульваре, но от них энергии было совсем мало. Где-то рядом может быть и парк... Там она напьется сил. И тогда сможет посмотреть иначе на все.

— Земная, я, конечно, все понимаю, но сбежать нехорошо...

Она развернулась, капюшон съехал с головы, дождь мочил ее светло-русые волосы, глаза стали зеленее, чем обычно.

— Нехорошо обращаться со мной так, как ты! — Ярость взметнулась в ее душе.

— Как так? — В карих глазах демона вспыхнули искры смеха.

— Вот так! — И она смело схватила его лицо, как он ее совсем недавно, с силой стараясь вдавить пальцы в его кожу. — Посмотри мне в глаза, демон, и скажи, зачем ты мучаешь меня?

Он мягко освободил свое лицо, накрыв ладонями ее руки. Она хотела освободиться, улизнуть из тепла его рук, словно верткая змея, но он не пустил, притянул ее к себе ближе.

— Не я тебя мучаю, ты сама себя изводишь, Настя. Нет места более неизведанного, таинственного, таящего в себе сюрпризы и открытия, чем твоя собственная душа. В ней можно найти врагов и союзников. Зависит от того, кого ты ищешь, — сказал он.

Она подставила лицо дождю, капли, будто слезы, бежали по ее щекам.

— Знал бы, демон, как я устала...

— Знаю. Но нам нет покоя. И никогда не будет.

Она потянулась к нему. Положила руки на плечи. Граф никак не двигался ей навстречу. И ей это понравилось. Кончиками пальцев медленно, изучая, она провела по линиям его лица, по бровям, по полуприкрытым векам, по переносице соскользнула на нос, по крылу носа до щеки и дошла до уголка губ. Она коснулась его губ несмело, повторяя изгиб верхней губы, но потом пальцы соскользнули вниз, и она прижалась губами к его губам, встав на цыпочки. Он чуть заметно ответил. Это легкое прикосновение, контакт, вдруг разбудило в ней желание поцеловать его еще, и она прижалась сильнее, желая вместе с поцелуем проникнуть в его душу.

Внезапно она ощутила страшное одиночество, которое, казалось, жило в ней миллиарды лет, таким глубоким, древним, горьким оно было. Она словно провалилась вниз, как Алиса, падая долго, так долго, что ужас и страх сменился отчаянием, а потом и вовсе равнодушием. Желчь обиды ошпарила ее душу точно прогоркшее кипящее молоко, а вслед за ним в сердце родилось глухое презрение. Но вместе с тем во всей этой тьме она увидела прекрасный цветок, ярко-красный и вибрирующий, она не сразу поняла, что это огонь. Она протянула к нему руки без страха, огонь лизнул ее, и она вдруг увидела перед собой картинную галерею. Огонь переместился на ладонь, и Настя, словно Данко с горящим сердцем, пошла по этой галерее, рассматривая картины. Вскоре Настя поняла, что все они написаны на религиозные темы. На первой был изображен бог в окружении ангелов. Она узнала архангела Михаила в одежде воина, стоящего справа от создателя. Слева стоял другой ангел, бог, казалось, беседовал с ним, отвернувшись от Михаила. Ангел этот был одного роста с богом, крупнее, чем остальные. На другой картине этот ангел пытался защитить перед создателем группу мятежных ангелов, которым грозило изгнание из Рая. Несмотря на уговоры, они были изгнаны. Некоторые из них обернулись со злобой на лицах, пока уходили, согнувшись, прочь.

На третьей картине этот же ангел стоял рядом с богом, пока тот вдыхал жизнь в Адама. На четвертой картине ангел вел беседу с Адамом и Евой, словно что-то объясняя им. На следующей ангел стоял в задумчивости у Древа познания, не решаясь сорвать плод.

Насте казалось, она знает, что будет дальше. И точно: Адам и Ева вкусили от запретного плода. И пока Михаил гнал их прочь, ангел показал им, как выжить вне Рая, научил строить хижину и обрабатывать землю. На следующей картине бог явно гневался на ангела за это, но тот стоял перед ним такой гордый и уверенный в своей правоте, что сердце Насти сжалось от тягостного предчувствия. На следующей картине ангел останавливал руку Авраама, занесенную над сыном, и успокаивал отца.

Похоже, спасение Исаака стало последней каплей в терпении бога, поскольку следующая картина в самом конце галереи была страшной: на огромном полотне в черноте падал ангел, сброшенный с неба. Вдруг картина перед Настей ожила: всполохи молний озарили черное небо, белые крылья ангела вспыхнули и загорелись, сам он корчился от боли, и эта боль была такой страшной, что Настя задохнулась от нее, как если бы сама летела, обжата огнем, вопль отчаяния сорвался с ее губ, но она ничем не могла ему помочь, он упал в какую-то жидкую грязь, а когда поднялся, не было в нем ни малейшего остатка от ангельского величия и сияния, навстречу Насте двигалось страшное чудовище с почерневшими крыльями, с глазами, полными ненависти и жажды мести. От ужаса, от того, что она ощущала боль его, и от чувств, которые уничтожали ее саму, разрушая изнутри, как кислота, Настя закричала. И очнулась.

Демон держал ее крепко за плечи, глаза его горели страшным блеском, и его голос, внезапно холодный, страшный и чужой, резко резанул ее слух:

— Как ты посмела?

Он оттолкнул ее в ярости, не рассчитав силу, девушка отлетела на несколько метров и упала на асфальт. Ей было еще больно за ангела, еще бездна отчаяния не отпускала ее, но новая боль, физическая, от расцарапанных об асфальт ладоней вернула ей способность реагировать. Она поднялась, руки были в крови. Демон стоял на том же месте, сжав кулаки. На лице его была написана ярость и боль, на лице Насти тоже. Они стояли друг напротив друга, одинаково дрожа от

возмущения. Настя первой набросилась на него, ударив по щеке окровавленной ладонью. Она словно была не демона, не ангела, а того, кто был причиной всей этой боли. Тьму, что заволокла его сердце. И именно это темное снова отбросило ее в сторону, как куклу. Она упала и ударилась о бордюр. Подняться не было сил. Слишком огромная боль все еще звенела отголоском в ее душе. Как жить с этой болью? Как дышать? Она закричала так громко, как только могла, пытаясь вытеснить из себя эту страшную многовековую скорбь и обиду. Ей казалось, она еще падает с небес, объята пламенем. Больно, как же было больно! Ее тело не вынесет, оно сейчас рассыплется в прах от этой нечеловеческой боли.

— Настя! Настя! — Кто-то тормозил ее, обнимал, впивался ей в онемевшие губы... — Настя, отдай ее мне! Отдай ее мне! Слышишь? Настя!

Ее сознание погасло, погасла и боль. Ушло все, тишина и чернота, мягкие, как вата, обволокли ее. И на некоторое время мир исчез.

Граф Виттури нес ее на руках обмякшую, без сознания, нес и думал, что никто никогда даже не пытался заглянуть так глубоко в его душу. Он чувствовал по тому, что она едва дышала, что мучения и боль разрывают ее дух. Он пытался забрать их у нее, вернуть боль себе, но не смог, она потеряла связь с реальностью.

Кто и зачем связал его с этой смертной в такой узел? Зачем она лезет так глубоко, туда, куда даже он боится порой заглядывать? И что ему делать с этой вязью, как обратить ее на пользу?

Он чувствовал, как пульс Насти замедляется, и вызвал на подмогу Лику.

Одного взгляда ангела на Настю стало достаточно. Она подошла к нему и тихо сказала:

— Ты потерял контроль.

Демон кивнул. Боль Насти отдавалась в нем глухим эхом. Нет смысла объяснять ангелу то, что она не поймет.

— Слишком тесной стала связь. Ты должен уйти.

— Слишком поздно. — Он вздохнул, ему вдруг стало не хватать воздуха.

Какой-то писк, настырный и занудный, вдруг проник в темноту. Настя открыла глаза. Потолок над ней был заведомо казенным. Она огляделась, увидела аппаратуру с мигающими огоньками, капельницу, а потом вдруг сразу Диего, Итсаску, Сержа, Лику и Цезаря. Почему-то их заботливые лица очень растрогали ее. В носу мешались пластиковые трубки, она подняла руку и увидела, что на ней куча датчиков, а кисть забинтована.

— Крошка, ты как? — Диего поймал ее руку в воздухе.

— Что... случилось? — Настя почувствовала слабость, и ей остро захотелось плакать.

Цезарь подошел с противоположной стороны, взял ее за другую руку.

— Ну и напугала же ты нас, дочка.

И вот от его легкого пожатия Настя разрыдалась. Цезарь помог ей подняться и прижал к себе, сев на кушетку. Настя рыдала навзрыд. Ей казалось, что мир закончился, что больше ничего не было, ради чего стоило жить, но тепло этих людей вдруг вернуло ощущение надежды. Вот только страшная боль все еще пульсировала в ней.

— Что же ты наделала, глупышка? — Цезарь отогнал всех жестом подальше. — Зачем пыталась разделить боль с демоном? Ты чуть не умерла!

— Цезарь, я не знаю, как это получилось. — Настя всхлипывала, не в состоянии успокоиться. Перебинтованные кисти рук тряслись. — Между нами связь. Такая сильная, что ни он, ни я не можем ее разорвать. И мне он нужен. Где он?

— Ему нельзя быть рядом с тобой. Это опасно.

Настя заплакала еще горше. Цезарь нажал на кнопку вызова медсестры.

Вошла девушка в белом.

— Она слишком разнервничалась, похоже, мы ее лишь расстроили.

— Ничего, я дам ей успокоительное. — Медсестра взяла с подноса шприц.

— Нет, пожалуйста, мне нужен он. — Настя умоляюще смотрела на Цезаря. — Мне он нужен. Пожалуйста.

Но игла уже вошла ей под кожу, и спустя некоторое время стало трудно думать о чем-то. И Настя провалилась в очередной ватный сон.

Когда она очнулась, в комнате царил полумрак. Рядом с ней в кресле дремала Лика. Она вздрогнула, когда Настя пошевелилась, и проснулась.

— Лика... — Губы Насти пересохли. Лика как никто понимала ее и тут же поднесла ей стакан воды. Пока Настя пила, Лика торопливо шептала:

— Настя, говори шепотом, не повышай голос, иначе они опять вколют тебе успокоительное.

— Лика, мне нужно поговорить с графом Виттури. Ты сможешь с ним связаться?

— Настя, я не могу, Цезарь считает...

— Мне все равно, что считает Цезарь! Лика, я не смогу вылезти из этого без него.

Слезы лились, затекая в уши, подушка и волосы Насти совсем намокли. Но тут открылась дверь и вошел граф Виттури.

Лика встала.

— Граф, но...

— Лика, выйди. — Голос сухой и не терпящий возражений.

Ангел послушно прикрыла за собой дверь.

— Тихо, Настя, я пришел, чтобы помочь. Не бойся меня.

Он наклонился к ней низко, и она почувствовала, как боль, отчаяние, тоска покидают тело. Демон погладил ее по голове.

— Тебе станет лучше, не знаю, как ты подцепила эту мерзость во мне, ты не должна была проникнуть так глубоко. Что ты видела?

— Картины... много картин... — В его глазах мелькнуло удивление. — Там были сцены из Библии.

Хотя она не была уверена, что то были настоящие библейские сюжеты.

— Там был ангел... особенный ангел...

— Люцифер?

— Нет. — Настя была абсолютно уверена, что то был не Люцифер. — Ты.

Он усмехнулся.

— Я демон. Я не ангел. Я зло.

— Но ты спас меня, — возмутилась она.

— Потому что ты должна умереть при других обстоятельствах, — сухо ответил он. Затем поднялся и пошел к двери так спокойно, словно ему было все равно, что с ней будет. У выхода он остановился и обернулся:

— Надеюсь, это научит тебя не лезть к демону в душу. Потому что вместо души у демона одна только грязь, боль и мерзость. Радуйся, что не сошла с ума со всем этим грузом. Выжила только потому, что в тебе сила Матери. Если бы не она, ты бы сгорела от этой мерзости.

Ей хотелось бежать за ним, крепко обнять, распрямить его немного опущенные плечи и противоречить всем его тезисам и утверждениям.

«Ты не один! Слышишь!» — мысленно крикнула она. Но сил не было. Не было больше сжигающей страсти, которая заставила бы ее и по раскаленным углям идти вслед за ним.



Она откинулась на подушки, прикрыла глаза и содрогнулась от удовольствия, когда поняла, что боли больше нет. Ей казалось преступным радоваться ее отсутствию, ведь она знала, что ноша демона снова стала тяжелой. Если бы она могла облегчить его долю! Но она не могла. При одном воспоминании о пережитом все сжималось от страха. Нет. Она не вынесет и капли этого одиночества. Видимо, у каждого своя ноша. Ее ноша — жертвенность. Его — Тьма.

## ГЛАВА 11

С момента ее возвращения из больницы они с графом Виттури старались держаться как можно дальше друг от друга. В Насте будто осталось эхо пережитой боли, которое иногда глухо пульсировало в душе.

Поняв, кто он на самом деле, она пересмотрела под другим углом все неясности их общей истории, увидела демона заново, в свете. И поняла, что всегда чувствовала в нем это единение света и тьмы, этот полусвет, что он не мог укрыть ни от кого, как ни старался быть злым и пестовать в себе гнев и обиду.

Самаэль ангел-искуситель? Или ангел, спасающий Исаака от меча отца? Или ангел, дарящий знание человечеству и развитие? Развитие куда? К гибели? Или к совершенствованию? Прометей, принесший им огонь знаний, замученный высшими силами за дерзость.

Он был ангелом, настоящим, единственным павшим ангелом. Не изгнанным за гордыню и бунт, а свергнутым за излишнюю доброту к человеку и за желание делиться с ним знанием.

Но он позволил обиде и гневу замарать себя, а потому остался в полусвете, занялся охотой на отдельные души, охраняя человечество, но не имея возможности править им. Или не желая.

Он свобода выбора. Нет, он и есть выбор. Он лишь дает возможность. А выбирает человек. Свобода выбора и есть та частица от бога, что он пестует. И развивает, если есть возможность. Он не толкает нас к пропасти. К пропасти идем мы сами, если неверно выбираем.

Но она не понимала, как он, прервавший одно жертвоприношение, ведет ее к гибели так спокойно? Ей было обидно, что за нее Самаэль не стал бороться, а изначально сознательно готовил ее к смерти, противореча самому себе.

За что он с ней так? Или на карту поставлено так много, что ее смерть всего лишь досадная необходимость?

Они собирались покинуть Москву и двигаться на восток, где есть возможность развернуть войска и встретиться с Ноктурной. Москву заливало дождем, граф шутил, что скоро он перестанет скучать по Венеции, ведь по Москве можно будет передвигаться только на лодках. В то же время Европа горела под солнцем, а в Азии происходили извержения вулканов и цунами. Так что дождь был еще не такой уж страшной альтернативой.

Они готовились к войне, заранее проигрышной, несмотря на весь энтузиазм, что пытались поддерживать друг в друге. Все агенты ответили согласием на участие, но их было мало. Они искали соратников повсюду, где только могли. Особняк графа превратился в штаб-квартиру, где всегда кто-то сидел на связи. Чаще всего это был Цезарь, ребят граф заставлял тренироваться, арендовав спортивный зал минутх в двадцати «ходьбы вплавь», как назвал этот новый способ передвижения Локи. Граф иногда устраивал им такие учения, от которых опускались руки: человек против демона не может практически ничего, быстрота перемещений графа вводила в ярость даже Диего. Но граф Виттури продолжал гонять их. Однажды во время ужина Настя случайно смахнула со стола нож и поймала его на лету. И вот тогда она поняла, что стала действительно быстрее реагировать. Она честно старалась противостоять графу, но когда он нападал на нее с мечом, иногда ей вспоминались их поцелуи, его объятие, и она терялась, не могла собраться, за что получала от него удары и синяки. Постепенно она научилась отключать воспоминания и находиться в поединке, думая только о том, как защитить себя и одновременно атаковать соперника.

Как-то вечером Лика и Диего уже ушли в душ, а демон все гонял ее, нещадно атакуя со всех сторон, и Настя уже выдохлась после двух часов тренировки, как на пороге спортзала появилась Итсаску. Вампиру распирало от гордости.

— Серж наконец-то смог подсоединиться к спутникам и взломать их системы, построил алгоритм вычисления передвижений Ноктурны. Мы нашли ее и знаем, куда она направляется!

И одновременно с этим до них донесся жуткий вопль Лики из раздевалки.

Это был не краткий вскрик от испуга, а какой-то страшный по тоске и боли продолжительный крик, как если бы ее резали или жгли. Настя бросилась мимо Итсаску к раздевалке. Из мужской уже выбежал Диего с полотенцем на бедрах, мокрый, босиком. Ее обогнал граф Виттури, он распахнул дверь в раздевалку, и Настя, подбегая, уже услышала его стон отчаяния, от которого в сердце все похолодело от страха.

Она вошла вместе с Итсаску. Вода в одной из душевых кабинок продолжала литься, и горячий пар выветривался в распахнутую ими дверь. На полу валялся тюбик с шампунем, из него вытекала розоватая жидкость, совсем не похожая на сверкающие золотом следы и капли на стенах и полу.

Граф Виттури молниеносно исчез, Настя растерянно подошла к кабинке и выключила душ.

— Что это? — спросила она у Итсаску, показывая на золотые, переливающиеся капли на кафеле.

— Это кровь ангела, — ответила вампирша.

Диего обезумел. Он сначала метался по душевой, словно пытался обнаружить Лику, Насте стало жалко его. Она одна знала, что он влюблен в ангела, поэтому постаралась успокоить его:

— Диего, иди одевайся, граф может вернуться, и ему понадобится наша помощь.

Но когда Диего поднял на нее глаза, Настя в испуге отпрянула: на нее смотрели хищные злые глаза пантеры с узким змеиным вертикальным зрачком. Оборотень зарычал на нее, и зубы под приподнявшейся губой были тоже звериными.

— Да что с тобой?

Настя сама не поняла, как он прижал ее к стене, рыча и хищно скалясь, в одно мгновение из нее выскочила белая волчица, опрокинула оборотня, который в падении превратился в пантеру окончательно, и оба зверя с воем и рычанием набросились друг на друга.

Выстрел оглушил всех.

— А ну, прекратили! — Итсаску наставила пистолет на зверей. — Быстро разошлись, твари!

Настя призвала волчицу, и та покорно вернулась к ней, но не исчезла, а села у ее ног, все еще приподнимая нос и обнажая клыки. Пантера отряхнулась и села.

— Давай, Диего, возвращайся, — нетерпеливо велела Итсаску.

Взгляд Насти упал на полотенце на полу.

— Он не может. Итсаску, давай выйдем.

Вампирша закатила глаза.

— Что я там не видела...

Но они вышли, Настя устало сняла защитную фехтовальную куртку, переоделась в сухую майку, которую захватила с собой.

Едва она успела одернуть ее, как перед девушками материализовался граф Виттури. Они бросились к нему, но он оборвал не успевшие прозвучать вопросы:

— Я не нашел ее.

Свет в коридоре замигал, и Настя поняла: призраки рядом.

— Молчи и не оборачивайся, — прозвучал за ее спиной голос.

Пока Итсаску жаловалась графу на поведение Диего, пока он ходил в мужскую раздевалку, чтобы проверить оборотня, Настя стояла, как замороженная, слушая голос.

— Ангел у нас. Если хочешь увидеть ее живой, тебе лучше поторопиться, Ноктурна голодна. Слушай внимательно: постарайся отделаться от своих друзей. Я буду ждать тебя у выхода. Придешь одна. Если хоть кто-нибудь последует за тобой, Лика умрет. У тебя два часа, придешь позже, Лика умрет.

Из раздевалки вышел Диего, Итсаску и граф двинулись к выходу, не дожидаясь их.

— Я забыла меч, — крикнула им вслед Настя. — Я вас догоню!

Она и в самом деле взяла меч, но выждала, когда они свернут за угол, прежде чем выйти из подъезда.

Призрак ждал ее у дома напротив. Это был мужчина средних лет в пальто, костюме и шляпе. Она раскрыла зонт и перебежала к нему.

— Машина там. — Призрак махнул в противоположную от направления к особняку графа сторону. И пошел быстрым шагом, так что Настя едва поспевала за ним, перепрыгивая через лужи на

асфальте.

Призрак открыл ей дверь выдавшей лучшие времена машины и, к огромному удивлению Насти, сел на заднее сиденье рядом с ней.

Они тронулись с места без водителя. Настя судорожно пристегнулась ремнем, и от нее не укрылась ухмылка призрака.

Рассекая лужи, машина понеслась вперед по улице, набирая и набирая скорость. Коробка передач со скрипом переключилась, Настя почувствовала, как ее спина вдавилась в спинку сиденья, автомобиль оторвался передними колесами от асфальта и взлетел. Она вскрикнула от ужаса, когда они пронеслись мимо окон пятиэтажного дома и взмыли выше.

Настя вцепилась в сиденье и пыталась успокоиться. Но машину потряхивало, она то и дело проваливалась в воздушные ямы, от которых сердце замирало.

— Господи, сколько еще будет продолжаться эта пытка? Куда мы летим? — Москву сначала было видно в серой мгле, но потом они прошли сквозь дождевые облака, и теперь Настя понятия не имела, куда они двигаются.

— У нас два часа, успеем. У Ноктурны есть прекрасная идея для сражения с тобой. Эта машина летит быстрее самолетов. — Призрак вальяжно откинулся на сиденье.

— Тебе-то все это зачем? — полюбопытствовала Настя, чтобы хоть немного отвлечься от страха.

— Я лишь выполняю приказ. — Мужчина надвинул на глаза шляпу и закрыл глаза.

Настя тоскливо посмотрела в окно: тяжелые облака остались позади, внизу было видно землю: горы и зеленые пространства. Она снова села прямо и увидела, что ее спутник исчез. Она одна в бешеной машине несется неизвестно куда. Она может упасть, разбиться! Паника начала овладевать ею, но она постаралась успокоиться, закрыла глаза и начала повторять:

— Ноктурне нужна моя сила, так что я долечу, мы не упадем.

А вот как ей вызвать Лику, что делать при встрече с Ноктурной, Настя так и не смогла придумать. Делая глубокие вдохи и выдохи, она лишь постаралась сосредоточиться на себе, своей силе.

Машина начала снижаться, и вот Настя уже узнала побережье, увидела Барселону, залитую солнцем, но полет продолжался. Под ней мелькала зеленая Каталония, и Настя гадала, куда же решила ее выманить Ноктурна.

Вскоре холмистая Каталония сменилась выжженной ровной землей Арагона. Машина снизилась еще сильнее. Вокруг не было ни одного населенного пункта. Только голая земля и дрожащий от жары воздух.

Колеса коснулись земли, посадка была жесткой. Настю сильно мотнуло в сторону, когда машина затихла, а пыль улеглась, она отстегнулась, взяла меч и вышла наружу. Тут же сбросила куртку, оставшись в майке. Машина, поскрипывая, отъехала, оставив ее одну на испепеляюще жарком пространстве.

Настя покрутилась на месте, не зная, с какой стороны ожидать нападения.

Но кругом было только солнце и зной. Она взмокла, а голову нещадно жгло.

— Ну, давай же! А то я спекусь тут! — шептала Настя.

Земля под ногами задрожала мелко, еле уловимо, словно под ней пролегал метро. Мелкие камушки тряслись как от страха.

Вдали появилось облако пыли. А потом грохот, похожий на раскаты грома. Все это нарастало, песчаная пыль постепенно принимала очертания чудищ с кожистыми песчаного цвета крыльями, которые летели низко над землей, перекатывая за собой колесницу, на которой стояла Ноктурна.

Облик ее сильно изменился: волосы длинные, до пят, глаза стали больше, лишая ее человеческого облика, делая неестественной. Но самое странное было то, что Ноктурна расплнела. Когда колесница приблизилась, Настя поняла, что она беременна. Значит, они могут не успеть. Если Ноктурна родит то, что носит внутри, оно убьет все живое и разрушит этот мир. Настя почувствовала, как, несмотря на жару, холодный пот потек между лопаток.

Одно успокаивало: Ноктурна явилась без многочисленного войска. По крайней мере, пока. Настя призвала на помощь все свои силы и направила меч на Ноктурну. В последний момент вдруг

подумала о графе Виттури. Но потом полностью сосредоточилась на противнице.

— Где Лика? — крикнула она, когда Ноктурна остановила колесницу.

Та, не отвечая, с улыбкой сошла на землю. От ее ступней по сухой земле побежали трещины.

— Мне говорили, что Мать передает тебе свои силы, — с презрением глядя на девчонку, стоящую перед ней, сказала Ноктурна. — Опрометчивое решение. Столько силы человеку не вынести, да и опасно оставлять тебя без присмотра. Как человек ты глупа, действуешь импульсивно, сгоряча. А сила в тебе вкусно пахнет.

Она облизнулась.

— Где Лика, тварь? — Настя не собиралась вступать с Ноктурной в беседы о тяжести божественного бремени.

Демонесса хищно сузила глаза.

— Вот как ты запела, девчонка?

Она махнула рукой, и Настю отбросило на несколько метров назад. Она выронила меч от неожиданности, но вскочила и потянулась, чтобы взять его, однако ее снова отбросило дальше. Ноктурна смеялась, похоже, ее забавляла эта игра.

Настя упала на живот, кожа на пальцах ободралась о камни.

Она ее вымотает, а потом убьет. И Лику она не спасет, это всего лишь ловушка. Нужно как-то выиграть время, чтобы подумать. Она загребла в ладони мелкие камушки и сухую землю. Сосредоточилась.

— Ирина! — крикнула Настя, поднимаясь снова.

Ноктурна приготовилась снова ее отбросить, но остановилась.

— Ирина, так ведь тебя звали? У тебя есть дочь Наташа, помнишь ее? Девочка, которая танцует балет!

На лице Ноктурны ничего не отражалось, но Настя и не надеялась на быстрый результат. Судя по душе Ирины, она почти погибла, поэтому достучаться до нее будет сложно.

— На днях состоялась премьера балета «Жизель», твоя дочь танцевала заглавную роль. Люцифер не сказал тебе, что пытался ее забрать?

Она сказала это наугад, но по тому, как почернело лицо ведьмы, поняла, что попала в точку.

— У меня нет дочери.

— Наташа произвела фурор, но он все испортил, разрушил театр и чуть не убил ее. Ты помнишь, что Наташа — твоя дочь? Единственное, что осталось в тебе человеческого? Помнишь? Она у нас. И если с Ликой что-нибудь случится, Самаэль убьет ее.

Ноктурна вдруг заверещала так, что Настя зажала уши, казалось, сейчас лопнут перепонки, вопль сбил ее с ног, а Ноктурна взметнулась в небо, раскрыв огромные крылья, похожие на крылья ночной бабочки.

— Сама-э-э-эль! — Вопль, полный ненависти и обиды. Похоже, упоминание демона разъярило ее куда больше, чем весь рассказ про дочь.

Из ее ладоней вырвались столбы огня, Настя едва успела отскочить в сторону, как Ноктурна направила на нее пламя.

От второго залпа Настя убежать не успела и только рефлекторно прикрыла голову руками, словно они могли защитить ее. Залп огня обдал ее жаром, но не спалил, и она опустила руки. Между ней и Ноктурной стоял граф Виттури, а за спиной его, казалось, висели два ночных неба в форме крыльев. В их глубокой синеве сверкали звезды и перемещались галактики. Это он заслонил ее собой от огня.

Ноктурна, удерживая пламя в ладонях, передернулась от ненависти.

— Ты снова мешаешь мне!

— В твоём положении вредно волноваться, Ноктурна. — Голос графа Виттури был спокоен.

Ноктурна оскалилась, взмахнула руками, и песчаные демоны разлетелись в черные клочья воронов. Они собрались в черную тучу над их головами и обрушились стальными клювами и когтями на Настю и графа. Настя вращала мечом, отпрыгивая то в одну сторону, то в другую, но птицы атаковали ее ноги, а едва она опустила меч, одна из них вонзила когти в кожу головы и клюнула ее в висок. Настя отбивалась, теряя бдительность и выдержку. Черная стая вилась над ее головой.

— Настя! Это птицы! Попробуй войти в их сознание!

Чего? Он издевается над ней, это не птицы, это монстры, порождение Ноктурны, страшное и неконтролируемое.

— Настя! — Он пытался пробиться к ней, но за черной тучей воронов, каркающих и хлопающих крыльями, она его не видела. Кровь то и дело заливала ей правый глаз.

— Не могу! — Она задыхалась.

— Ты должна!

Почему он не приходит ей на помощь? Мерзкие птицы!

— Оставьте меня в покое!!! — Но вороны и не думали останавливаться. Она согнулась, обхватила голову руками, и их когти начали рвать ее футболку и руки. Когти вонзались в кожу. Удары клювов были как удары кинжалом. От боли Настя едва соображала.

«Оставьте меня в покое!» — просила она. Она представила каждую птицу, летящую на нее. — «Вон! Вон! Прочь отсюда!» — мысленно кричала она, вздрагивая от новых и новых ран. — «Убирайтесь! Разлетайтесь!»

Наконец она представила не как распугивает их, а внутренним зрением вдруг увидела близко глаз ворона, а в нем отражение Старой Матери, окунувшись в зрачок, увидела саму себя так, будто она и была вороном, увидела свои когтистые лапы и почувствовала алчное желание вонзить их поглубже под свою кожу. Вмешавшись в этот поток агрессии, Настя самой себе приказала улететь прочь и снова сжалась в ожидании новой боли. Но ее больше никто не трогал. Вороны разлетались в разные стороны с хриплым карканьем. Она вытерла кровь с лица и обернулась в поисках графа.

Граф Виттури сражался с тремя демонами, чьи уродливые тела были покрыты наростами и пучками черных жестких волос. Настя невольно залюбовалась тем, как граф Виттури молниеносно скрывался от ударов и пользовался атакой противника, чтобы напасть самому. Через пару мгновений он отсек голову одному из демонов, тот рассыпался в песок и камни, а Настя огляделась в поисках Ноктурны. Ее нигде не было. Граф вспорол брюхо другому демону, и тот, взревев, пал к его ногам, растекшись в липкую черную лужу. Третьему оставалось жить недолго: граф уклонился от удара, вонзил ему один меч в бок, а пока тот цеплялся за рану и верещал, перерезал другим его глотку.

Когда он подошел к ней, ярость пульсировала в нем огромной и черной Тьмой.

— Почему ты так долго не слушала меня? — Гнев демона обрушился на нее лавиной, и Настя почувствовала, как предательски слабеют ноги.

— Я не понимала, как это сделать! — Она вытерла тыльной стороной ладони набегавшую на глаз кровь. Еще немного, и она разрыдается, как маленькая девочка, которую обидели хулиганы.

— Все. Достаточно. — Он крепко прижал ее к себе, и когда они перенеслись, то оказались в барселонском агентстве.

Он посадил ее на стул, быстрым уверенным движением вытащил аптечку из шкафчика на кухне, смочил марлевые салфетки в перекиси, одной вытер ей кровь, бегущую из виска, приложил ее руку, чтобы она ее держала. Настю потряхивало, но она старалась взять себя в руки.

— Дай посмотрю, что на спине. Настя, почему опять так своевольничаешь? Если бы не вспомнила обо мне, я бы тебя не смог найти. Терпи теперь.

Не дожидаясь разрешения, его пальцы подцепили край футболки и потянули ее вверх. Настя зажмурилась. Он прикладывал салфетки, вытирал кровь на ее спине, бросал окровавленные на пол, брал новые. Его пальцы прикасались к ее коже, и она вздрагивала.

— Так неприятно? — насмешливо спросил он.

В том-то и дело, что это было чертовски приятно. Так приятно, что потрясение улетучивалось из тела и его место заняло легкое возбуждение. Она закусил губу, чтобы не потерять связь с действительностью. А этот мерзавец словно нарочно касался ее здоровой кожи так нежно, что в

ранах затихала боль, зато больно становилось в животе, где, казалось, огромная стая воронов царапалась и приятно щекотала перьями, пытаясь вырваться наружу.

— Все заживет, не волнуйся, — хрипло прошептал он ей в шею, так что она почувствовала его дыхание.

Да что он такое творит? Мстит ей за удар? Что ж... месть сладка, в этом ему не откажешь.

— Настя...

Свободной рукой он взял ее за руку и переплел свои пальцы с ее. Все тело ломило и болело, она, как долго державший себя под контролем наркоман, оказалась рядом с возжеленной дозой.

И когда она уже готова было сломаться, послышался щелчок открываемой двери и ввалились шумной толпой все агенты. Увидев окровавленную Настю с обнаженной спиной и графа Виттури, склонившегося над ней, Локи прогремел:

— Простите, что так неожиданно прерываем ваши садомазохистские игры!

Настя поспешила одернуть майку и, не глядя на графа, спросила у друзей:

— Но как вы меня нашли?

— Ты невнимательно слушаешь, земная, в облаках витающая. Я ж ясно сказала, что Серж отследил Ноктурну. — Итсаску бросила рюкзак на один из стульев в приемной. — Пойду закажу нам всем что-нибудь поесть.

— Нет времени на еду. — Настя схватила меч и встала. — Нам нужно найти Лику.

— Этим займется Серж, а ты пока угомонись, — отрезал граф. Серж устанавливал какое-то мудреное устройство рядом с компьютером.

— Здесь есть уборная? — вклинулась Наташа. Девочка все это время стояла на пороге между Роланом и Габриэлем, не решаясь войти, со страхом глядя на потолок в виде аквариума.

— Пойдем, я покажу. — Насте самой страшно хотелось посмотреть на себя в зеркало. Наверно, вид ужасный.

Они зашли в ванную вместе, Настя бросилась смывать с лица пыль и кровь, а Наташа ждала, когда она закончит.

— У тебя еще вот здесь кровь. — Девочка чуть коснулась ее виска. Настя отмыла прядь волос и кожу.

— Красивый медальон. — Наташа показала на кулон Избранной. Настя вдруг решила:

— А знаешь... возьми его себе хотя бы на время. Пока мы здесь, в офисе. Если хочешь.

— Очень хочу! — Наташа радостно улыбнулась.

Настя сняла с себя цепочку и, повернув девочку к зеркалу, надела на нее кулон. Она вдруг почувствовала облегчение: все это время она носила его не снимая и только сейчас, застегнув замочек на шее Наташи, почувствовала, что с плеч будто сняли тяжелую ношу.

Машинально она размяла шею. Хорошо, что Цезарь велел всем хранить смену вещей в агентстве. Теперь есть во что переодеться.

Она как раз сняла с себя грязную майку, когда почувствовала спиной присутствие папы римского.

— Могли бы не появляться, — сухо заметила она, побыстрее натягивая на себя чистую одежду.

— От меня там все равно не было толку, — развел примирительно руки в стороны папа римский. — Да и, знаешь ли, таскаться за твоим демоном не самое приятное времяпровождение для столь высокодуховного человека, как я.

— Я не буду обсуждать сейчас вашу духовность.

— А я не буду ругать тебя за то, что так дешево купилась на приманку. Она могла тебя сожрать, если бы мы не появились вовремя...

— Если бы граф не появился вовремя, — уточнила Настя. — Лика у них. Только им под силу утащить ее, но, видно, они решили использовать ее позже, сначала попытались разделаться со мной.

— Ты бы видела, как он разозлился, когда понял, что ты не возвращаешься. Я думал, он тебя убьет вперед Ноктурны. Но, похоже, он предпочитает делать тебе перевязки. — Папа подмигнул ей, Настя покраснела.



## ГЛАВА 12

Диего не знал покоя, он стоял над Сержем, пока тот высчитывал координаты с данных спутников.

— Сейчас есть два места, где замечена повышенная активность: одно пятно движется к Барселоне, другое постепенно увеличивается в степях Поволжья.

— Отправляй всех агентов, что сейчас в России, туда, в Поволжье. Остальные к нам доехать не успеют. И нам придется принять бой. — Граф Виттури обвел взглядом притихших ребят.

— Это пятно активности не столь большое, — поспешил приободрить всех Серж. — Но у нас нет уверенности, что Лика находится именно здесь.

— Мы проверим это совсем скоро. — Цезарь устало потер переносицу. — Диего, пойдем посмотрим, что у нас есть из оружия.

— Разве не лучше выйти им навстречу?

— Нет. Тут у нас преимущество.

— Отдыхай, — потрепал по плечу Сержа граф Виттури.

Рита тихо прошмыгнула в свою каморку, растворила дверцы шкафчика с травами, долго копалась в нем, перебирая холщовые мешочки.

— Ну где же ты? Где? — шептала она, с досадой роняя ненужные мешочки прямо на пол. Те, что должны были ей пригодиться, ведьма тут же откладывала к ступке на столе.

— Что ты делаешь? — Локи прислонился плечом к проему двери, скрестив руки на груди.

— У меня есть одна идея. Но я пока не знаю, как ее лучше озвучить. Получается бред.

Диего тоже нарисовался в проходе, Рита поразилась тому, насколько измученным и осунувшимся выглядел оборотень. Двое парней смотрели на нее в ожидании, и ведьма, вздохнув, объяснила, запинаясь и вода в воздухе изящными руками:

— Я вот думаю... Если Самаэль смог осилить Ноктурну с помощью асов демонов, как ты, любимый, только не обижайся, дослушай: знаю, вы были богами, но именно Самаэль смог объединить всех тогдашних «богов» на битву. И вместе они одолели Ноктурну. Что, если... Что, если существует способ вернуть их к жизни?

— Это невозможно! — Локи даже засмеялся. — Если граф этого не смог сделать... до сих пор, то это невозможно! Это все равно что воскресить из мертвых!

— Рита, — Диего вошел в комнатку и оперся руками на стол, заставленный ступками и банками, — объясни еще раз.

— Я думала так. — Рита прошлась по узкому месту между шкафчиком и столом и, раскачиваясь с носков на пятки, обняв себя за плечи, продолжила: — Практически все демоны-боги связаны с Древом жизни. Как бы его ни назвали: древо жизни, дерево жизни, ось жизни, Иггдрасиль, дуб из Лукоморья... Практически в каждой культуре есть эта ось, с которой так или иначе были связаны боги. Не смейся, Локи, даже у индейцев есть такое дерево.

— Я не смеюсь, моя ведьма, я лишь пытаюсь сказать, что такое дерево существовало, но было уничтожено Ноктурной. Она вылила яд под его корни и сожгла. Оно умерло, и от этого ослабли все мы, связанные с ним.

— Оно существует? — Диего не очень любил обращаться к Локи напрямую, но на данный момент его не волновало ничего, кроме спасения Лики.

— Есть такое измерение, — кивнул Локи, его обычно смеющийся синий глаз стал серьезным. — Вроде как Иной город, но только там нет городов, это пространство природы и царство Старой Матери. Там оно стоит, сожженное и засохшее.

Рита показала на стол с травами.

— Я могла бы приготовить отвар для перемещения туда, чтобы попробовать напитать его. Хотя бы на время собой.

— С ума сошла! — Локи шагнул в комнату и смел все травы со стола. — Оно тебя убьет, все из тебя выжмет, а сил все равно будет мало, ни почки не распустится. Его никому не под силу воскресить.

— Старая Мать могла бы это сделать? — Диего снова обратил взгляд зеленых глаз на Локи.

Скандинавский бог со злостью ответил:

— Она не захотела. Те, кто был связан с этим деревом, примкнули к Отцу. Поэтому для нее они получили достойное наказание. Нет. Она не станет воскрешать его. А больше никто не может воскресить, даже Самаэль... Насколько мне известно.

— Я должен вам кое-что рассказать. — Диего глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. — Мне кажется, я знаю, кому это может быть под силу.

Настя провалилась в тягостный и темный сон. В нем за ней неотступно следовал Мрак с красным глазом, пытаясь поглотить, Азazelло то появлялся, то исчезал, а граф Виттури то отдалялся, то приближался. Она шла сквозь какой-то вязкий и холодный туман. Он закручивался вокруг красивыми завитками, как облака на китайских картинах.

И вот она вдруг вышла в темное пространство, которое освещала одна лампочка, свисавшая из пустоты. Перед ней в кругу света лежал венок, сплетенный из жестких прутьев, усыпанных длинными и острыми колючками. Настя подняла его. Раздался тихий скрип колес, и навстречу ей выехало зеркало, завешанное черной бархатной тканью с золотым узором. Настя встала перед зеркалом, и ткань сама упала с него на пол, открывая темную зеркальную поверхность. Не без страха Настя подняла взгляд и увидела в зеркале саму себя, такую, как сейчас. Только венок у нее был на голове, а не в руке. И, словно зачарованная, она надела его на самом деле. Одна из колючек вонзилась ей в лоб, и Настя проснулась от боли.

В агентстве было тихо, все отдыхали перед выступлением. Она потерла лоб, чтобы убедиться, что боль ей лишь приснилась.

— Дитя мое, — папа римский, оказалось, сидел рядом с ней на стуле, держа в руках книгу из библиотеки Цезаря, — что с тобой?

Настя рассказала ему свой странный сон.

— Терновый венец. — Темные глаза Родриго Борджиа светились искренним страданием и беспокойством. — Зачем же ты принимаешь эту долю?

— Это всего лишь сон, — пожала плечами Настя и улыбнулась ему.

Минуту девушка и призрак смотрели друг на друга. В последние дни он заботился о ней так искренне и так переживал, что ей просто невозможно было представить его в роли подлеца и убийцы. Да, он был порой легкомыслен и падок на женскую красоту, но внутри Родриго Борджиа она находила черты благородства, которые тот скрывал за напускной набожностью и блудливостью.

Она взяла его руку, унизанную драгоценными перстнями, и поцеловала.

— За что, дитя? — Папа римский от неожиданности расчувствовался, и голос его задрожал.

— За то, что вы добры ко мне.

— Я старый грешник, чистая ты душа. Смотри, меня даже никуда не забрали, так я всем противен.

— Я рада, что не забрали. Ведь иначе я бы вас не встретила. — Настя улыбнулась.

— Какая ты еще наивная. Как это получается, ведь демон всегда рядом?

— Он не демон. Он ангел, падший ангел.

И Настя рассказала папе римскому про путешествие в душу графа Виттури.

— Это очень сокровенное знание, — разнервничался папа. — Это переворачивает с ног на голову основы веры. Непохоже на то, чтобы он был просто ангелом, Настя. Говоришь, на картине он практически одного роста с Богом-отцом?

— Я не собираюсь переписывать Библию, если вы об этом. И это же всего лишь картины...

В этот момент она почувствовала легкую вибрацию, затем сработала сигнализация Сержа — картина на лестничной площадке. Агенты высыпали в коридор, на ходу доставая оружие.

— Наташа, Габриэль, вы уходите в дальние комнаты, — скомандовал граф. — Ролан, ты нам понадобишься.

Инкуб кивнул, не задавая вопросов. Итсаску сунула ему в руки плетъ с железными острыми крючками, и он замер с ней наготове, чуть расставив ноги. Он был в тот момент хорош, словно сошел с эротической фотографии на садомазохистскую тему. Настя потрясла головой, прогоняя образ. На лестнице, судя по возне, шла борьба.

— Кто там дерется? — Настя обвела взглядом агентов, все были на месте.

— Горгона Медуза не пропустит их просто так. — Цезарь был бледен, но глаза его горели жадной битвы.

Визг и вопли вдруг стали ближе, такое ощущение, что кого-то вживую растворяли в кислоте, Насте очень хотелось посмотреть, как именно горгона Медуза, всего лишь мозаика на полу, может защитить агентство от вторженцев. Но помня о том, кем она была по мифам, Настя не торопилась открывать дверь.

Граф Виттури и Локи встали впереди всех у двери. Справа от Насти Итсаску влезла на стол и направила револьверы на вход. У ее ног стоял Серж, крутя в руке звездочку. Дверь с треском распахнулась и на пороге появилась Кали. Она страшно открыла рот, выпучила разноцветные глаза и показала длинный язык. У нее оказалось шесть рук, все с оружием, и она набросилась на графа Виттури. Вслед за ней влетели несколько демонов, Локи, Итсаску и Ролан не пропускали их дальше. По верхнему дверному косяку полезли черные и полупрозрачные твари, они скользили по стенам мимо сражающихся.

— Ваше святейшество, вы их видите? — закричала Настя.

— О да, дочь моя, прекрасно вижу.

— Похоже, что только мы с вами. — Настя видела, что остальные не реагировали на вторженцев.

Папа римский подхватил меч из тех, что лежали запаской в коридоре, и бросился на тени, которые оползали приемную справа, явно направляясь к коридору, где стояли Настя и призрак. Настя взяла на себя левый фланг.

Какое-то время она сосредоточилась на том, чтобы не пропустить ни одну тварь со своей стороны, не видя ничего вокруг, кроме этих быстрых и юрких теней, которые так и норовили проскочить мимо.

Они были похожи на человеческие тени, плоские, прозрачные, пока бежали по стенам, но когда замечали ее с мечом в руке, то раскрывали рты, которые занимали все их лицо, и обнажали огромные пасти, усеянные тысячами острых зубов, идущих по кругу. Оттуда выстреливали длинные, покрытые наростами языки с острыми шипами на конце. В первый момент было сложно справиться с ужасом, который накрывал при виде каждой такой твари, но Настя старалась не поддаваться ему, потому что застыть значило погибнуть, когда речь идет о таких быстрых и опасных существах. Они страшно злились, что им не дают пробиться дальше, набрасывались каждый раз с новой силой, пробуя разные маневры, и наконец одной из них удалось задеть языком Настю за плечо.

Резкая боль парализовала ее, и тут же тени нахлынули толпой, словно привлеченные удачей и вкусом крови. Она пыталась отсечь языки, но в нее уже вонзались зубы, терзая плоть. Твари жадно глотали кровь и постепенно становились вещественней и объемней, казалось, ее кровь возвращала их в реальность из мира теней. Папа римский отбивал правый фланг, обернулся к ней, бросился на подмогу, и сам был атакован тварями, которые опрокинули его на пол лицом вниз, рвали его сутану и кожу.

Помощь подоспела от Сержа и Риты: они сначала не могли понять, откуда появляются на Насте раны, но когда стали проявляться в воздухе очертания тварей, то им стало проще попадать в них. Твари стрекотали, огрызались. Настя, улучив момент, когда Серж сбил с нее самую тяжелую из них, откатилась в сторону и попыталась отогнать тех, что помельче, от папы римского. Она размахивала мечом и кричала от ослепившей ее ярости. Родриго Борджиа досталось даже больше, чем ей: он не мог встать. Твари шипели, отскакивали, а потом вдруг слились в одно черное тело. Получился высокий человек в капюшоне с закрытым черной тканью лицом. Он подался вперед к Насте, на ходу поднося руку к покрывалу на лице, словно собирался поднять его.

— Нет! Настя! — Джонни отбросил ее в сторону, как котенка, ударил существо в капюшоне топориком, но оно просто легко отлетело в сторону. А потом молниеносно пронеслось по коридору к комнате, где прятались Габриэль и Наташа.

Настя и Джонни бросились за ним, но было слишком поздно: оно уже отворило дверь. Оттуда вдруг вырвался яркий белый свет, который врезался в черное тело существа и спалил его в одно мгновение. Из комнаты вышла Наташа, на ней было слепяще-белое одеяние, ничего, кроме лица и силуэта, не разглядеть, так это все светилось. И вслед за ней шел Габриэль с белыми крыльями и хрустальным мечом.

От Наташиного света сгорели все черные тени, что еще дрались с Сержем и Ритой, а потом свет девочки погас, Настя бросилась к папе римскому, потому что выяснять произошедшие перемены с ангелом и балериной не было сил. Она оставляла за собой кровавый след, твари порвали ей плечо и икры, но боль от вида разорванного призрака была сильнее. Она рухнула на колени перед ним и бережно положила его голову на свои колени.

— Ваше святейшество...

— Это все хорошо. Все хорошо, — шептал, растворяясь навсегда, призрак Родриго Борджиа, папы римского Александра VI. — Дитя мое, только не дай им...

Он угас окончательно, оставив ее с пустыми руками. Она горько заплакала и легла на пол прямо в кровь, держась за порванное плечо. Одиночество накатило сильнее, душило ее отчаянием, горечью потери. Боль в ранах была притуплена острым клинком душевного страдания.

Кто-то стал перетягивать ей раны. Она мельком увидела, что это Рита. Серж помог подняться, Цезарь тоже подошел, весь в поту и крови, чтобы помочь. Настя искала глазами графа Виттури. И увидела, как Локи и Итсаску добивают извивающуюся тварь, похожую на длинного крокодила, скрещенного со львом. Ролан выпихнул ногой в проем верещащую тварь с телом человека и мордой бабуина. Едва тело демона оказалось за чертой двери, его снесла бледная тень с женским перекошенным лицом, и визг бабуина вскоре стих эхом где-то в глубине подъезда. Противостояние Кали и графа Виттури представляло собой столь завораживающее действо, что больше никто не вмешивался в их танец смерти. Рубашка на Самаэле была разорвана в клочья, но ран на идеальном теле не было, видимо, они залечивались быстро, потому что у Насти еще было достаточно сил. Из шести рук у Кали осталось только три, но демону все равно приходилось сложно. Гнев Кали был страшен, она постоянно нападала, менялась в размерах, перемещалась молниеносно, стараясь отрубить графу голову. Лицо демона было непроницаемо. Он сражался спокойно, сосредоточенно, отражал нападения и одновременно угрожал Кали.

Они бы так и продолжали этот танец, не заметь Кали Наташу, которая неосмотрительно приблизилась к приемной. Белизна ее одежд все еще ярко горела, что привлекло внимание синего глаза Кали.

Ведьма вдруг молниеносно оказалась около Наташи, схватила ее, отлетела вместе с девочкой в сторону, подальше от графа, и начала исчезать. Габриэль и Ролан, стоявшие рядом с балериной, не успели ничего сделать, зато граф Виттури воспользовался этим моментом и нырнул вместе с Кали в пустоту. Видимо, он не дал ей завершить переход, потому что вернул ее обратно вместе с безжизненно повисшей на руке Кали Наташей. Клинок графа насквозь прошел Кали, поначалу Насте показалось, что он и Наташу задел, и она вырвалась из рук Сержа и Риты, бросилась к ним. Приблизившись, она поняла, что клинок прошел совсем рядом с Наташей, но Кали была жива. Она отпустила, содрогаясь, девочку, и та рухнула к ее ногам.

Граф Виттури, презрительно глядя в глаза Кали, разорвал ей грудную клетку и вытащил из нее черное каменное сердце. Глаза ведьмы потухли, и она упала вслед за Наташей на пол, разбившись на черные блестящие, как куски обсидиана, осколки.

Настя уже хлопотала около девочки, но граф Виттури отодвинул ее в сторону, достал маленькую флягу и приложил к белым губам Наташи.

— Незавершенный переход мог ее убить, но, кажется, подвеска помогла ей выжить.

Только сейчас Настя начала ощущать боль от ран, так что подчинилась Рите, которая прикладывала какие-то мази и бинтовала ее. Наташа медленно приходила в себя.

— Почему ты отдала ей кулон Избранной? — Глаза демона прожигали насквозь.

Настя пожала плечами.

— Он ей понравился. А мне с ним было тяжело ходить.

— Тяжело? — Демон провел рукой по волосам, зачесывая их назад. На его лице было поначалу полное недоумение, но потом он расхохотался.

— Что такого смешного я сказала? — Настя жмурилась и шипела от боли, когда Рита прижигала мазью рваные раны.

— Ты — ничего. А вот Рафаэль славно над нами подшутил. Надо мной. — Граф Виттури снова стал серьезным. — Похоже, что ты — хранительница этой побрякушки. Поэтому кулон предупреждал тебя о грозящей ему опасности, но не защищал, как Наташу. Настоящая Избранная — это она.

Настя почувствовала дикое облегчение от этих слов. Все это время участь Избранной давила на нее,

а теперь она оказалась от нее свободна. Она прикрыла глаза, позволив Рите обнять себя. Мудрая ведьма помогла ей скрыть слезы облегчения. Но потом страх за Наташу накатил снова.

— Но значит... значит...

Граф Виттури покачал головой, печально глядя на Настю.

— Нет, земная, твоя судьба останется с тобой.

Настя вздохнула с облегчением: Наташа будет жить!

Габриэль и Ролан переглянулись. Им-то легче не стало. Как раз наоборот. Весь груз ответственности за судьбу Избранной неожиданно оказался на плечах кающегося ангела и растерянного инкуба.

Все время, пока Габриэль с Наташей прятались в одном из кабинетов, тревожно прислушиваясь к шуму битвы, ангел никак не мог избавиться от ощущения, что находится совсем рядом с разгадкой своей миссии.

В тот момент, когда дверь распахнулась и на пороге появился черный человек с закрытым лицом, яркий свет ослепил Габриэля. Он не сразу понял, что это запыхала вдруг ставшая белой Наташа. А когда свет полностью поглотил их, то Габриэль вспомнил все. И за спиной ощутил снова крылья. Он пришел не за Настей, но та должна была привести его к Наташе. И именно маленькую балерину ему предстояло охранять для исполнения ее предназначения.

Граф Виттури передал девочку ангелу и инкубу, убрал мечи в ножны, прижался к стене на мгновение, чтобы собраться с силами, а йотом прошел мимо агентов в свой кабинет, хлопнув дверью.

Что же... Они над ним хорошо посмеялись. Избранная дева — не Настя, это хорошо... Меньше груза на земной. Ей и так чудовищно тяжело.

— Это ничего не меняет, Самаэль, — раздался женский голос за его спиной. Резковатый, высокий, раздраженный. Веста, конечно.

Он развернулся. Одна из сотворенных Старой Матерью духов огня стояла перед ним в легком хитоне, приоткрывающем ее правое бедро. Огоньки сверкали в светлых волосах, синие блестящие глаза, пухлые губы... Она вся так и излучала страсть и желание.

— Светлы дни и горячи твои ночи, Веста! — приветствовал ее граф.

Она и опомниться не успела, как демон скользнул по теплой коже ее бедра ладонью, прижимая к себе, а другой рукой притянул голову поближе, запустив ей пальцы в волосы. Сначала Веста хотела оттолкнуть его, но не смогла. Ему никто не мог сопротивляться. К тому же как она хотела повторить тот его поцелуй! Она стала мягкой и податливой в его объятиях, прижималась к нему теснее. Он с удовольствием поцеловал ее.

Прикрыв глаза, Самаэль почувствовал, что Мать передала ему с Вестой важное сообщение. Он мельком разглядел темную комнатку, детскую кроватку с белеющими в сумраке простынями. Старая Мать склонилась над колыбелью, протянула руку, и с ее ладони посыпалась золотая пыльца. Улыбка на губах Старухи была такой... любящей и нежной, что Самаэль почувствовал, что похожая нежность на мгновение сжала его сердце.

Человеческое дитя заворочалось, Старая Мать тихонько стала напевать колыбельную, чуть качая кровать.

— Спи, отдыхай. Рости. Мы будем ждать тебя, Настя, — донесся до него ее шепот.

Дыхание перехватило, и он снова почувствовал поцелуй Весты на губах и ее пальцы, ласкающие его волосы.

— Что тебе нужно? — спросил он, прервав резко страстный поцелуй, слегка отталкивая ее прочь.

Дух огня, распаленная страстью, вспыхнула от ярости.

— Мать прислала меня сказать тебе, что Настя неприкосновенна. Пока в ней сила Матери, ты не сможешь быть с ней.

— С чего она взяла, что я собирался? — приподнял бровь Самаэль. Он улыбался, а Весту это дико злило. — Ты спалила свой хитон, — добавил он, с интересом разглядывая ее пышные формы.

Веста сначала полыхнула стыдом, потом решила не стыдиться, затем разозлилась на демона, вспомнила о поцелуе, загорелась желанием, однако заметила его спокойствие и насмешку в уголке губ и вспыхнула от негодования.

Пока она размышляла, что лучше, он решил все за нее, привлек снова к себе, и она, изнывая от желания, обвила его шею, готовая простить все на свете...

— Она тебя вместо Насти мне прислала? В качестве утешения? — прошептал он ей на ушко, подхватив ее, когда она, послушная и распаленная страстью, уже обвивала его ногами.

— Будь ты проклят, демон! — Веста обиделась и вспыхнула, лишая себя возможности получить Самаэля.

Она вспыхнула в его руках ярким огнем и исчезла.

Самаэль и без Старухи знал, что Настя недоступна. Ее воля теперь не принадлежала никому, кроме, пожалуй, самой Матери. Он ведь сам хотел себе сложностей. Вот и получил. Самаэль провел по губам в задумчивости. Так действительно было интересней. Обычная земная смертная. Обычная девочка. Не красавица, не ведьма, не дух, а женщина. И может заехать ему между ног. Может уйти.

Уже не было в ее глазах слепого обожания. Но все-таки он знал, что она думает о нем, хочет быть с ним. Но с ним — настоящим. А от себя настоящего Самаэль сбежал так давно, что не хотел возвращаться снова. Принять ту чашу, что предназначалась ему? Нет. Куда проще быть демоном, играть душами людей, перебирать их как драгоценные камни, пестовать и наставлять, но только тех, кто был ему действительно интересен.

Нет, Насте не найти в нем того, кого она ищет. Он не даст ей больше хода в свою душу. И не тронет ее. Проклятая старуха может быть спокойна.

В любом случае у него сейчас есть проблемы посерьезней. Ноктурна. Лика.

Самаэль привел себя в порядок и вышел к агентам.

— Что теперь будет, — тревожно зудел инкуб уже пятнадцать минут. — Наташа погибнет? Что еще за Избранная?

Габриэль закрыл глаза, пытаясь отстраниться от инкуба. Нет, ну, в самом деле, наказание было слишком сильным, если надо еще терпеть рядом с собой похотливого низшего демона. Как он только Наташу не совратил?

— Тебе вообще больше необязательно здесь быть, — сказал Габриэль. — Можешь уйти. Ты можешь дурно повлиять на...

Ролан вдруг хищно оскалился, одним ударом сбил ангела с ног и вцепился ему в горло.

— Ты здесь никто, белокрылик, не забывай, кого из нас наказали за заваленную миссию. Будешь пытаться командовать, я сбрую твой синий ирокез и засуну тебе его в...

— Вы двое, сдурели, что ли?

Ролан поднял голову. Вампирша с интересом разглядывала композицию «ангел, лежащий под инкубом», затем она приподняла одну бровь и добавила:

— Еще одна стычка, и я вас обоих пристрелю. У нас нет времени на грызню внутри команды. Объясняю доступно или вашим крылато-хвостатым величествам непонятно?

— Не вмешивайся! — огрызнулся Ролан.

Щелчок нацеленного на него пистолета был ответом.

Нехотя инкуб отпустил ангела.

— Она права. — Габриэль понуро расправил помятые крылья. — Вдвоем мы лучше сможем защитить Наташу.

— Сначала научись мечом работать, — напоследок съязвил Ролан и скрылся в одном из кабинетов агентства.

— Куда пошел? — Габриэль хотел было тоже улизнуть, но Итсаску его остановила. — Здесь надо прибраться, займись делом.

Только сейчас ангел смог оценить масштаб разгрома агентства, заметить, что Серж и Локи пытаются хоть как-то вернуть ему приличный вид: Локи собирал поломанную мебель, а Серж замыл кровь в коридоре.

Габриэль вздохнул и отправился подметать осколки, оставшиеся от Кали.

Настя все еще оплакивала Родриго Борджиа, когда на пороге кабинета Цезаря, где она сидела, появился граф Виттури.

— Очень болит? — спросил он, глядя на ее плотно забинтованные ноги и руку, на белых повязках проступала кровь.

Настя чуть помотала головой. Раны пульсировали, горели, но гораздо тяжелее была потеря призрака.

— Он умер, — всхлипывая, ответила она. — Его больше нет.

И опять зарыдала.

— Он умер несколько столетий назад, — мягко возразил граф, присаживаясь рядом с ней. Она доверчиво уткнулась мокрым лицом в его плечо, и от нежности у него защемило сердце. — И никто не оплакивал его смерть так, как ты.

— Для меня он умер полчаса назад. — И ее рыдания стали сильнее.

Он ничего больше не говорил, мягко поглаживая ее вздрагивающие плечи, вытирая испарину на шее, прижал к себе и дал выплакаться. Иногда она судорожно и глубоко вздыхала, и он едва заметно прижимался губами к ее макушке. В тот момент он чувствовал к ней нежность и сочувствие, стараясь не думать о тех потерях, что ждут Настю впереди.

Когда она успокоилась, он некоторое время молчал, давая ей возможность еще раз все обдумать. И лишь потом заговорил:

— У нас все меньше времени, Настя. Этот мир гибнет. Азию охватила страшная эпидемия, треть населения погибла, и скоро эта участь ждет остальные части света. Сама знаешь, что кругом происходят природные аномалии, повысилась частота происшествий и катастроф, Ноктурна все сильнее. Но и ты все сильнее нее. — Он отстранил ее от себя и заглянул в ее зеленые глаза.

Демон сам почти не верил в то, что говорил: его ладони обнимали плечи смертной. Но в то же время он ощущал волны энергии, которые перетекали между ними, и ее сила была огромна.

— Вы связаны с Ноктурной, ты увидела сегодня на примере воронов, что можешь отразить ее удары, но еще ты можешь направить их на нее. Земная моя, пора. Ты должна проснуться окончательно. Сбросить с себя ограничения разума, отдаться той силе, что клокочет в тебе, не находя выхода. Доверься своей интуиции. Ты, только ты знаешь, как стать сильнее. Я сделал все, что мог.

Ее губы приоткрылись, словно она хотела что-то сказать, но передумала.

— Попробуй справиться со своими ранами, — предложил он.

— Но Лика...

— Лики здесь нет сейчас. А ты должна понять, что ты — не только физическое тело. Давай.

— Но как? — Она так смотрела на него иногда, будто он знал все ответы. За что ему это испытание? Она так доверяет ему, верит, что он чувствует себя тварью. Пальцем он провел по изгибу ее верхней губы и улыбнулся.

— Так же, как и Лика: любовью. Попробуй.

Она не смогла. Она не любила себя, вдруг понял он. Его ладони легли на ее руку, которой она пыталась залечить себя.

— Та, что знает и ведает обо всем под землей и на земле, под водой и на воде, в небе, одарила тебя способностью смотреть в души, сочувствовать им и биться за тех, кого любишь. В какой-то степени ты становишься Матерью, той, что жертвует собой ради своих детей, не замечая опасности. Но если хочешь спасти друзей, спасти этот мир и своих родных, ты должна помнить и о себе. О той девочке Насте, что однажды вышла из самолета в Барселоне, полная девичьих простых надежд на счастье. Ты должна заботиться о ней, любить ее, потому что твоя огромная и невероятная сила заключена в

ее хрупком теле. Приложи ладонь покрепче и почувствуй, как регенерируются ткани, как проходит инфекция, затягиваются раны. Кожа снова смыкается, заживает полностью, не оставляя и следа. Боль уходит.

Она вдруг наклонилась к нему и прижалась к его губам. Ему снесло голову от энергии, заколовшей под кожей иголками, только сейчас он сам понял, что сознательно соблазнял ее прикосновениями, почти не веря в успех. Но она уступила. Он зарылся пальцами в ее волосы, ответил, и лишь яркая вспышка золотого света испугала ее и заставила отскочить, тяжело дыша от горячего поцелуя. Увидев, что ей не по себе, он встал и вышел, прикрыв за собой дверь. Прижался к косяку спиной и закрыл глаза, пытаясь взять под контроль бурлившую кровь. Как надышаться ею? Как принять ее судьбу? Как же тяжело выбирать между человеком и человечеством!

Настя прикрыла ладонью глаза, откинувшись на диване. Что она наделала! Сама на него набросилась! Но он был так хорош, так красив, его голос творил с ней страшные вещи: слепил, заглушал голос разума, ускорял сердцебиение, что она смотрела, как замороженная, на его губы, с которых слетали эти бархатные слова, а потом вдруг не выдержала.

Как же стыдно... но тут она отвлеклась от самобичевания, заметив, что подняла раненую руку. А боли-то нет. Она быстро размотала повязку Риты: раны не было. Это он? Или все-таки она? Настя провела рукой по икрам, которые все еще зудели, и когда боль стихла, убедилась, что ран нет.

Он прав, в ней таится просто страшная сила. Она подумала о той раненой (или все-таки умершей?) птице. Да... Теперь она была уверена: птица была мертва. И она вдохнула в нее жизнь снова. Но как такое возможно?

Настя еще долго сидела бы в раздумьях, но дверь открылась и вошел Цезарь.

— Нам пора, Настя.



## ГЛАВА 13

Азazelло посмотрел, как корчится от боли Лика, перевел взгляд на Ноктурну. Ангела ежедневно пытали, чтобы доставить удовольствие Ноктурне, но сейчас та сидела и смотрела на мучения пленницы практически безучастно. Азazelло даже не был уверен, видит ли она ее вообще.

Под полупрозрачными складками платья угадывался растущий живот. Иногда он шевелился. Скоро она породит смерть всему. И этот мир перестанет существовать.

Ежедневно Ноктурна насылала все новые и новые беды вокруг, питаясь страданиями и слезами. Но до последнего столкновения с Настей у нее было прекрасное настроение. Теперь же она была мрачна и зла.

Азazelло едва мог спрятать насмешку над Ноктурной. Он не зря столкнул инкуба с Наташей: девочка ему должна была пригодиться. Сейчас он обдумывал последние пункты своего плана. Нельзя ошибиться. Надо рассчитать все до конца.

Этот план он разработал в одиночку, наблюдая за тем, как Старая Мать играет Настей. С того самого момента, как говорящая с призраками своим существованием подала идею о воскрешении Ноктурны, Азazelло следил за ней. Он чувствовал, что у Старой Матери свои планы, но был с ними не согласен. Он хотел разрушить власть Отца. Стереть в порошок всех ангелов и демонов, а особенно — Самаэля. Столкнуть их всех с Ноктурной, посмотреть, как она уничтожает их, как гибнет сама, оставить в живых только Настю, ведь в ней сила Матери. А потом прикончить и ее, когда станет не нужна.

Мать еще скажет ему спасибо, когда только она станет править миром. Только она может дать миру необходимый покой, присмирить саморазрушение человечества, усилить энергию природы. И тогда он, Азazelло, станет тем, кем являлся до сих пор Самаэль. Властелином душ.

А пока... пока он смотрел, как демоны кусают и жалят Лику, и думал о том, как подступиться к Насте. Без нее его план рухнет на глазах.

— Почему именно здесь? — Настя осмотрелась вокруг.

Граф Виттури пожал плечами. Он стоял чуть впереди нее, плечи расслаблены, но эта поза была обманчива: мечи в его руках блестели на ярком солнце. А если граф обнажил мечи, значит, противник рядом.

Песчаная местность казалась пустынной. Редкие деревца лишь на горизонте сливались в зеленый лес. Жара стояла страшная, а море блестело рядом и манило прохладой.

— Я не понимаю. Она опустошает Азию, сравнивает с землей города, а встречу назначает вполне себе мирно. В прошлый раз вообще одна явилась, если демонов в колеснице не считать. И при этом все ее войска стягиваются в Поволжье. Зачем такой разброс?

— Ей нравится играть с нами. К тому же в прошлый раз она знала, что ты будешь одна. Но теперь у нас тоже есть сильная фигура. Она не знает, что именно ее дочь Избранная.

— Ты хочешь попробовать обменять Наташу на Лику?

— У тебя есть иное предложение?

— Но Наташа всего лишь девочка, она ее уничтожит и глазом не моргнет.

— Настя, ты убила Михаила и хочешь сказать, что убить Лику сложнее, чем Наташу?

Настя прикусила язык.

На самом деле план был неплох. Габриэль и Ролан, правда, не хотели соглашаться, но особо выбора у них не было. Наташа мечтала попробовать пробиться к маме. А граф хотел спасти Лику.

Посыльным послужил Азazelло. Граф вызвал его одним только именем, демон явился злой, но, заметив Настю, выслушал предложение графа молча и исчез. Насте казалось, он смотрел на нее и переводил взгляд на графа Виттури, словно спрашивая: «Ты подумала убить его, Настя? Только так ты сможешь выжить».

Но она и не думала убивать графа Виттури. Она приняла ту судьбу, что он для нее готовил. Без него она просто не представляла ни своей жизни, ни этого мира.

Небо было чистым и синим, поэтому, когда невдалеке засверкали в одном и том же месте яркие молнии, прорезая воздух до земли, а до них донесся волной оглушающий грохот, в первый момент она просто не поверила в то, что видит. Но вот вспышки стали приближаться, поднялась пыль, разряды вонзались в тучи песка, который клубящейся массой приближался к ним.

Настя ощущала, как в ней бушует сила, в одно мгновение выскочила вперед ее волчица, а вслед клином построились девять серых волчиц, оскалив клыки, показывая десна, морща пасти, они ждали приближение врага, опустив головы к земле. Она вдруг испытала желание стать зверем, как и они, мчаться вперед быстрее ветра. Лететь на врага птицей.

Ноктурна на этот раз ехала верхом на трехголовой собаке с драконьими головами и кожистыми крыльями. Это странное сочетание дополнялось тремя острыми стальными хвостами, которыми чудовище нервно било себя по бокам. Демонесса была обнажена, ее полные груди и огромный налившийся живот с выступающими венами притягивали взор. Глаза были абсолютно черными, а неестественно длинные светлые волосы укрывали частично наготу и зверя.

За зверем на тонкой цепи, почти невидимой, лишь изредка поблескивающей в пыли, шла босая и израненная Лика. Ее волосы слиплись паклей, лицо было разбито и переливалось свежими золотыми ранами. Одежды на ангеле не было, только ошейник, который, судя по струйкам крови на шее и груди, был острым изнутри. Видеть ее такой было невыносимо. Настя, ослепленная горячим желанием спасти ее, сделала шаг вперед, но Ноктурна подняла руку запрещающим жестом. Между ее пальцев сверкали синие разряды будущих молний.

— Еще шаг, и они ее прикончат.

Они — это демоны, что шли за Ликой, подгоняя ее острыми пиками иногда без всякой необходимости, просто чтобы сделать больно. Они так и вились вокруг нее, хватая за тело, дергая за волосы, лизали кровь с ее кожи. Лика старалась не поднимать взгляда на друзей и смотрела под ноги, пытаясь сосредоточиться на каждом шаге. Главное, не упасть. Дойти. И может, когда-нибудь она сможет смотреть в глаза своим друзьям. Но не сейчас.

Настя краем глаза видела, каких усилий стоило Диего оставаться в строю. Страдание и боль Лики десятикратно отражались на его лице. И от гнева он зверел с каждой секундой.

— Теперь я хочу поговорить с тобой, — крикнула Настя, запуская пальцы в мягкую шерсть своей волчицы: зверь вот-вот ринется на демоницу, а та только того и ждет. Почувствовав контакт с хозяйкой, животное послушно село. — Ирина, если ты все еще хочешь скинуть власть Ноктурны над своим телом, ты можешь это сделать. Знаю, что она почти полностью поглотила тебя, знаю, что тебе пришлось делать страшные вещи, но послушай, дочь по-прежнему ждет тебя.

— Мне не нужна какая-то там девчонка, ты не можешь победить меня жалостью, земная тварь. — Все три головы чудовища, на котором восседала Ноктурна, посмотрели на Настю хищным взглядом. — Но я скажу тебе, кто мне бы пригодился.

Она сделала паузу и обвела взглядом жалкое войско Самаэля.

— Ты и он. — Она показала на графа Виттури. — Вперед, если согласны погибнуть за своего ангелочка. Если нет, то я с удовольствием понаблюдаю, как мои демоны разорвут ее на части на ваших глазах.

Демоны словно только этого и ждали, один из них вонзил свой острый коготь прямо в ладонь Лики. Ангел выстояла, но Настя с болью наблюдала, как она дрожит всем телом.

Граф Виттури сделал шаг вперед, не убирая мечей.

— Ближе, — хищно пропела Ноктурна. Ее ноздри раздувались, будто пытались уловить запах добычи. Настя последовала вслед за графом, мысленно приказав своим волкам оставаться на местах.

— Ты. — Ноктурна указала на графа Виттури. Тот смотрел на нее спокойно, чуть усмехаясь, без тени страха. — Ты отдашь всю свою силу моим демонам.

— Отдам, только если Лика окажется на полпути к свободе.

— Свяжи Настю, — ответила ему Ноктурна. — Отдай ее за Лику.

Настя в тревоге посмотрела на графа. Но тот даже не колебался. Повернувшись к ней, он поднял руку, и Настя почувствовала, как невидимые путы крепко стянули ее руки. Он притянул ее к себе за них.

— Твой черед, — кивнул он Ноктурне.

Рука графа чуть сжала ее за плечо, видимо, он давал знать, чтобы она не боялась. Но все же в душе, хотя она и понимала необходимость этого шага, Настя чувствовала себя преданной. Осколки доверия к демону заставляли кровоточить сердце. Так легко отдать ее. Так легко. Пришлось сделать усилие и спрятать разочарование подальше. Лику нужно спасти. Любой ценой.

Ошейник на Лике рассыпался, но демоны по-прежнему держали ее. Настя вдруг испугалась, что Ноктурна решила обмануть их.

— Подойди к Лике.

Граф чуть подтолкнул Настю вперед, и она послушно приблизилась к ангелу.

Лика смотрела на нее так, словно хотела закричать: «Беги! Беги отсюда!» Но Настя слышала голос графа Виттури: «Иди!»

Как только она поравнялась с Ликой, стальная хватка сдавила ее горло: Настя поняла, что теперь рабыней Ноктурны стала она. Демоны позабыли о Лике и теперь, хищно облизываясь, приглядывались к ней.

Лика, не веря в свою свободу, пошла по направлению к своим. Пульс участился: Настя, забыв о своей неволе, с надеждой смотрела на то, как ангел поравнялась с графом Виттури.

Тот кивнул ей, отменяя прочь мольбу в глазах.

— Пусть они прикончат меня, господин граф, — попросила его Лика.

— Иди, Лика. Возвращайся к своим.

— Теперь ты мой! — Ноктурна хищно облизнулась: земля вокруг графа вдруг вздыбилась, из нор стали вылезать демоны с паучьими лапками и челюстями жуков, с жалами на концах чешуйчатых хвостов.

— Скорее, Лика! — поторопил ангела граф Виттури.

— Сложи оружие! — Ноктурна сжала руку в кулак, и ноги Насти подкосились: ошейник сдавил ей шею, она упала на колени, напрасно пытаясь ослабить хватку.

Ноктурна отпустила ее, и Настя, задыхаясь, жадно вдохнула воздух.

Она подняла голову и встретилась взглядом с графом. Он озорно подмигнул ей.

— Нет! — Она поняла, что он собирается сделать.

Он опустил мечи и развел руки в стороны, крестом отдавая себя демонам. Глаза его стали золотыми.

Он смотрел на нее, смотрел ей в глаза и улыбался.

— Не-э-эт! — заорала она изо всех сил, несмотря на то, что ошейник впивался в горло.

Фигура демона стала внезапно грандиозной, невероятно прекрасной, с огромными прозрачными крыльями за спиной. Словно на мгновение он стал ангелом. Словно вернулся к себе, прежде чем погибнуть.

Насекомовидные и паукообразные твари набросились на Самаэля, раздирая плоть, вцепляясь челюстями, жала его, кусая, рвали его, и через мгновение он оказался погребен под их черной массой.

Настя не видела, как Лика добежала до агентов, как Диего обнимал ее, как Рита выстраивала защиту, а Локи бросился спасти графа, но был отброшен Ноктурной. Боль разрывала ей душу и тело, казалось, это ее рвали на куски. Упав на землю в отчаянии и безумии, цепляясь пальцами за землю и редкую траву, она хотела отдать себя богам, пожертвовать собой ради него, спасти его, умереть за него, убить, растерзать, отомстить...

Пути графа исчезли, для нее это было сигналом, что его силы на исходе. Ярость взметнулась в ней на смену боли ярким и всепожирающим пламенем. Ослепленная гневом, Настя не сразу увидела, что, когда отрывает пальцы от земли, вслед тянется вязкая, цвета сгущенного молока то ли жидкость, то ли субстанция.

В этот момент острые когти Ноктурны вцепились в ее плечо, проткнули кожу, мышцы, поддели

кость ключицы. Она развернула Настю лицом к себе.

— Теперь я наемся. — Черные глаза демонессы стали ослепительно белыми, зубы превратились в острые и длинные клыки, изо рта высунулся длинный узкий язык и проник в рваную рану на плече Насти. Было такое ощущение, что ей в разодранную плоть сунули кусок раскаленного железа. Настя дернулась и застонала.

Следом за острой болью ее будто накрыло ватным облаком, Настя словно во сне видела все замедленным, тягучим, так что боль тоже оказалась приглушенной. Пир демонов над телом Самаэля слышался ей как сквозь туман. Она развернулась послушно под силой Ноктурны, но, заметив субстанцию энергии, что тянулась за ее ладонями, собрала последние силы, резко взметнула руки и хлестнула по демонессе. Ноктурна взвыла, отскочила, Настя упала на землю, не удержавшись на ногах, демоны подняли свои окровавленные головы над Самаэлем и принялись.

С земли поднялась смертная, которая обладала силой противостоять демонам. Ноктурна снова попыталась сжать ошейник, но он вдруг спал с Насти, рассыпавшись в труху. Не обращая внимания на жгучую боль в плече, Настя подхватила потоки субстанции и кнутом ударила ими во тьму демонов. Полосы энергии, обрисовав дугу, попали в самую их гущу, сверкнули, разрезая тварей на куски. Кто успел, спасался с воем бегством, а Настя развернулась к Ноктурне, метнула в нее волну субстанции, но демонесса уже была готова к атаке и легко отразила ее. Но земная, плетью подхватив шлейф энергии, снова стеганула по противнице, в этот раз энергия вышла из ладоней почти прямым лучом, и свет ударил по демонессе, заставив ее отлететь в сторону.

Агенты бросились в бой следом, волчицы набросились на трехголового зверя, который разбросал их тут же в стороны, но животные не сдавались, то и дело кусая его, они не давали ему помочь Ноктурне, и тогда он, подняв уродливые головы к небу, взвыл.

Яркий дневной свет померк. Настя перевела взгляд на солнце: его заслонил черный диск, отчего свет стал серым. И из этого черного диска на них несло, улюлюкая и завывая, демоническое войско, которое Настя узнала сразу же.

— Это Дикая Охота! — крикнула она остальным. Но ее в пылу боя мало кто услышал.

Демоны обрушились на них волной, сметая маленький отряд агентов. От их воплей закладывало уши, вихри, вылетающие из-под копыт коней, сбивали их с ног.

А сознание Насти вдруг раздвоилось, она осознавала совершенно четко, что граф Виттури пытается подняться, весь в крови, из пыли, но на него наваливаются всадники на скелетоподобных лошадях, и уже не видно, дает ли он им отпор. Что Диего пантерой защищает безоружную, дрожащую Лику, а Рита пытается удержать поле защиты над остальными, с отчаянием понимая, что Лика и Диего оказались отброшенными слишком далеко и не слышат ее призыва встать под защиту. Локи пытается прорваться к графу Виттури, а все остальные оказывают сопротивление своим противникам, напрасно пытаясь объединить снова всех агентов в группу. Но в то же время мощь силы заливала ее сознание, и она пыталась приручить ее, понять принцип действия, неуклюже оборонялась и пыталась прорваться к графу.

Ноктурна наслала на нее песчаную бурю. Настя на мгновение поддалась ей, песок попал в глаза и нос, но почти сразу же, следуя интуиции, она оттолкнула бурю от себя, выставив вперед ладони. И буря послушно ринулась на свою создательницу. Ноктурна взвизгнула, закрутила песок в два торнадо и послала один из них на Настю, а второй куда-то в сторону. Разрушить торнадо оказалось не так легко. Настю скрутило потоками воздуха, которые высасывали из нее энергию. Она билась в этом столбе смерча, не имея возможности выбраться.

Ноктурна снова обрела уверенность в себе, разбросала волчиц и обрушила всю мощь Дикой Охоты на агентов. Всадники, послушные ее воле, заарканили пантеру, подняли ее в воздух и понесли, пока оборотень корчился и дергался, как рыба на крючке.

Локи отступил вместе с Цезарем к Рите, пытаясь группой защититься, Лика бежала к ним, когда ее настигло торнадо, ударило, смело с ног, подбросило, а когда она вырвалась из потоков воздуха, ее за волосы поднял к себе на лошадь демон с огромными желтыми глазами по обеим сторонам головы. Ангел отбивалась, но он вцепился маленькими острыми зубами в ее горло и стал жадно локать золотую кровь.

Граф Виттури снова появился из-под демонов. Он сражался, одолевая своих противников, и их ряды редели. Он видел, что Настя попала в торнадо, и надеялся прийти на помощь, торопясь разделаться с врагами. Бросив быстрый взгляд на остальных, он увидел, что агенты держат защиту, Диего таскают по земле, и оборотень совсем не шевелится, а Лика уносит какая-то тварь.

Он бросился на помощь Диего, освободил его, привел в себя, капнув пару капель на язык пантере из своей фляги. Зверь чуть дернул кожей, его нос пошевелился, вытягивая воздух. Жить будет.

Граф расправил крылья и полетел вслед за демоном, уносящим Лику.

Настя теряла силу. Это торнадо словно высасывало из нее все соки, одновременно лишая всех чувств и способности размышлять. Она в отчаянии понимала, что если лишится сил, то начнет забирать их у графа, если тот еще жив, и сделает его уязвимым. Несмотря на то, что он так легко отдал ее Ноктурне, Настя не собиралась становиться причиной его гибели. Стоя удерживаться уже не было сил, она опустилась на четвереньки и, прижавшись к земле ладонями, пыталась набрать энергию. В этот же момент на память пришли вороны, она забралась мысленно им в голову, пожелала напасть на Ноктурну и направила туда же волчиц. Обороты торнадо стали ослабевать, расширяясь, теряя массу и силу вращения. И вскоре сил хватило на то, чтобы разогнать воронку. К своему великому удовольствию, она увидела, как вороны и волчицы нападают на Ноктурну, пока ее зверь пытается разогнать их. Демонесса разбросала зверей и птиц одним ударом, собрав последние силы, села на зверя, и тут же засверкали вокруг всадницы молнии, заслоняя ее от Насти. А когда молнии прекратились, оказалось, что она исчезла. Вслед за ней поднялась в воздух вереница потрепанных демонов. Настя бросилась к Диего, который уже смог обернуться человеком, но еще никак не мог подняться.

Парень был весь в крови и синяках, левая кисть сломана открытым переломом, на шее бордовая борозда от веревки.

Настя помогла ему встать на ноги, и он навалился на нее всем весом. К ним уже спешили Цезарь и остальная команда.

— Заживет как на кошке, — оттолкнул Настю Диего. Его зеленые глаза с тревогой искали Лику, только она была нужна ему. Он знал, он поклялся себе, что теперь все будет по-другому. Он расскажет ей все. Признается. Больше терпеть не было сил. Когда он обнимал ее мгновения назад, то понял, что она — смысл его жизни. Довольно тайн и недомолвок. Он не станет больше скрываться.

Возглас Риты заставил обернуться: граф Виттури вырвался из черной тучи убегающей Дикой Охоты с белым телом в руках и приземлился на землю. Ангел лежала в руках демона, безжизненно запрокинув голову и свесив руки.

Диего бросился к ней.

Настя никогда не видела графа Виттури скорбящим. Лицо Самаэля застыло как маска, в глазах плескались тьма и ярость. Он положил Лику бережно на землю, с любовью дотронулся до ее лица.

— Нет! — Диего упал на колени перед Ликой. Приподнял ее, отчего рваная рана на шее ангела раскрылась. Он прижал ее к груди, глаза наполнились слезами.

— Проснись, проснись... — шептал он, покрывая ее лицо поцелуями.

Рита спрятала лицо на груди у Локи.

— Ты можешь воскресить ее. — Диего вдруг повернулся к Насте. — Прошу! Верни ей жизнь, прошу тебя!

Было страшно смотреть, как он плачет.

— Она не может, — тихо ответил граф Виттури.

— Лика рассказала, что Настя воскресила птицу. Она может! Пожалуйста, Настя!

— Диего, даже если Настя может возвращать жизнь, то над Ликой она не властна: ангелы — создания Отца. Лика прошла свой путь. Она расплатилась по тому долгу, что у нее был перед Небом. — Граф мягко положил ладонь на плечо оборотня, но тот сбросил его руку. Прижав к себе Лику, Диего начал укачивать ее как дитя.

— Ты лжешь, вы все лжете! Ты заставлял меня скрываться от нее! Мы могли быть счастливы! — Голос парня срывался.

— Нет. Лика полюбила однажды смертного, чьим хранителем являлась. Она преступила закон и была наказана. Если бы она снова полюбила, то умерла бы без возможности прощения. Ты сделал все верно, Диего, поверь мне.

— Я не верю! Никому больше не верю! Ни во что не верю!

Он корчился от боли, прижимая к себе ангела, глухо рыдая. Насте было больно смотреть на него, а на графа еще больнее, казалось, демон переживает и боль потери Лики, и боль Диего. Сама она была так ошеломлена происходящим, что не могла реагировать. Ее словно парализовало на месте, и

она могла только наблюдать за скорбью остальных. Даже Итсаску проявила сострадание и прикрыла обнаженное тело Лики своим жакетом, пожав мимоходом ей руку.

Насте хотелось плакать, кричать, но она стояла столбом, впитывая в себя боль остальных. Как бы ей хотелось, чтобы все было не так! Все это время она надеялась, что Лика спаслась, что все их усилия были не напрасны.

Когда Цезарь подошел к ней и обнял, только тогда она поняла, что ее бьет дрожь, и только от прикосновения ее как будто бы отпустило, глаза наполнились слезами, ослабли колени, всхлип вырвался из груди.

Цезарь молча похлопал ее по спине. Потом отпустил, передавая графу Виттури. Она оттолкнула его, не осознавая, что силы в ней по-прежнему огромные. Он отлетел на приличное расстояние, но приземлился на ноги. Она вдруг обрадовалась, что может выразить боль потери по-другому, через ярость, и снова нанесла удар. Слезы жгли глаза, она была вслепую, выплескивая и горечь потери, и гнев оттого, с какой легкостью он передал ее Ноктурне, и пытаясь избавиться от адреналинового заряда после боя, который все еще мешал воспринимать реальность адекватно. В ней опять было слишком много силы, от которой было дурно, поэтому, когда он, уклоняясь от одних ударов и отражая другие, подобрался к ней поближе и прижал к себе, она почувствовала, как к нему перетекает лишняя сила, обмякла на его руках и наконец-то свободно и глубоко расплакалась, освобождаясь от боли.

— Зачем ты подчинился ей так?

— Это было необходимо, — прошептал он ей на ухо, все сильнее прижимая к себе. — Иначе ты никогда бы не проснулась.

— Но все напрасно... она умерла...

Граф выпустил ее, вернулся к Лике, по его знаку Локи оторвал скорбящего Диего от тела, оборотень вырывался, его черты менялись от звериных к человеческим, он пару раз попытался укусить Локи, но тот был сильнее.

Самаэль в последний раз провел рукой по лицу Лики.

— Прощай, мой ангел.

Он положил ладонь ей на грудь, и яркий свет на мгновение ослепил всех, поглощая навсегда человеческую оболочку ангела. Диего взвыл, а потом, сдаваясь, обмяк в руках Локи, и тот отпустил его.

Настю качало, в глазах то и дело темнело, внезапная слабость плотным туманом окутала ее сознание. Она не сразу почувствовала, что граф Виттури снова рядом. Он гладил ее по голове и плечам и не сразу понял, почему ее куртка на плече такая жесткая и влажная.

— Ты ранена, — угасая, слышала Настя.

Она очнулась в агентстве, плечо было плотно забинтовано, все болело, но больше всего — ее душа. Без Лики мир казался совершенно пустым, ненужным и грязным. Она повернулась на бок и снова закрыла глаза.

Ее разбудило мерное постукивание ложечки в чашке. Кто-то помешивал что-то очень ароматное, Настя невольно проснулась. Рита сидела рядом с ней.

— Присядь и выпей. — Ведьма помогла ей приподняться и сунула в руки горячую чашку с чем-то похожим на густой бульон. — Это вернет тебе силы.

— У меня их предостаточно. — Настя покорно выпила бульон и вернула чашку Рите.

— Граф сказал, что ты можешь попробовать залечить рану.

— Какой в этом смысл? Нас мало, мы все умрем, а теперь, без Лики... — Слезы потекли по щекам.

— Смерть Лики не должна стать напрасной! — Рита заглянула ей в глаза. — Прекрати, земная. Не впадай в отчаяние. Попытка с дочкой Ноктурны не удалась, но это было предсказуемо. Ноктурна уже вынашивает новое дитя, страшное и разрушительное. Но она не знает, что ее дочь — Избранная. И еще у нас есть идея, как пополнить наши ряды. Но сначала тебе нужно набрать силы. Граф ждет тебя внизу. Залечи плечо и спускайся. Он хочет тебя куда-то отвезти.

## ГЛАВА 14

Самаэль вел машину молча, в тишине салона были слышны только всхлипы Насти. Она отрыла в бардачке пачку бумажных салфеток и всю ее использовала. Демон мог ее понять. Боль потери была известна даже ему. Как она тогда спросила? Не больно ли ему? Чертовски больно, Настя. Так больно, что стыдно признаться себе самому. Хочешь или нет, а к тому, кто в тебя верит, привязываешься. А Лика верила в него, несмотря на мелкие сомнения. Он чувствовал непоколебимую веру в ней. Вот и Настя верит. Не потому ли он и к ней привязался?

Фары машины осветили указатель, и он мягко повернул руль.

Это только начало очередной полосы страшных потерь. Он должен уничтожить Ноктурну окончательно. Так, чтобы больше не было возможности воскресить ее. Сколько еще нужно начинать с нуля?

Судорожный вздох в темноте машины при подсветке навигационной системы напомнил ему, где он. И с кем.

«Настя, как же тебе везет, что ты умрешь, гораздо больнее оставаться с пустыми руками. Одному».

Он остановил машину. Настя выбралась из нее первой.

Фары машины ярко освещали песчаный пляж. Настя замерла, наблюдая свою нелепо длинную тень, распростершуюся перед ней по направлению к морю. Тень демона приблизилась, Настя почувствовала, как на плечи легли его горячие ладони. У его силуэта были огромные крылья, Настя замерла, рассматривая тени крыльев и перьев, и ей казалось, что, может быть, это ангел прикрыл ее от бед. Но он был таким огромным, что ее тень исчезла. Она испуганно вздрогнула, но мягкий тембр голоса графа Виттури успокоил ее:

— Не бойся, я не краду тени.

Фары погасли. Их силуэты исчезли во мраке ночи.

— Тебя раздеть или ты сама? — прозвучало у нее над ухом.

Настя развернулась.

— В каком смысле?

— В смысле, ты же не в одежде собралась купаться? — Его руки легли ей на талию, и он чуть приподнял край ее майки. — Не бойся, ты умрешь девственницей.

— Вот спасибо, успокоил. — Настя смело в темноте сняла майку, но не до конца, а перекинула ее на шею демону и притянула его ближе. — Я не боюсь тебя, готова поспорить, тебя этот факт очень раздражает.

Его губы чуть касались ее лица.

— Меня много чего раздражает в тебе, смертная.

Горячими ладонями он гладил ее спину, и Насте пришлось взять в кулак всю волю, чтобы оттолкнуть его, когда он попытался расстегнуть ее лифчик.

— Тебя раздеть или ты сам?

Он захохотал и отступил от нее, они раздевались молча. А потом, когда она складывала вещи, он схватил ее сзади, поднял на руки и помчался к морю.

— Сейчас, смертная, пора купаться.

Настя завизжала, когда он, вбежав в море, раскачал ее и бросил в воду. Она вынырнула и поплыла вновь к нему. Обняв руками и ногами, попыталась утопить его, но он лишь смеялся над ее попытками. Его сильные руки и плечи, блеск в глазах, полуулыбка-полунасмешка, смех, голос... Она отплыла, вдруг осознав, как его тело привлекало ее. Откинувшись на спину, она посмотрела в ночное небо, чувствуя, как сила Матери снова наполняет ее. Самаэль подплыл и тоже лег на спину.

Собственная нагота и нагота демона не смущали ее, ей казалось, они всегда были обнажены друг перед другом и душой и телом. А сейчас они словно даже не в море были, а в мировом океане без края, без границ. Две частички одного целого, две жизни, две души.

— Ты веришь в бога? — спросила Настя.

Демон засмеялся.

— Что смешного? — возмутилась она и чуть плеснула рукой на него.

— Ну, это все равно что... Настя, ты веришь в Пепе?

— В Пепе? Зачем мне верить в Пепе? Он же не бог. Я просто знаю, что он есть. Я же его вижу.

— Да, ты права. Просто смотри в небо и не задавай глупых вопросов. Смотри, как много звезд. И там, вдали, россыпь Млечного Пути.

Небо словно надвигалось на Настю, звезд становилось тем больше, чем дольше она смотрела в него. И казалось, что земля осталась далеко внизу, а она парит, взлетая все выше, к звездам.

Он обнял Настю за талию, вынуждая ее подняться с поверхности воды. Их лица оказались совсем рядом. Самаэль улыбнулся ей и крепко прижал к себе. Она несмело провела рукой по его мокрому волосам, шее, плечу. Демон ли, ангел ли, павший с неба, враг-искуситель или надежный союзник... то был мужчина, желанный и притягательный, она коснулась губами уголка его рта, где блестела капля воды. Он ответил. Они целовались сначала несмело, потом жадно, вплетая пальцы в волосы друг друга, обвивая друг друга руками, и казалось, что нет ничего слаще этих соленых поцелуев. Их нагие тела переплелись, но он оттолкнул ее от себя так же внезапно, как и привлек.

— А теперь наперегонки до буйка. — И поплыл широкими бросками. Настя зарычала от ярости и бросилась его обгонять, смеясь, подтрунивая, они доплыли до буйка и обратно. И Настя так устала, что с благодарностью завернулась в полотенце, которое он ей бросил. Казалось, она еще плывет, так ее качало. В воде ее силы обновились, энергия пришла в равновесие, буря в душе осела. От прохлады она вся покрылась гусиной кожей и пыталась растереться дрожа. Он отнял у нее полотенце и крепко обнял, растирая так, словно пытался содрать с нее кожу.

— Ну как же так, северная девушка замерзла в южную ночь. Хорошо, что у нее есть демон, всегда горячий, — мурлыкал он ей на ухо, и хотелось заняться с ним любовью. Она нежно укусила его в плечо, он засмеялся.

— Знаешь что, возьми-ка лучше плед, а то я боюсь за свою демоническую честь.

Настя улыбнулась, послушно завернулась в пушистый плед и выпила горячего чая из термоса.

В лунном свете его тело было совершенным, мягким светом вырисовывались выпуклые формы мышц, и терялись в темноте впадинки между ними. Его стопы, сильные икры, выпуклые предплечья и плечи, мокрые, блестящие, напоминали о волнах, которые выгибаются вверх и уходят вниз, он был такой же бескрайний, как ночное море, темный, мрачный, но вдруг и внезапно светлый, отражающий луну или светящийся сам по себе, как лунная дорожка. Ее взгляд путешествовал по его коже, и было странно ощущать желание, но в то же время восхищаться им отстраненно как творением гениального художника, настолько реальным, что начинаешь испытывать влечение. Капли воды ласкали его кожу, сбегая вниз, хотелось собрать их губами.

Он обернулся, посмотрел как-то странно, в темноте не разобрать было, играла ли на его губах легкая улыбка, или то была причудливая игра света луны. Он тряхнул мокрыми волосами, надел штаны и сел рядом, зарыв ступни в песок.

Они молчали, глядя на лунную дорожку и звезды, слушая шелест волн.

— Как ты? — спросил он ее через некоторое время. И она знала, что он говорит не о последнем часе.

— Мне грустно, когда я останавливаюсь, но спасибо тебе, ты умеешь отвлекать.

— Утешать. Я так это называю... — Он нахмурился. — Но, похоже, нам не дадут поговорить по душам, Настя.

Сначала она не поняла, о чем он, но вскоре блеснули фары машины, заглох мотор, хлопнули дверцы и слышались шаги по песчаной насыпи.

— Вот вы где, — прогремел голос Локи, — пора. Серж говорит, что силы Ноктурны становятся все плотнее.

— Что с эпидемией? — спросил граф Виттури, помогая Насте подняться.

— Как вы и говорили, она расползается по всем странам. Воды океанов окрасились в алый цвет, она травит все вокруг.

— Ты готова? — Самаэль пожал руку Насте.



— Как никогда, — ответила она. Благодаря ему силы снова влились в ее тело.

Ноктурна должна сдохнуть. Иначе погибнут все. Нет времени для скорби. Настало время убивать.

Она оказалась в лесу. Была осень. Красные листья устилали почву под ногами, а стволы деревьев были синими. Запрокинув голову, Настя посмотрела в кроны над головой, но все деревья были с листвой, пусть и кроваво-красной. Она шла по лесу, не совсем понимая, в каком направлении искать Древо жизни. Она не верила, что может возродить его. Она просто пошла на это, потому что так было надо. Их мало, им не победить. Демон попытался привлечь ангелов, но пока никто из них не встал на его сторону. Теперь ее очередь пробовать.

Она внезапно осознала, что вместо привычного уже боевого жакета и штанов стоит в длинном платье. Рита предупреждала, что тут все может быть иначе. А вот ноги босые. Странно. Хорошо хоть, что фляга с напитком для возвращения никуда не делась.

Настя только надеялась, что по возвращении в реальность снова обретет свою одежду: они приземлились в Москве и караваном машин доехали до озер между Муромом и Нижним Новгородом, где сделали привал, пока Серж вычислял новые координаты передвижений войск Ноктурны. Агенты со всех стран уже находились в разных городах этого региона, ожидая команды для встречи. Рита решила, что этот привал — идеальный момент, чтобы попробовать осуществить их план. Граф Виттури поначалу отверг его, но Настя настаивала, и он просто бросил:

— Пробуйте! — и ушел.

Рита сварила напиток. И вот Настя здесь.

Сухие листья приятно шуршали под ногами, Настя нагнулась, сгребла их в охапку и, как в детстве, подбросила вверх. Налюбовавшись падением, пошла дальше, взбираясь по склону наверх. Оттуда она надеялась разглядеть дерево, которое искала. Подъем был тяжелым, но она его одолела. Вниз, в долину, уходил и морем расстилался лес, весь красный, такой красивый, что дух захватывало. Но в самом центре кроны расступались, пространство было белым, словно покрыто снегом, а посреди этой белой пустоты стоял почерневший остов высоченного дерева, чей ствол уходил высоко в небо, теряясь в ватных облаках. Настя растерялась: до сих пор, если быть честной с самой собой, она не слишком верила в существование Древа жизни. Но, оказавшись прямо перед ним, всей силой своей интуиции она почувствовала, что должна добраться туда. На мгновение она обернулась и посмотрела, откуда пришла, и онемела от удивления: от подола платья по лесу тянулась зеленая дорожка, покрытая цветами.

«Должно быть, это галлюцинации от напитка», — не слишком уверенно подумала она, наблюдая, как в зеленой траве вырастают и распускаются весенние цветы.

Настя пошла медленно по склону и время от времени оборачивалась: дорожка по-прежнему тянулась за ней.

Она дошла до поляны, укрытой снегом. Черный ствол дерева ярко выделялся посреди белого фона. Оно было таким огромным вблизи, что его корни порой были выше нее. Как она, такая маленькая, намеревается его воскресить? Она пыталась подобраться к стволу, но перелезть через корни было все тяжелее. Наконец она села, чтобы передохнуть. Это была глупая идея. Очень глупая. Ствол сожжен, она испачкала себе руки, одежду, пока перебиралась через корни.

Вздохнув, она продолжила свой путь. Снег из крепкого и хрустящего становился ноздреватым и сырым, ноги промокли, руки замерзли.

Приложив ладонь к стволу дерева, она не почувствовала никакого движения энергии. Дерево было мертво. Запрокинув голову, она увидела лишь черные ветви, причудливо изрезающие голубое небо.

Ветви чуть качались от легкого ветерка. Настя сосредоточилась, пытаясь передать свою энергию дереву. Но все ее попытки были напрасными.

Разглядывая Древо жизни, она удивлялась, как мир выдержал столько столетий без него. Пальцы гладили кору, задумчиво путешествуя по тому, что раньше соединяло все миры. Опустив глаза, она увидела крылатку — семечко, похожее на кленовое. Оно чудом уцелело и упало на снег к подножию совсем недавно, раз его еще не успело закрыть свежим снегом.

Она подняла его и покрутила в пальцах. Потом опустила между корней, вырыла небольшую ямку в снегу, который стремительно таял, и погрузила в него крылатку. Ей хотелось дать последнее убежище этому высохшему семени некогда величественного древа.

Больше здесь делать было нечего, она отошла снова на сухие красные листья и, поджигая от холода

пальцы ног, стала откручивать крышку на фляге, чтобы отпить и вернуться.

Толчок под ногами лишил ее равновесия, земля с треском разошлась, выпуская из своих недр нечто огромное, гладкое. Оно стремительно занимало пространство вокруг, и Настя, чтобы не быть задавленной, уцепилась за какой-то выступ, взмыла вслед вверх, выронив флягу. От испуга она не сразу поняла, что висит на гигантском корне. Такие же взмывали вокруг, коверкая и кроша старые почерневшие, а ствол Древа жизни скрипел и раскачивался. Настя зажмурилась от страха: сейчас эта громадина рухнет прямо на нее!

С тоской посмотрела вниз на поблескивающую серебряным боком флягу. Если она упадет с этой высоты, то может сломать себе позвоночник, а то и вовсе разбиться насмерть. Скрип и грохот падающего Древа жизни заставил вскрикнуть от ужаса. Она прижалась к корню, боясь даже смотреть в сторону падающего ствола. Обрушение заставило содрогнуться все вокруг, она чуть было не соскочила с корня, но все же смогла удержаться. Осмелев, открыла глаза и подняла голову.

Ствол дерева упал в сторону и рассыпался в труху. А из почвы стремительно росло и поднималось, раскрывая все новые и новые ветви, молодое Древо жизни. Очень скоро Настя перестала видеть его крону, которая ушла далеко вверх.

Полежав еще на корне, пока прекратилась тряска и движение от роста, она начала искать возможности, чтобы спуститься вниз, к фляге. Миссия выполнена, Древо жизни теперь зеленеет и матереет, можно и домой.

Только как она ни пыталась, проклиная длинный подол платья и босые ноги, так и не смогла слезть. Она уже совсем отчаялась, когда чьи-то руки легко, словно пушинку, подхватили ее, но не опустили, а поставили на плоскую часть корня. Она встретила глазами с гигантским мужчиной, от испуга качнулась назад, но бородач удержал ее. По сравнению с ним она была примерно ростом с трехлетнюю девочку, бородач гулко рассмеялся в рыжую бороду, украшенную железными кольцами. На его голове красовался железный шлем с огромными рогами, а у пояса висел молот. От смеха великана задрожала земля.

Он повернулся в сторону, заговорил на странном рычаще-округлом языке, от которого при каждом переливе по телу Насти шла странная резонансная дрожь.

Из-за вздымающихся корней выехал такой же огромный всадник. Он был старше, его седая борода была длиннее, а взгляд еще более суров. Настя нервно сглотнула. А вдруг она что-то сделала не так и вызвала не тех? Они ее раздавить могут как букашку. Несмотря на то что рыжий бородач был довольно дружелюбен, седовласый всадник созерцал ее очень сурово. Настя невольно перевела взгляд на коня и охнула от испуга: она точно что-то не то выпила, мало того что ей мерещится дорожка из цветов, новое Древо жизни и великаны, так еще у коня восемь ног!

Она зажмурилась, потом снова посмотрела: восемь! Седой всадник спешил и подошел к бородачу. Он заговорил с Настей, но она развела руками:

— Простите, я вас не понимаю.

Седовласый усмехнулся, морщинки вокруг его холодных мертвых глаз внезапно сделали взгляд более человеческим. Он слегка коснулся пальцем лба Насти.

— А так, зеленоокая?

— Так понимаю. — Настя вся сжалась от страха, тоскливо думая о том, что если они наступят на флягу, то раздавят ее, и тогда она не сможет вернуться.

— Хорошо, — кивнул седовласый и свистнул так, что Настю сдуло бы, если б рыжий ее не удержал.

Она охнула, увидев, как вокруг начали собираться мужчины и женщины в доспехах и с обнаженными мечами. Их лица были суровы, и все они были высокими и красивыми.

— Мы все в сборе, зеленоокая, не хватает только Локи.

И тут до Насти начало доходить.

— Один? — спросила она нерешительно, глядя на седовласого. Тот кивнул.

— Тор, — представился рыжий.

— Вы пришли! — Она так обрадовалась, что затараторила, пытаясь вкратце выложить историю пробуждения Ноктурны.

— Погоди, зеленоокая, — остановил ее Один. — Ты нас ни о чем просить не должна. Что скажешь, то и выполним. Как пробьет час битвы, призови нас, и мы придем. А пока нам в вашем мире делать

нечего. Там у нас еще мало сил. Мы наберемся их здесь, у священного Иггдрасиля, и будем ждать твоего приказа. Можешь с миром возвращаться.

Тор спустил ее на землю, Настя, прежде чем глотнуть из фляги, сказала Одину:

— А за Локи не волнуйся, он жив и с нами.

— Другого от этого хитреца я и не ждал. — Мертвые глаза Одина на мгновение озорно блеснули.

Настя глотнула из фляги, и все расплылось перед глазами, а когда сфокусировалось снова, она очнулась под деревом на берегу озера. Камыши шевелились от ветра, нашептывая свои секреты, на ровной глади воды то и дело появлялись круги: то ли от бегающих пауков-серебрянок, то ли от рыбы. Ветерок освежал горячий воздух, она села, сонно потерла глаза. Мимо с гудением пронеслась стрекоза. Этот мир был таким гармоничным, что просто не верилось, что где-то горят леса, вулканы и торнадо разрушают города, болезни убивают миллионы, а воды морей и океанов отравлены.

— Теперь ты чувствуешь то, что чувствуют боги, — послышалось за спиной.

Как же ее волновал его раскатистый, хрипловатый тембр! Она не обернулась, лишь закрыла глаза, позволяя себе отдалиться на волю этого вкрадчивого голоса.

— Скажи мне, Настя, насколько приятно быть богом? Давать жизнь? Ощущать силу, которая может разрушить или создать мир? Понимать свое одиночество?

— Это ты мне скажи. Ты в этом состоянии живешь дольше, чем я.

— О нет, земная, — в его голосе была слышна улыбка, — я всего лишь демон. Я не бог. Я бегаю по кругу, чтобы доказать Ему свою правоту. А получается, что прав всегда Он. Я дал человеку понимание того, какие поступки хорошие, а какие дурные. Дал право мучиться выбором, решать самому, кто он и что может делать. Я подарил ему свободу. А что получилось? Это не дало ничего хорошего людям. И прав был Он, что не давал им волю. Вам проще быть рабами. А вот ты сейчас — Мать. Я вижу, как она перелила в тебя, в твое земное хрупкое тело все свои силы. И я удивляюсь тому, что ты еще не сошла с ума от этой энергии. Если дать такое простому смертному, он не выдержит, а ты... Анастасия... ты особенная даже в этом. Я удивляюсь тому, как ты держишься, как справляешься с силой, как бесстрашно смотришь в глаза мне и Матери. Я рад тому, что ты выросла, повзрослела, окрепла. Порой... — Он замолчал вдруг, словно подбирал тщательно слова, Настя ждала, глядя, как синекрылые стрекозки летают туда-сюда в поиске насекомых. — Порой я так сильно горжусь тобой, что мне кажется несправедливой твоя судьба.

— Спасибо, демон. — Слезы побежали по щекам. Наконец-то он сказал ей то, что она так долго ждала. Он переживает за нее, он сомневается и мучается. Ему непросто принести ее в жертву. Теперь принять свою судьбу стало легче. Она полностью согласилась со своей жертвой, окончательно смирилась с тем, что погибнет. Если надо умереть, чтобы этот мир продолжался, чтобы озеро дышало покоем, а стрекозы так же реяли над водой, то это небольшая жертва. Всего лишь Настя. Всего лишь она.

Он сидел позади нее и с горечью наблюдал за тем, что терновый венец над ее светлой головой становится видимым. Теперь он всегда будет над ней как символ того, что она согласна.

Он многое хотел сказать ей, но еще больше — просто обнять, почувствовать ее тепло, услышать учащенное сердцебиение, чтобы в ее печальных глазах хоть на мгновение зажглись любовь и нежность вместо смирения. На него много раз смотрели с желанием и страстью. Но она в последнее время смотрела на него с любовью. На него, демона, грязь и мерзость, отвергнутого и сверженного, смотрели с искренней любовью глаза земной женщины. Она заранее простила его за все. И от этого он чувствовал себя последним подлецом.

## ГЛАВА 15

— Судя по всему, у тебя получилось! — Глаза Риты горели от радости.

— Возможно, если только это были не галлюцинации, — осторожно ответила Настя.

— Ты довольно точно описала Одина и Тора. — Локи слушал ее, прищурившись, как довольный кот. — Не думаю.

— В любом случае, — допивая чай, ответила Настя, — путешествие туда забрало много сил, мне лучше пойти спать.

— Наташа и ее ангело-демоны уже видят шестой сон, — кивнула Итсаску, — нам всем пора.

Но расходиться от ночного костра не хотелось. Они все понимали, что, возможно, уже завтра не соберутся тут полным составом. Отсутствие Лики было таким заметным в их команде, что невольно все жались друг к другу. Только Диего ушел от них бродить по лесу: оборотень впал в страшную тоску, и не было возможности вытащить его оттуда. Единственная причина, по которой он все еще был с ними, — надежда отомстить хоть кому-то из демонов, прежде чем он умрет.

— Нам нужно потянуть время, пока Один и его команда приходят в себя после воскрешения. — Граф Виттури сидел в темноте, и лишь иногда пламя освещало багровыми всполохами его лицо.

— Не думаю, что Ноктурна даст нам его. — Цезарь потер руки, протягивая их к огню.

— Она не слишком торопится, возможно, тоже не уверена, откуда мы ударим. — Серж обнимал Итсаску, которая отрешенно смотрела на пламя. — Карл и Дуняша вышли на связь сегодня. Они распределили силы агентов по трем основным точкам, все ждут нас, чтобы решить, где именно провести сражение.

— Самое важное, чтобы на этот раз территорию и место битвы контролировали мы. До этого она выбирала как можно более пустынные местности, где Насте было сложнее черпать силу. — Рита заставила затухающий огонь подняться выше.

— Здесь территория Насти, вне сомнений, — Серж поправил съехавшие на нос очки, — леса, реки, поля, комары...

Настя улыбнулась. Закрывает глаза, постаралась подстроиться под противный писк комаров, на мгновение перед глазами мелькнули тепловые силуэты огня и друзей, сидящих вокруг. Она заставила насекомых собраться в облако, а затем послала их на несколько километров в сторону.

Она не была уверена, что они послушаются, но попробовать стоило: Сержу доставалось больше всего. Он то и дело отмахивался от назойливых насекомых.

Ладони закололо, Настя потеряла их, не понимая, что происходит. Похоже, она привлекла чье-то внимание, вмешавшись в полет комаров. Где-то в верхушках деревьев пролетел, ухая, филин.

Итсаску поднялась с плеча Сержа и, хищно раздувая ноздри, уставилась в темноту.

— Что там? — Серж увидел, как кисть любимой легла на рукоять револьвера.

Белая волчица выпрыгнула из Насти и бросилась в чашу, радостно поскуливая, Настя поднялась следом, бесстрашно пошла за ней. Демон чувствовал, что вокруг собираются силы, враждебные ему, и каждый его мускул был напряжен.

Рита, будучи более близкой к силам Матери, чем он, положила руку ему на плечо:

— Господин граф, они пришли с миром.

И тогда все поднялись и увидели, как Настя возвращается из темноты, а за ней идут белесые создания с птичьими черепами вместо голов, с глазами филинов. Ноги у них были человеческими, а тела птичьими. Один из них опирался на палку, на которую был насажен человеческий череп, освещавший ему дорогу горящими глазами. Белая волчица, радостно виляя хвостом, бегала между ними, стараясь обойти и поприветствовать их всех.

Самаэль смотрел на то, как спокойно Настя ведет их. Кажется, уже ничего не удивляло ее, взгляд печальных зеленых глаз наполнен мудростью и покоем. Уже ничто не свернет ее с пути.

Она остановилась, белесые птицы встали за ней полукругом, вперед вышел тот, что был с посохом. К удивлению всей команды, заговорило не само существо, а череп.

— Духи акки прибыли, чтобы сражаться. Приветствую. — Горящие угли повернулись в глазницах и усталились на Самаэля. — И тебя приветствую, великий и отринувший...

— Приветствую, — поспешно перебил его Самаэль.

— Знаю, мы не друзья. — Черепу удалось двинуть нижней челюстью и сверкнуть углями для большей выразительности. — Но когда речь идет о спасении мира, старые враги должны объединяться против новых.

Самаэль кивнул, убрав руки за спину, и слегка поклонился так элегантно, словно был на светском рауте.

— Мы призвали всех, кто может встать на сторону Матери. И мы пойдем за Анастасией. Но если нам выпадет честь помочь вам в бою, не сомневайтесь, мы придем на помощь.

— Это успокаивает, — вставил Серж.

— Смертным лучше молчать, когда говорят духи. — Череп заставил уголья в глазах разгореться. — Знаешь, какое наказание может быть?

— Если мы одна команда, то духам лучше привыкнуть, что здесь нет предпочтений, равны все. — Самаэль загородил собой Сержа.

Череп перевел взгляд на Анастасию, и та кивнула.

— Как повелит земная, так и будет. Еще вопросы у смертного есть?

— Как ты устроен? То есть я понимаю, что в тебя вживили при помощи магии возможность передавать мысли акков, но...

— Серж!!! — воскликнули все хором.

— Ладно, ладно... мне просто было интересно... — Парень взъерошил волосы. — Он же сам предложил.

— Думаю, земной тоже будет интересно послушать. — Самаэль ухмыльнулся черепу.

— Это правда, — поспешила кивнуть Настя.

— Что ж... тогда вам всем лучше вернуться к костру. Сказки лучше слушать, когда сидишь и смотришь на пламя.

Когда все, включая людей-птиц, уселись вокруг огня, тот акк, что держал трость с черепом, встал возле пламени лицом к зрителям. Череп медленно обвел всех горящим взором и заговорил снова:

— Акки — древний род духов. Мать после того, как они с Отцом создали людей, сделала нас подобными людям, чтобы мы помогали им приспособиться к новым местам обитания, но Отец однажды разгневался на Мать и всех ее детей, и мы были среди первых, кто пострадал. Люди обернулись против нас, следуя повелению Отца, перебили нас, а для уверенности в том, что Мать не сможет нас воскресить, разрубили каждый труп на три части. Головы сожгли в одном костре, туловища отдали диким животным, а ноги закопали. Мать воскресила нас, дав нам тела птиц, она смогла спасти только нижние конечности. И еще одну голову вождя, которая укатилась в овраг. Теперь акки говорят между собой мысленно, а единственная голова духа может передавать послания. Акки редко связываются с людьми. Мы помогаем только тем из них, кто хочет жить в согласии с природой. Но по большей части мы охраняем заповедные места, отпугивая людей. Гибель безобидных и мирных акков была одной из основных причин раздора между силами Матери и Отца. И с тех пор, вместо того чтобы совместно созидать, они враждуют, заставляя враждовать и всех своих детей. Но теперь Мать призвала нас, и мы явились, чтобы вместе с силами Отца попытаться спасти мир.

— Спасибо. — Настя без страха смотрела в совиные глаза существ вокруг нее.

— Тебе спасибо, земная, что пригласила нас познакомиться с друзьями. Мы вернемся теперь в лес. Позови нас, когда возникнет необходимость.

И птицы на человеческих ногах ушли в темноту, череп на прощание подмигнул Сержу, погасив и снова зажигая огонь в правой глазнице.

Наутро они сняли палатки и снова отправились в путь. Только недавно отремонтированное шоссе мягко расстиралось среди полей и лесов, Насте хотелось верить, что они просто отправились в

путешествие, а не на бой с Ноктурной. Но Лика... Отсутствие ее золотистых кудряшек, которые все время беспокойно шевелились от сквозняка в машине, потому что ангел всегда просила опустить стекло, чтобы дышать воздухом, ее незвучавшие слова поддержки и одобрения, отсутствие заботы и тепла к каждому из них — все это кричало о том, что битва будет страшной, тяжелой и смертельной для многих.

— Главное, чтобы не родилось дитя Ноктурны, — говорил граф Виттури тихо Сержу, пока Настя смотрела в окно, думая о Лике. — Если оно появится на свет, то всему настанет конец.

— Прямо как вспышка сверхновой, — констатировал Серж. — И черная дыра, которая может поглотить все, они ведь часто появляются на месте звезд после вспышек.

— Да, только эта тварь сожрет вообще все пространство, если верить предсказанию.

— А как вообще возможно предсказать такие вещи?

— Появление Ноктурны стало возможным из-за того, что положительные и созидательные силы Матери после разрыва с Отцом стали накапливать в себе отрицательную энергию. Она начала проявляться сначала слабо, а потом уже более организованно. Со временем она стала обладать чем-то вроде разума, сделалась опасной, а потом впервые вселилась в смертную, которая и стала телом для Ноктурны. В тот раз мир стоял на грани уничтожения, но мне посчастливилось разорвать ее силу до того, как она понесла от Люцифера. Теперь же... А предсказания, друг мой, это всего лишь озарение и нужные выводы. Люди, ставшие свидетелями той Ноктурны, передали в сказаниях и легендах то, что высшим силам известно и так. Ноктурна постоянно накапливает все большую силу, поэтому необходимо покончить с ней раз и навсегда.

Настя так и не поняла тогда, что именно произошло, только успела увидеть яркую вспышку краем глаза в лобовом стекле, затем визг тормозов, вопль Сержа, сильный рывок в сторону, от которого она, мотнув головой, впечаталась лбом в стекло, и потом лишь несколько сильных ударов в гаснущем сознании. После чего наступила звенящая тишина.

Итсаску сидела рядом с Настей, смотрела, как всегда, строго прямо, слушая разговор графа и Сержа. По другую руку от нее сидел Диего. Они ехали вслед за машинами, которые вели Локи и Цезарь. Поэтому, когда именно перед их машиной взметнулось пламя, а Серж ударил по тормозам, Итсаску успела подумать, что хорошо, что они ехали последними. Затем их бросило в сторону, машина опрокинулась, покатила, переворачиваясь, в кювет. Кусок стекла влетел ей в плечо, она вытащила его, зная, что рана быстро затянется. Серж шевелился, пытаясь дотянуться до крепления ремня безопасности. Граф Виттури выскочил в лобовое стекло еще при первом перевороте машины, и именно он остановил их кулбиты, удержав автомобиль. Он оторвал дверцу со стороны водителя и помог Сержу выбраться. Настя с залитым кровью лицом, казалось, спала, откинув голову на сиденье.

Итсаску выругалась на нее, на себя за чувство голода при виде ее крови и выбила ногой дверцу, граф помог отстегнуть Настю и вытащить из машины. Последним выбрался оглушенный ударом Диего — парень плохо соображал, и его тут же стошнило. Итсаску проверила Сержа — тот обошелся парой царапин, и огляделась. Дорога полыхала, разрезанная надвое. Зазвонивший мобильник отвлек ее от созерцания тормозного пути на асфальте.

Цезарь.

— Вы в порядке? — Его голос был сухим и трескучим, как и всегда, но вампирша знала, чего ему стоит говорить спокойно.

— Да, все целы. Настя, похоже, сильно ранена, но жива.

— Скажи им, пусть продолжают путь до условленного места. Мы пойдем в обход. — Граф Виттури вытирал платком кровь с лица Насти.

Она пришла в себя, но была напугана, отчего хваталась то за оружие, то за воротник графа. В конце концов он поднял ее на руки и крепко прижал к себе, успокаивая. Настя снова потеряла сознание.

— Почему не присоединиться к остальным? — Итсаску смотрела на него враждебно.

— Потому что Ноктурна чует Настю. Так мы их поставим под удар. А в лесу нам помогут акки. Идем.

Он помчался так быстро, что Диего пришлось посадить Сержа на себя. Граф замедлил ход, только когда они оказались под прикрытием деревьев.

Опять зазвонил телефон. Итсаску ответила, выслушала и догнала графа.

— Они говорят, что пока препятствий не было.

— Хорошо. Ноктурна будет ждать нас там, где они.

— Значит, мы идем в другую сторону?

— Да.

Граф Виттури положил Настю на землю и повернул ее ладони вниз, прижав к хвойной почве.

— Нам нужно время. Ноктурне известны координаты всех наших сборных постов. Мы обязаны сделать свое появление внезапным для нее.

— Но как мы призовем остальных?

— Об этом не волнуйся. В определенное время агенты получают новые координаты. — Серж попытался обнять ее, но она отстранилась.

— Ты знал об этом плане и ничего мне не сказал?!

Парень виновато взъерошил волосы:

— Не обижайся, Итсаску, мы держали этот план на крайний случай.

— Вы рисковали жизнью Сержа и Насти, граф!

— Как видишь, мне удалось смягчить удар. — Граф Виттури мрачно посмотрел на нее. — Или ты думаешь, что они выжили бы? Та волна огня должна была расплавить нас.

— Вы должны были предупредить!

— Я никому ничего не должен! — Он так рявкнул на Итсаску, что внутри у нее все заledenело от страха. В глазах его плеснулась тьма, по щекам пошли черные трещины.

Стон Насти, приходящей в себя, вмиг смягчил его взгляд, и он отвернулся от оторопевшей вампирши к девушке.

— Как ты, земная?

— Паршиво. — Настя дотронулась до головы и поморщилась, не открывая глаз.

— Бывает. — Граф Виттури вернул ее кисть на землю. — Постарайся восстановиться и попросить акков прикрыть нас. Нам пора.

Ролан положил голову спящей Наташи себе на плечо и заботливо обнял ее, согревая. Ангел почесал свои татуировки на шее и продолжил:

— И все-таки я не понимаю... Этот идиотский меч, который я теперь ношу с собой, — да я даже не знаю, как им пользоваться.

— Надо будет — вспомнишь. — Ролану не очень хотелось обсуждать проблемы ангела. Все его существо тревожилось за Наташу: они уже давно ехали вслед за машиной, которую вел Локи, Цезарь молчал всю дорогу после того, как они разделились с графом. С одной стороны, Ролан понимал, что отсутствие Насти делает более безопасным их путь, но кто знает, вдруг Ноктурна обладает возможностью отследить и Наташу тоже. Тогда они в опасности. А этот придурок с синим ирокезом и розочками рассуждает о мече и какой-то музыке. Уже голова раскалывается от его бормотания. Одно хорошо, Наташа под это бормотание уснула, да так крепко, что Ролан видел ее сновидения, когда дотрагивался до девочки.

В зеркале заднего вида он несколько раз ловил взгляд Цезаря. Бездушный все еще не доверял ему, чуял, что Ролан попытается Наташу увезти в безопасное место при первой же возможности. Только как от них скрыться?

Бежали в темноте... Настя крепко обнимала мощную шею пантеры, потом ее несла Итсаску, потом уютные руки демона, в которых хотелось находиться подольше, но ребята быстро сменяли его, словно боясь, что он сбежит вместе с ней. Они бежали, высокая трава полей касалась щек и рук, роса мочила по колено, потом в лесах они обсыхали, их бег был неслышен, смягченный толстым

слоем хвои, затем снова поля... А потом она устала, головная боль вернулась и стала такой постоянной, что Настя даже свыклась с ней. Уткнувшись в майку Диего, которая пахла древесиной и кошкой, она дремала, морщась от боли и пытаясь от нее избавиться.

— Осталось недолго. — Граф Виттури посмотрел на звезды.

И впрямь вскоре за деревьями показался светлый дом.

Граф Виттури забрал спящую Настю у еле стоявшего на ногах Диего. Тот явно не хотел уступать ему девушку.

— Вам всем нужно выспаться. А мне сон не нужен. Идите, я посторожу дом и буду рядом с ней.

Все прошли вслед за ним в дом. Серж долго гремел замками, запирая все окна и двери, граф с полуусмешкой следил за ним. Человеческая уверенность в замках его всегда умиляла. На кухне уже стояли сумки с покупками, которые он недавно попросил привезти, предполагая, что это убежище может им пригодиться, но никто не был голоден, всем хотелось только спать.

Ребята в полусне разбрелись кто куда. Граф поднялся с Настей на руках в мансарду и положил девушку на огромную кровать, снял с нее обувь и накрыл пледом. Взгляд его задержался на ее лице. Брови хмурились, ресницы вздрагивали, он прислушался к ее сердцу и услышал частое испуганное биение. Ей снился кошмар. Он сомневался, но лишь мгновение. Затем он осторожно лег рядом с ней, распустил ее косу и разложил по подушке тяжелые золотистые пряди. И медленно приблизил к ним лицо. Ее волосы пахли шампунем, а еще полевыми цветами и травами, нагретыми на солнце. По золотым волосам, как по путеводным нитям, он мог проникнуть в ее сновидение...

Настя бежала по черному городу. А за ней мчался Мрак, оббивая улицы и дома тысячами черных щупалец, это была абсолютная темнота, в которой исчезало все, только красный глаз демона следил за ней из центра этой черноты. Настя понимала, что выхода нет, что гибель неизбежна, знала, что он уже поглотил ее друзей, и боль от их потери мешала бежать и лишала желания бороться. И тут она уперлась в стену. Тупик. Дальше пути нет. У нее даже не было оружия, чтобы умереть в бою. Оставалось только повернуться и посмотреть в глаз Тьмы.

Демон появился так внезапно, что она даже не поняла, откуда он пришел: свалился сверху? Но только граф Виттури вдруг оказался между Настей и тьмой. Он вытащил мечи из-за спины, клинки блеснули, словно подмигивая и ободряя. Надежда вдруг вновь согрела ее сердце.

Мрак взвыл и ринулся вперед, но граф, будто ниндзя из кино, отрезал и отсекал черные щупальца, тянувшиеся к ним. Мрак отпрыгивал как ужаленный хищник и снова бросался вперед. Мечи сверкали: то один, то другой подобно вспышкам молний. Он отходил от нее все дальше, отодвигая Мрак, отгоняя его прочь. И Настя вдруг поверила в возможность спасения. Всем сердцем поверила ему. Граф бросился вдруг в самый центр черноты, туда, где горел красный глаз, огромное раскаленное яростью око. И воткнул в него сразу два меча. Послышался такой визг, что она заткнула уши, многочисленные черные щупальца втянулись в центр, вспыхнула яркая вспышка, и тьма исчезла. Это снова был просто ночной город, граф убрал мечи и повернулся к ней. Она приблизилась.

— Он тебя больше не побеспокоит.

Граф сказал это сухо, как если бы просто констатировал факт, не улыбаясь, как герой, спасший от чудовища жертву. Не было в его позе самодовольства, скорее усталость. Он, казалось, выдохся, сражаясь с Тьмой. И она вдруг почувствовала огромную, бескрайнюю и светлую любовь к нему. Такую, от которой щиплет глаза, ту, что внезапно охватывает горячей волной все сердце, и плакать хочется от счастья и света. Такой любовью любят ушедших, тех, кто уходит, или когда понимаешь, что все не навсегда. И тогда хочется любить бескрайне, без ограничений, залить светом любви все темные углы своей души. Любить мир, страну, родных, любить небо и звезды, море. Любить его, уставшего и грустного. Она шагнула к нему и крепко обняла. Настя хотела, чтобы тепло любви согрело его, чтобы он тоже почувствовал этот ослепительный и теплый свет. Не было в этой любви ни страсти, ни метаний, ни желаний, ни сомнений. Так любит ребенок, чисто и всеобъемлюще. Почувствовав, как он дрожит, она обняла его крепче. Вдруг стало жалко его: когда к нему тянулись вот так — не для того, чтобы получить, а чтобы дать. Чтобы просто поделиться распирающим душу счастьем чистой любви. Просто сказать ему спасибо.

Он опустил на колени, лицо его уткнулось ей в живот. Кажется, он то ли плакал, то ли смеялся. Она озадаченно запустила руку в его волосы, на удивление мягкие...

И проснулась. По привычке последних дней осмотрелась и увидела графа Виттури спящим на своих волосах. Его лицо было совсем рядом. Удивительное лицо. Его хотелось созерцать бесконечно. Какой скульптор дал ему эту внешность, какой художник придал одухотворенности и наложил



черты духовной борьбы и мятежности на внешность античного бога? Он вечно в муках, вечно в борьбе, в искушении, в стремлении к достижению. Чего? Чего желает он, прекрасный демон, о чем просит? Не о ней, конечно. Но вся ее маленькая человеческая ограниченная душа замирает от восхищения рядом с его мощью, силой и стремлением. Он словно гладиатор, который никогда не сдается, никогда не умирает, но сражается без конца за свой, одному ему ведомый идеал. Как Сизиф без конца поднимает на гору камень, так он без конца будит, побуждает, пробуждает, возбуждает человеческие души. Не дает им заснуть во тьме, бьется против силы более сильной, более множественной. Бьется против слепящего света и слепой тьмы за разум, за право спрашивать и искать ответы. Вековечный Сократ, выбравший своим уделом человечество. Вечный изгой. Прометей, бесконечно корчащийся под клювом орла. Ее любимый демон.

Он проснулся от ее движения. Протер глаза, с удивлением посмотрел на Настю.

— Привет, — прошептала она.

Самаэль сел на кровати. Встряхнул головой, словно освобождаясь от сна. Вид у него был потрясенный, как будто мир успел перевернуться, рухнуть и снова встать на ноги.

— Все спят, — шепотом сказал он.

Настя села на кровати, заплела косу, обулась и накинула на плечи одеяло. Лежать в одной постели с демоном было как-то очень странно. Головная боль напомнила о вчерашней травме. Кое-как встала. Он подошел и подставил свое плечо. Странно, но в его глазах она вдруг увидела покой, даже заботу.

— Я отнесу тебя вниз и приготовлю завтрак, хочешь?

Настя кивнула. Хотелось есть. Он плотнее завернул ее в одеяло, подхватил, тихо спустил вниз на кухню и закрыл двери, чтобы не разбудить ребят грохотом посуды и разговорами. Ей было очень хорошо с ним в то утро. Демон рассказывал какие-то смешные истории, а она слушала, чувствуя, как отступает боль. Какое-то необыкновенное ощущение внутренней гармонии и наполненности счастьем поселилось в ней, и Настя осторожно прислушивалась к этому чувству, словно не было никаких страхов и кошмаров, словно в ее душе чаши весов, что постоянно колебались, поднимаясь и опускаясь, пришли в равновесие. И Настя сама не знала почему, но была уверена, что и граф тоже пребывает в состоянии равновесия. Он наслаждался тем, что делал. Насыпал кофе, подносил к ее носу, чтобы она вдохнула аромат, заливал водой, тщательно отмеривал крупинки соли, которые должны были усилить, по его словам, аромат. Нарезал хлеб и клал на него ломтики сыра, а она восхищалась красотой его изящных пальцев. Протягивал ей бутерброд, но стоило протянуть руку, он убирал тарелку и смеялся, радостно и по-доброму. Это были минуты, когда они просто наслаждались бытием, без мыслей, без страха, без бесконечного разногласия.

Солнце светило сквозь деревья, переменчивые тени от листьев, что двигались на легком утреннем ветерке, падали на лицо Насти, и казалось, чьи-то руки ласкают ее. Зеленые глаза, когда на них попадал свет, становились прозрачными, и особенный блеск таился в них. Она смеялась, спрашивала, но Самаэль слышал ее словно сквозь мглу, его душа страдала, осознавая, что она сама жизнь, сам свет, она все, что заставляет двигаться этот мир. И вместе с тем она хрупка, уязвима, не защищена. В который раз он спрашивал себя, почему она, и не находил ответа. Да и нужен ли ему был ответ? Нет, ему нужна была она.

Внезапно он вздрогнул. И волшебство рассеялось, рассыпалось, будто разбился стеклянный новогодний шарик, и вся магия его целостности и совершенства формы превратилась в ничто.

— Они здесь.

Сначала все похолодело у Насти внутри. Она подумала, что это враги собрались вокруг дома.

Но он спокойно помог ей подняться и открыл дверь, выходя в прихожую. Наверху было слышно, как собирались в спешке остальные. Но граф уже открыл дверь на улицу. И Настя, выйдя на крыльцо, увидела необычное зрелище. Через поле между домом и лесом шли по направлению к ним люди, духи и создания. Вооруженные, с выражением решимости на лицах.

Разношерстное войско было таким необычным, что хотелось разглядывать его бесконечно. Кажется, что у каждого было свое понятие о том, в какой экипировке нужно сражаться с силами зла. Здесь были воинские формы всех времен и народов: прекрасные викинги и римские легионеры, казаки, французские гренадеры, рыцари, а кое-кто был одет просто в обтягивающие костюмы на манер супергероев. Вместо плащей у них, должно быть, были крылья, но пока Настя могла лишь угадывать, кто есть кто в общей кутерьме: бледнолицые красавцы-вампиры, женщины с крыльями и змеями вместо волос, оборотни, лучники, всадники даже на механических лошадях, с шестеренками вместо глаз, дамы в корсетах и длинных юбках, подобранных спереди, чтобы удобнее шагали в длинных сапогах, старики, молодежь и даже дети, но эти херувимы с ангельскими личиками обладали таким решительным взглядом, что сердце стыло. Было несколько человек с

внешностью бандитов и пиратов, а еще весталки с цветами в волосах, какие-то то ли нимфы, то ли духи, а из леса все прибывали новые воины.

Кто-то положил ей руку на плечо. Она обернулась и увидела Диего. Он смотрел на все это пестрое войско, словно пытаясь охватить его целиком, а не как она, по частям.

— Надеюсь, кто-нибудь из ангелов примкнет к нам, — сказал он.

Настя рассеянно кивнула и, закрыв глаза, бросила зов всем, кто мог ее услышать: «Пора отстоять этот мир ценой наших жизней».

Демон за спиной Насти опустил голову. Он знал, что это ее последний день. Он слышал, как тикают ее часы, отбивая последние часы, минуты, секунды жизни девушки. Он не мог остановить бег времени, даже ее времени. Солнечные лучи легли на светлые волосы, будто благословляя ее, пока к крыльцу, на котором она стояла, стекались создания. Очередная битва пожнет свой кровавый урожай. Он прикрыл глаза и заставил себя еще раз смириться с этим. Его путь никогда не завершится, но путь многих из тех, что стояли там, на улице, был готов оборваться.

Лучи высветили силуэт Насти, оставив демона во мраке дома. Словно свет благословлял ее, обманчиво маня. А его оставлял там, где ему место, — в полутени.

## ГЛАВА 16

Над полем раздавались ровные удары огромного барабана с интервалом в минуту и предупреждали всех о том, что время сборов истекало. Силы Ноктурны и падших ангелов против войск Матери и агентов Самаэля выстроились на равнине друг напротив друга. Увидев войско Ноктурны, Настя обомлела. За ними сгущались черные тучи и вспыхивали красные зарницы, все было черно от демонов и тварей, еле сдерживающихся, чтобы не броситься в бой. Ноктурна прибыла в хрустальной карете, которую тянули шесть прозрачных ящериц, внутренности которых были налиты огнем. А позади всех маячил гигантский Люцифер, потерявший человеческие черты, напоминавший одновременно минотавра, игуану, дракона и льва.

Их было слишком много. Едва нахлынув, они перебьют всех. Напротив них войска Матери и агентов смотрелись слишком разношерстно, нелепо и жалко. Они их просто сметут.

— Не забывай, в тебе сила великой богини, огромная, неподвластная никому. И ты можешь освободить ее, если достаточно разозлишься. — Самаэль крепко сжал ледяную от волнения руку Насти. — Вспомни, что она сделала с Ликой. Не допусти, чтобы пострадал еще кто-то. Вспомни, что она сделала с собственным сыном. Не имей жалости и сострадания. Она уничтожит нас всех, если ты не откроешься навстречу силе.

Настя переплела свои пальцы с его горячими, ласковыми. Он машинально гладил ей запястье, пока говорил, глядя ей в глаза. Потом поднес ее руку к губам и поцеловал.

— Пора, Анастасия.

Она столько хотела спросить, столько сказать, глядя в его карие с золотом глаза, но понимала, что времени на это не осталось.

Бой барабана учащался, как учащалось сердцебиение всех, у кого было сердце на этом поле боя.

Настя закрыла глаза. Она снова увидела Старую Мать, услышала слова благословения, старуха дотронулась корявым пальцем до ее лба, и яркая вспышка озарила ее сознание. Она словно оказалась в себе и одновременно в каждом из лесных духов и подвластных Матери созданий. Она ощущала даже магические токи внутри вен Риты, она чувствовала лес за спиной как надежный тыл акков, она парила в небе и разглядывала войско противника при помощи духов птиц. Оказавшись одновременно повсюду, вместо того чтобы растеряться и испугаться, она вдруг обрела уверенность и покой. И эта уверенность передалась всем ее воинам.

Увидев, что Настя обрела силу, Самаэль сосредоточился на своей половине войска. Агенты были настроены решительно, к ним переметнулись также демоны, которые слишком зависели от человека, чтобы потерять его: красавцы-инкубы и суккубы были облачены в доспехи и похожи на элитный отряд войск. Но какой толк в бою от демонов соблазна и похоти? Самаэль еще раз обратился к Нему с просьбой помочь, но по-прежнему ответом была тишина. Что ж... он сам отказался от Отца. Нечего ждать помощи теперь.

Ролан подошел к нему.

— Что делать нам с Наташей?

— Избранная сама решает, как и когда участвовать в битве. Просто защищайте ее и не мешайте. И она сама подскажет вам, что делать. Моя цель — уничтожить Ноктурну и Люцифера. Остальное войско рассеется, если лишить их...

И тут он увидел Азazelло. Демон стоял в рядах войск Матери. Какого черта?

Он не успел подойти к нему. Удары стали ежесекундными, а потом вдруг словно порвалась тонкая нить невидимого ограждения, сдерживавшая противника, и войска Ноктурны черной лавиной обрушились на них.

Настя почувствовала приближение врага, взметнула из земли ровную стену энергии, о которую разбились колесницы, поломалось оружие и когти противника в первых рядах. Это внесло сумятицу среди чертей и чудищ, задние ряды напирали на них, давили и от ярости даже убивали своих же. Ноктурна при виде стены простерла ладонь, и хлынул огонь, который уничтожил стену в одно мгновение, и войско демонов с гоготом и визгом рвануло дальше.

Открыв глаза, Настя взглядом ставила на поле точки, из которых взметались вверх столбы света, как взрывы бомб, они разрывали демонское войско, разметывали останки плоти и орудий.

Ноктурна повернула ладонь к земле, наклонила пальцы и «спикировала» рукой по направлению к

противнику. Тут же из задних рядов ее войска взмыли вверх крылатые демоны и атаковали с воздуха.

Духи воздуха пытались прикрыть Настю, Самаэль присоединился к ним, но тщетно, войско Матери под напором пеших и воздушных войск начало отступать. Настя оказалась в первых рядах без прикрытия, незащищенная.

Ноктурна при виде спокойно стоящей земной хищно оскалилась и направила на нее свой экипаж.

Настя глубоко вдохнула, чувствуя, как токи земли пронзают ее тело сквозь подошвы, и вытащила вмиг вспыхнувший меч. Возле нее оскалили зубы волчицы во главе с Белой. Она подпустила Ноктурну близко, а затем воззвала к воскресшим Одину, Тору и другим божкам, зависящим от Древа жизни.

Ноктурна мчалась на нее с огромной скоростью и слишком поздно поняла, что это была хитрая ловушка. Вокруг еще мгновение назад беззащитной земной, окруженной лишь верными волчицами, материализовались все те, кого она когда-то уничтожила. Как такое возможно?

Здесь был Один на своей восьминогой кляче и божки древних индейцев со страшно разукрашенными лицами и мордами с вытаращенными глазами, здесь был Зевс, будь он неладен, она же собственноручно ему оторвала все конечности и распотрошила! Их было так много... и все они жаждали мести. Она натянула поводья, но тупые ящерики не сразу смогли остановиться. Ноктурна призвала к себе на помощь самых сильных из демонов, божки с ревом бросились в атаку, кромсая ее ящериц, разбивая экипаж, врываясь в ряды поспешивших ей на помощь тварей. В бешенстве демонесса уставилась на Настю. Эта мерзкая смертная посмела бросить ей вызов!

Она метнула в нее огонь, но девушка лишь дунула, и он растворился в воздухе, Ноктурна наслала на нее песчаную бурю, подняв ее с земли, но песок обратился в росу и рассеялся, слегка окропив сражающихся вокруг воинов.

И тогда Ноктурна поняла, что Мать не побоялась передать все свои силы этой хрупкой девчонке. И хищно облизнулась. Она сегодня наестся всласть. Умножит свою силу и силу того, кого носит в себе.

И бросилась в атаку.

Самаэль старался держать линию обороны с неба, но их сминали, раны быстро затягивались, но он постоянно получал новые: слишком много демонов атаковали его со всех сторон. Сверху он видел, как храбро сражается Рита, используя все силы, закручивая разноцветные вихри, в которых гибли ее противники. Он замечал, как яростно дерется Диего вместе с Сержем и Итсаску: троица неплохо справлялась с демонами, выстроив алгоритм: Диего отвлекает — Серж атакует первым — Итсаску наносит решительный удар. Все четко и быстро.

Он видел, как вспыхивала ярко-белым Наташа, сжигая в своем свете чистоты демонов, а ее ангел с мечом отгонял остальных противников, Ролан тоже сражался рядом. Локи постоянно менял обличья и оружие, хитрюга викинг вводил в ступор даже самых коварных демонов, его было не поймать. Карл и Клара пару раз пронеслись рядом, уничтожая крылатых врагов. Но все-таки их было мало. Чертовски мало.

Увидев, что Цезаря атакуют четверо, он спикировал на тварей и отсек головы трем из них, пронзив четвертую сразу двумя мечами.

— Граф! — Цезарь с благодарностью кивнул ему. — Их слишком много! Нужно отступить!

— Невозможно!

Самаэль резко развернулся и поразил насмерть тварь, похожую на многоножку. Она подыхала, визжа и истекая зловонной жидкостью. Через нее ползли новые твари. Демон бросился на них. Цезарь огляделся в поисках нового противника и кинулся в бой.

Серж подсек своего противника звездочкой, Итсаску выстрелила ему прямо в голову. Парень поправил очки и огляделся. Неожидавшее сотрясение земли сбilo его с ног.

Он развернулся и увидел, как Итсаску борется с тварью, чьи щупальца блокировали ее руки с пистолетами. Вампириша закинула ноги на шею твари и, используя заблокированные руки как рычаг, сломала ей шею. Диего вырывался из когтей другого демона, а вот на Сержа надвигался ящероподобный демон с копьем. Парень дернулся к своим кинжалам, но рукава были пусты, он потянулся к оружию на голени, но его руку пронзило копьё. Он взвыл от боли, услышал яростный вопль Итсаску, но ее окружили, а противник Сержа ухмылялся, его раздвоенный язычок быстро

мелькал, то высовываясь, то прячась в его рептилоидной пасти. Он достал нож и наклонился к Сержу с явным намерением отрезать ему голову и присоединить ее к высохшим головам, болтавшимся на его поясе. И тут он вспыхнул красным светом и с воплем сгорел. Серж оглянулся: позади него стоял акк с черепом на трости. Угли внутри черепа были красны, он прицелился и лазерным лучом прожег еще одну тварь, нападения которой Серж и не успел бы заметить.

— Уходите, — сказал череп.

Сержа два раза просить не надо. Выдернув копье из руки, он бросился на помощь к Итсаску, но та уже сама отбилась и с возгласом боли и страдания бросилась к нему.

— Все хорошо, все хорошо.

Она обняла его, а потом выстрелила в нападавшего на них демона за спиной Сержа.

— Надо отступать! — Диего, обернувшись в человека, бросился к ним.

Войска действительно отступали, не выдержав напора демонов. Настя и боги оказались отрезанными от своих основных сил, но боги держали оборону, пока Настя и Ноктурна сражались друг против друга.

Локи от злости рвал своих врагов на части, но он не мог пробиться к графу и бросить свой фланг. Агенты вокруг начали отходить. Упал Толя-громовержец, и Локи только успел отбросить голодных до крови и энергии демонов, подхватить его еще живого и оттащить в лес. Вслед стали подтягиваться и остальные.

Самаэль сражался как лев, его мечи сверкали без устали, а противников у него было больше десятка. У него не получалось пробиться к Люциферу или Ноктурне.

Они проигрывали. В тоске он огляделся, увидел отступление раненых и истерзанных агентов, гнев переполнял его и обида на то, что никто из ангелов не пожелал присоединиться к ним в этой битве. Даже демоны выбирали стороны. А ангелы просто равнодушно смотрели на все. Но он не сдастся, до последнего будет сражаться за то, что ему дорого. Сколько сил положено на создание этого мира! Разрушить его — какое тяжкое преступление, но еще больший грех — не сделать ничего, чтобы сохранить.

Он снова бросился в бой, пытался пробиться к Насте, но демоны волной встали на его пути. Он бился с каждым из них за то, что любил. Ярость давала ему энергию.

Весь в крови, он снова огляделся: почти все отступили. Дрогнули даже силы вокруг Насти: черное кольцо демонов сжималось.

Вдали он уловил полный торжества взгляд Люцифера и скрипнул зубами от ненависти.

На черном небе сгущались тучи, зарницы были все кровавей.

Бой скоро захлебнется.

«Что ж. Мы умрем, сражаясь!» — подумал он.

И тут белый свет озарил небо позади него и над ним. Он обернулся: к ним спускалось огромное белоснежное войско ангелов под предводительством Рафаэля.

Если бы Самаэль мог плакать, то ему бы перехватило горло от волнения. Он разделался с напавшими противниками, и когда остальные при виде белоснежного и внушительного войска отступили, Рафаэль приблизился к нему:

— Мы пришли, чтобы воевать вместе с тобой и Матерью, Самаэль.

Самаэль пытался сохранить непроницаемое выражение на лице, но Рафаэль уловил золотой свет в его зрачках и с любовью добавил:

— Мы ждем приказа, брат.

Черное войско демонов с ужасом отступило: во главе армии из ангелов, созданий и людей шел прекрасный демон с раскрытыми крыльями, которые казались усыпанными звездами на черном небе. Темный демон, порождение тьмы, выделялся на светлом фоне вооруженных воинов света.

По его команде ангелы с прекрасным хоровым пением лавиной хлынули на демонов, и за ними последовало отступившее было остальное войско. И в этот раз силы сравнялись, а потом и вовсе перевес оказался на стороне войск Самаэля. Его воины словно обрели второе дыхание. Оставив раненых в лесу, все остальные бросились в драку с новыми силами.

С прибытием ангелов Наташа бросилась по освобожденной территории по направлению к Ноктурне, Габриэль и Ролан помогали преодолеть отдельные нападения демонов. В общем сражении они уже успели оценить силу Избранной и даже не заикались, чтобы увести ее. Ролан увидел, что мир действительно рухнет, если все они не сделают все от них зависящее, чтобы остановить Ноктурну. И поэтому последовал за балериной, защищая ее и помогая преодолеть путь.

Самаэль наконец смог пробиться к Люциферу, и оба падших ангела, так долго и безуспешно пытавшихся уничтожить друг друга, сцепились в смертельной схватке. Оба потеряли человеческие и звериные формы, став гигантскими крылатыми существами, столь огромными, что вокруг них не осталось сражавшихся. Внутри центра каждого из них горел огонь. У Самаэля будто текло золото, а у Люцифера — лава. Они дрались, отсекая друг у друга материю, скручиваясь и расплетаясь, от каждого столкновения их тел раздавался оглушительный гром.

Настя понимала, что сила, которая огнем течет по ее крови, огромна, но в то же время ощущала ограниченные возможности своего тела. Это было равнозначно тому, как если бы оставаться полноценным человеком умственно и находиться в парализованном теле. Ноктурна была в этом сильнее ее: несмотря на то, что она внешне практически не менялась, оставаясь все той же белой дамой с длинными волосами и почти бесцветными глазами, она не страдала, казалось, от ранений, была неуязвима, а магические потоки черной силы куда лучше подчинялись ей, чем энергия земли Насте.

Ненависть в глазах Ноктурны, казалось, режет по ней лезвием. Настя не сдавалась. Она просто знала, что сдаваться нельзя. Невозможно. От нее зависит жизнь, теперь она видела это ясно. И стала понятной цель демона. Цель Матери. Все стало вдруг понятным. Теперь в полную мощь осознала она вопрос Самаэля: «Каково быть богом?»

Она была повсюду. Ее сознание стало огромным, схватывало волю и движения всех вокруг, она видела все, даже если не смотрела по сторонам. Мозг от огромного количества поступающей информации сначала блокировался, но потом вдруг резко перестроился, и теперь, только теперь она ясно ощущала, что ее способности практически не ограничены. Только она сама может ограничить их неверием и недоверием. И она старалась не допускать их в мысли.

Поразительно, как быстро приходили в голову нужные движения для блокировки стихийных атак Ноктурны. Сначала она только и успевала что находить способы остановить их. Но вовремя вспомнила слова демона на уроке фехтования: «Лучший способ защиты — не оборона, а одновременно защита и нападение». Она отражала теперь удары и одновременно старалась атаковать, находила прорехи в обороне Ноктурны и направляла туда всю свою ярость.

Под защитой богов она ощущала себя в безопасности, несмотря на то что круг соратников сужался время от времени, храбрые воины отбрасывали волны атак одну за другой. Многие пали, но основные силы держались.

Единственное, чего Насте было не преодолеть, — это ее физическое ограничение. Ноктурна постоянно меняла свой рост, быстро перемещалась, а Настя так не могла.

Даже со своим огромным, налившимся тьмой животом Ноктурна была быстра.

— Зеленоокая! — Окрик Одина посреди боя на секунду отвлек ее. — Ты можешь двигаться быстро. Только убери ограничение. Ты можешь даже парить.

Настя не сразу поверила ему. Но потом вспомнила момент, когда парила в воздухе вместе с демоном. Тогда это была его сила. Но сейчас она больше, чем он. Она сама Жизнь, так кому, как не ей, обладать возможностью творить чудеса!

И в очередной раз, отражая нападение Ноктурны, она с силой оттолкнулась ногами и прыгнула, желая задержаться в воздухе на достаточное время для нанесения удара горящим мечом. И когда она действительно повисла в воздухе и рубанула по щупальцам Ноктурны, которыми та пыталась достать до Насти, вопль невероятного восторга сорвался с губ. И вместе с ним вдруг засветилась золотым светом кожа.

Ноктурна с ненавистью смотрела на девочку-богиню. Мерзавка расширяла свои возможности прямо на глазах. Болезненно шелохнулось в ее животе страшное дитя. И она с яростным ревом, призвав всю Тьму, что была в ее силах, обрушила ее на светящуюся земную.

Самаэль обманом выматывал Люцифера. Грузный и неповоротливый, заостеневший за тысячелетия от проклятий, падший архангел напрасно пытался преодолеть мощь демона. От ненависти и злобы внутри него полыхала страшная лава, кроваво-красной густой жижей вытекавшая из ран. То была энергия, которую он не тратил и берег для этой встречи. Самаэль резал не только мечами, его крылья стали острее клинков дамасской стали, он весь стал гибелью и смертью. Его взгляд поражал не хуже кинжала. Золото в карих глазах светилось, грозя захлестнуть Тьму.

От ненависти Люцифер окончательно потерял контроль, бросался на него, как бык на красную тряпку. А Самаэль резал, кромсал, протыкал его, пытаясь нанести как можно больше ран, через которые падала вниз густая лава, сжигая всех воинов на земле. От этого чудовище становилось все более грузным, неповоротливым, и Самаэль смог добраться до его души, воткнул в нее свои мечи и с воплем от напряжения и усилия вырезал ее и разорвал на части. Эта тварь даже братом его не могла называться. И презрительно выгнув губы, демон смотрел, как плавится и обрушивается вниз то, что было некогда прекраснейшим из архангелов.

Ярость от того, что столько тысячелетий они не смели сойтись в этом бою, что он столько раз уклонялся от него, воздерживался идти на брата, избегая наказать того, кого обязан был покарать, от того, что сражение окончено, и от того, что Люцифер все-таки убит, вдруг овладела им, и он издал вопль, полный гнева. Отец добился-таки своего. И Люцифер пал от его руки. Как он и требовал.

Самаэль устало вернулся в свою привычную форму и огляделся. Кругом шел бой. С падением Люцифера война не окончилась. Необходимо было прикончить Ноктурну. Он видел, как ярко вспыхнула золотом Настя. И в тревоге полетел к ней. В этот момент Ноктурна взметнула огромное пространство Тьмы, и Настя исчезла в нем, сверкнув напоследок.

Боль резанула в сердце. Самаэль ускорил полет.

Наташа бежала изо всех сил, сверху падали раскаленные капли, словно жидкие камни или метеоритный дождь, девочка не понимала, что то была кровь Люцифера. Она не смотрела по сторонам, чудом избегала сражающихся и лавы. Она смотрела только на ту, что когда-то была ее мамой. Она бежала к ней, опасаясь, что не успеет, что придет слишком поздно и не сможет спасти.

Наташа не слышала воплей следовавших за ней Ролана и Габриэля, которым доставалось в погоне за ней, будто все то, что могло обрушиться на Наташу, в итоге перепадало ангелу и демону. И они отражали удары, убивали чудовищ, уклонялись от лавы, падающей с неба, прожигающей землю вокруг них.

Огненный дождь озарял поле сражения, а белое одеяние Наташи было видно издалека. Она была словно голубкой мира, выпущенной посреди страшной резни.

— Мама! Мамочка! Мама! — Она шептала тихо, пока бежала, не уверенная, что добежит.

Боги, увидев ее издалека, белоснежную и чистую, расступились, пропуская вместе с ангелом и инкубом к Насте.

Наташа остановилась при виде черной мощи Ноктурны. Почти бесцветные, отливающие белым золотом глаза демонессы и ее длинные, живущие своей жизнью волосы пугали ее. Но вместе с тем она ощущала там, глубоко под всей этой чернотой, свою маму.

Она посмотрела на Настю, та тоже теряла свой земной облик: с горящими зелеными глазами, переливающаяся золотым светом и с огненным мечом в руках она была похожа на ангела. Только крыльев не было. Ее света было меньше, чем черной тьмы Ноктурны, и Наташа вдруг поняла, чего не хватает земной. Не хватало ее, Избранной. Недаром именно Настя носила все это время ее кулон, словно свое предназначение. Они обязаны быть рядом. Две смертные девочки, которых вынудили бросить вызов высшим силам. Те, кто не выбирал свою судьбу, подчиняясь решению высших сил. Они обе связаны.

## ГЛАВА 17

Ролан следовал за бегущей Наташей, и еще никогда он не обмирал так от страха. Он боялся потерять ее из вида хоть на миг, но если Избранная ускользала от врагов, то ни Габриэль, ни он сам от них не могли уклониться. Это было невероятно: совершенно незащищенная хрупкая Наташа, бегущая по полю боя неуязвимо, как если бы ее вела рука высшей силы, казалось, была невидимой для демонов, что обрушивались на них. Они отражали нападения, спешили отделаться от противников как можно скорее, чтобы бежать за ней дальше.

Ролана поражало то, что они с Габриэлем внезапно стали понимать друг друга без слов и жестов, будто один постоянно знал, где находится другой и нужна ли ему помощь. Они не просто сражались спина к спине, они прикрывали надежно тылы друг друга. Шутки, злость и соперничество казались ерундовыми. Они были ненастоящими. Настоящее только одно — сохранить жизнь Наташе.

Когда они приблизились к богам вслед за Наташей, Ролан приготовился сражаться и с ними, но те пропустили их и приняли на себя удар преследующих их тварей.

Габриэль бежал впереди, Ролан слышал его боевой клич: петушиные, задорные и задиристые переливы, которые внушали отвагу всем вокруг. У этого ангела, без сомнений, была способность звуковой манипуляции. Даже Ролан заряжался от него, приободряясь.

Впереди уже отчетливо было видно Настю и Ноктурну, которые сцепились в смертельной схватке, и Наташу, которая приближалась к ним. Ролан прибавил скорости.

— Мама! — Крик отвлек Настю от Ноктурны, и она в последний момент успела уклониться от удара. Обрушив в свою очередь удар мечом, она сначала замахнулась прямо, потом уверенно качнула корпусом вправо, намереваясь нанести следующий удар оттуда, а когда Ноктурна выставила защиту справа, отклонилась влево и атаковала. Но Ноктурна увернулась. Злость холодной белизной сверкала в ее зрачках.

— Мама! — Вопль повторился, но Настя не спускала больше глаз с противницы. Наташа сейчас была как нельзя кстати: Настя не чувствовала усталости, но понимала, что одна против Ноктурны не справится, они были словно две равные по силе соперницы, не уступавшие друг другу по мощи. Возможно, девочке удастся дозваться до того человеческого, что еще, может быть, оставалось в этом демоне.

— Мама! Посмотри на меня!

Детский голос был тонким, дрожащим, среди шума битвы практически неразличимым. Ноктурна вскинула щупальца Тьмы, намереваясь добраться до Насти.

— Ноктурна!

А вот этот голос был ей знаком. Она нехотя отвела взгляд белых глаз от Насти. И зарычала.

Габриэль стоял рядом с какой-то девчонкой. Той самой девчонкой. Ангел выглядел весьма странно с синим ирокезом и татуировками, пирсингом в ушах. Но это был он. Строгую синеву его глаз она узнала бы всегда.

— Тварь! — И она обрушила на него первый удар.

Она убила бы его. Но тут выскочила эта мелкая девчонка в белом. Ослепительно и болезненно белом. Ноктурна даже прищурилась.

— Мама, не надо!

Какая еще мама? Когти на ее руках загнулись, превращаясь в лапы гарпии. Она сейчас сожрет эту Слепящую мелкую тварь. А потом ошиплет Габриэля.

Она накинулась на обоих, но Настя вклинилась между ними, отводя удар. От его силы у нее подкосились ноги, и она уперлась одним коленом в землю.

— Уходите! — крикнула она Габриэлю.

Нет в ней ничего человеческого. Это просто уничтожающая все сила взбунтовавшейся природы.

Габриэль схватил Наташу и потащил прочь. Ролан уже догнал их и встал перед ними, готовый прикрыть их отступление. В этот момент Наташа вырвалась из хватки ангела и бросилась бежать к Ноктурне.



Та обрушила на Настю решающий удар, намереваясь прикончить ее. Земная девчонка вопила от напряжения, пытаясь удержать защиту, носки ее сапог зарывались в землю, пока ее тащило назад. Она упиралась.

— Нравится играть с огнем, деточка? Получи!

И огненная стена накрыла девчонку. В последний момент ее заслонил собой Тор. Настя вызвала из земли волну силы, закрутила ее и отправила на Ноктурну, воздушные потоки рвали на части попадавших в нее демонов. Когда пламя рассеялось, Настя увидела перед собой сгоревшее тело: Тор был мертв.

В этот момент Наташа бросилась к Ноктурне. Настя еле поднялась на дрожащих от изнеможения ногах. И восстановившись, вклинилась между девочкой и демонессой, приняв на себя удар тьмы.

— Мама, нет! — Наташа вцепилась было в щупальца тьмы, пытаясь оттащить их от Насти, но тут же взвыла от боли, кожу рук жгло, будто она окунула их в кислоту.

Ноктурна оказалась совсем близко от Насти, и та с ужасом заметила, как ходит ходуном ее черный живот. Похоже, созданию внутри не терпелось вырваться наружу.

Она хотела поднять меч, но одно из щупалец перехватило клинок, и Насте не удалось освободить его. Над ее головой клубились хищно обостренные, черные, ядовитые конечности тьмы. Как в замедленной съемке, она увидела, как они опускаются на нее, заслоняя свет.

Кто-то с силой отпихнул ее в сторону, отчего она откатилась на пару шагов, спасших ей жизнь. И как во сне, между ней и Тьмой появился граф Виттури со своими мечами наголо. Он повернулся к ней и подмигнул.

Они лишь на миг встретились взглядами. И в этом мгновении в силу его способностей и ее состояния они вдруг поняли все друг о друге. То важное, что ускользало в погоне за Ноктурной и сражениях: они любили. Она любила его не той любовью-помешательством, с какой очаровалась им в самом начале. Она понимала его, Самаэля, мятежную душу, полностью, с абсолютной верой в лучшее в нем. С уважением и восхищением. И его бесконечная и бессмертная душа под напором этой любви таяла, обновлялась и становилась лучше. Умереть ради него и ради всего мира было такой мелочью. Лишь бы он жил.

Все это время он ждал ее. Девушку с глазами грустными, как любимый им полусвет. Настю, что смотрела однажды на него с замутненным от страсти взглядом, Анастасию, которая излучает нежность и уверенность. Земная женщина, способная любить его, бога и господина всему, как равного. И даже превосходить его во многом. В силе прощения, сочувствия и веры. Она нужна ему. Что этот мир без нее? Грязь. Он без нее не хочет жить дальше. Не должен. Ведь есть она, чистая, нежная, добрая, отчаянная. Чертовски смелая. Решительная и готовая пожертвовать собой. А если ее не станет — как дальше двигаться, дышать? Ради чего? Она смысл всему. Она. Анастасия. Щит, которым все они трусливо пытаются прикрыться. Источник, которым они все питались. Она — сама жизнь.

Его всегда боялись, презирали, желали, но когда его любили? Когда он испытывал желание сложить все перед одной, доверить свою жизнь настолько, чтобы погрузиться в сон рядом с ней?

Он — наказание для людей. Он боролся за их души, а должен был сражаться за нее одну. И ее одну он предал. Царь, бог, демон... тварь! Как может он позволить свершиться этой жертве? Даже дни творения не стоят ее. Весь мир не стоит ее. Зачем спасать его, если ее в нем не будет?

Нет. Анастасия должна жить. Любой ценой. Он спасет ее. Потому что без нее он — ничто.

Только мгновение, и они снова обратились к противникам. Бой продолжался. Для Насти не поменялось вокруг ничего, кроме ощущения радости, что демон все же любит ее. Для него изменилось все.

Он повернулся к Ноктурне.

Только сейчас Настя различила страшные вопли Наташи. Ее руки были алыми до локтей, и когда Настя приблизилась, то поняла, что с них слезла кожа. Молясь, чтобы ей хватило сил на исцеление Наташи и на последующую борьбу, она провела рукой над обожженными конечностями.

Передав девочку Габриэлю и Ролану, она велела им уходить с поля боя и увести Наташу. Девочка плакала и звала маму. Затем Настя развернулась и пошла туда, где демон сражался с Ноктурной.

С небес шел пепел. Земля была черной и обожженной, взрытой и жалкой. Вокруг все было черно, дымно. Ангелы белыми вспышками носились среди черноты демонов и красных языков огня. Пора было с этим кончать. Она не знала, что стало с ее друзьями, но она видела трупы кругом. Трупы многих, кто был сегодня утром в рядах их войска. Она споткнулась и увидела у пыльных сапог череп акка. Слишком многие пали. Она покрепче перехватила меч и решительно шагнула вперед.

— Подожди! — Настя обернулась. Азazelло.

Демон стоял и буравил ее красными глазами.

— Пусть он погибнет, молку, земная. Ты избавишься сразу от двух врагов.

— Он мне не враг.

— Он твой враг. Главный враг. Все это время он приближался к тебе, втираясь в доверие. Поверь, когда все кончится, он убьет тебя, чтобы завладеть силой Матери.

— Доказательства? — Настя сверкнула зелеными глазами, Азazelло на миг онемел, ему показалось, сама Мать смотрит на него сквозь эти зрачки.

— Пойми, земная, ему надоело быть просто демоном, он хочет большего. Хочет власти и мощи. Отец его выгнал, и он рвется теперь овладеть силами Матери для того, чтобы затем свергнуть и Отца.

— Не верю. — Настя покрепче сжала рукоять меча. — Уходи, Азazelло. Или сражайся, или уходи.

— Я предупредил тебя. Дальше решай сама. Но Мать доверила тебе свою силу не для того, чтобы отдать ее демону.

— Не волнуйся, Азazelло. — Настя чуть улыбнулась. — У меня иная судьба. Берегись!

Он не заметил приближающегося сзади демона на паучьих лапках. Настя рванула вперед, прикрылась мечом от атаки одной лапы, срезала вторую, к этому моменту Азazelло успел пронзить копьем демона прямо в горевший синим глаз.

Демон не успел поблагодарить земную за спасение, она повернулась к графу и Ноктурне.

Итсаску, Диего, Локи и Рита при помощи агентов, духов и ангелов успешно теснили левый фланг демонского войска. Серж остался в лесу вместе с остальными ранеными. Цезарь присоединился к богам, теперь у них получалось склонить к медленному отступлению союзников Ноктурны.

Мимо него Ролан провел сопротивляющуюся Наташу. Девочка что-то бормотала про силу Насти и помощь, но инкуб не желал ничего слушать. Кажется, его протеже была ранена. Цезарю некогда было вникать в подробности. Вокруг было полно врагов, а если Цезаре чем и наслаждался в этой жизни, так это сражениями. Давало знать о себе далекое прошлое наемника.

Он не увидел, пока добивал демона полульва-получеловека, как Наташа пробежала мимо, выскользнув из рук Ролана. Повернувшись с окровавленным мечом на крик инкуба, Цезарь увидел, как девочка приблизилась к Насте, которая с решимостью возвращалась к Ноктурне.

Граф Виттури или, как его теперь было бы правильной назвать, демон Самаэль сражался с демонессой на равных, пока она, злобно хохоча, пыталась прикончить его. Но при виде Насти глаза твари вспыхнули ослепляющей ненавистью, и она, отбросив ударом Самаэля подальше, обрушила на Настю вихрь из пепла и крови.

Эта сила Насте была недоступна. Все стихии, что подчинялись ей, она отражала или преображала, а этот удар не ожидала и на мгновение ослепла от захлестнувшей ее горячей волны.

Выставив вперед руку, она попыталась разбить обрушившуюся на нее массу, но ничего не получалось. Пепел залеплял дыхательные пути и глаза. Настя наклонила низко голову, пыталась освободиться, но внезапный удар по ногам подсек ее, она упала на землю и захлебнулась до рвоты.

Яркая белая вспышка, и волна спала. Давясь и вытираясь, Настя поднялась. Светящимся щитом стояла перед ней Наташа. Настя вызвала волчиц, справа от Наташи появился Габриэль, слева инкуб.

Они пошли в атаку одновременно, Наташин свет расширялся, захватывая все больше пространства, обжигая тьму Ноктурны. Самаэль, освободившись от очередной атаки Ноктурны, пользуясь тем, что она отвлеклась на Настю и ее маленький дерзкий отряд, пошел в решительную атаку.

Подбегая на помощь, Цезарь видел, как белый свет Наташи взлетел куполом до неба и погас, девочка упала, маленькой искрой на прощанье сверкнул ее кулон. Волчицы драли на части вылезающих из темного облака под Ноктурной тварей, инкуб и ангел пытались защитить

Избранную. Настя с горящим мечом сражалась так яростно, что он сразу понял, что она проиграет. Одно из щупалец обвилось вокруг ее тела, она воткнула в него огненный меч, пытаясь освободиться, Ноктурна взвизгнула, ее лицо вдруг потеряло человеческий вид, зубы стали острыми, пасть огромной, и она проглотила бы Настю целиком, но тут черная крылатая тень встала между пастью и Настей, и Самаэль вонзил свои мечи прямо в ее язык.

Раздался страшный визг. Щупальца всклубились, разбрасывая волчиц как мягкие игрушки, инкуб еле успел вытащить Наташу, когда на место, где она лежала, обрушился судорожный удар щупальца.

Ноктурна мотала головой, пытаясь вытащить мечи, Настя вырвалась из хватки и, оттолкнувшись от щупальца, воткнула горящий меч в сердце демонессы.

Мгновение, и Ноктурна, покачнувшись, обрушилась прямо в свою же клубящуюся в агонии тьму. Самаэль успел подхватить Настю и отнести ее в сторону. Ноктурна хрипела, исходила ядовитой фиолетово-черной пеной, ее живот надулся еще больше, а она становилась все меньше, возвращаясь в человеческий свой облик.

Наташа приоткрыла глаза и перевела взгляд с обеспокоенного лица Ролана на умирающую Ноктурну. Только она и Настя видели, как легкая, полупрозрачная тень Ирины отделилась от тьмы демонессы и шагнула, молитвенно протягивая руки, к дочери.

— Мама! — Девочка потянулась к ней, но в этот момент одно из щупалец, упав на призрака, окончательно рассеяло его в пыль.

## ГЛАВА 18

Когда Самаэль поставил девушку на землю, его рука все еще обнимала ее за талию. Настя подняла на него полный надежды взгляд. Он улыбнулся:

— Кажется, вместе нам удалось ее прикончить. Ты была мне нужна.

— Только для этого? — спросила Настя, вспоминая горькие слова Азazelло. Если он ее сейчас убьет, то так тому и быть. Сопротивляться не было сил.

— Для этого. — И он поцеловал ее, крепко прижав к себе.

Она тут же обняла его в ответ, отвечая, адреналин боя играл в крови, хотелось забыть весь мир и окунуться с головой в захлестнувшие ее чувства. Теперь все будет иначе. Теперь они будут вместе. Слишком нежно он обнимал ее, слишком много любви было в его глазах. Теперь, когда гибель мира позади, они могут наконец поговорить, остаться вдвоем, довериться друг другу...

Вопль ужаса отвлек их от немого разговора, полного произнесенных обещаний. Они обернулись.

Труп Ноктурны зашевелился, и Самаэль слишком поздно понял, что происходит. Черный живот вдруг разошелся и лопнул, а наружу показалось нечто с многочисленными лапками, ощупывающее края треснувшей кожи сначала неуверенно, а потом оно проглотило труп и увеличилось в размерах, черная пустота с тысячей маленьких сверкающих глазок принялась с молниеносной скоростью пожирать пространство вокруг себя вместе с землей.

Вот он какой, этот Зверь, предсказанный и описанный столько раз! Цезарь понял, что если и есть возможность его остановить, то только сейчас, пока он еще мал. И бросился в атаку.

— Цезарь, нет! — Габриэль бежал ему наперерез, но не успел.

Черное Ничто сделало выпад навстречу Цезарю, тот почувствовал резкую боль, его тело разделилось на мельчайшие частицы мгновенно, и все было поглощено чернотой.

Настя закричала от боли и, ослепнув от ярости, бросилась на тварь с горящим своим мечом.

Между тем чернота переформировалась, из нее выступили стальные иглы, словно мрак дикобразом ошетинился навстречу возможным соперникам.

Он пожирал пространство и рос с огромной скоростью, Ролан подхватил Наташу и бросился бежать, понимая, что еще немного, и Тьма доползет до них. Наташа совсем погасла и была без сознания, он лишь надеялся, что никто из демонов не преградит им путь.

Самаэль вытащил мечи, опережая Настю. Габриэль и остальные ангелы пытались остановить продвижение Зверя, но это было все равно, что пытаться остановить цунами.

Зверь атаковал Настю, она чувствовала, как огромная сила пытается разорвать ее на частицы. Понимая, что у нее мало времени, рванула вперед, намереваясь проткнуть Ничто оружием.

Она видела, как огонь стал отделяться с клинка, словно его засасывало в черноту перед ней. Ее движение теперь не контролировалось ею, ее затягивало в черную дыру помимо воли.

Самаэль схватил ее в последний момент за шиворот куртки, та стала расходиться по швам, тогда он перехватил Настю за талию, его самого тоже стало затягивать в пасть Зверя, он чувствовал, как его разрывает на части, но, приложив титаническое усилие, смог выдернуть Настю из ауры Зверя, девушка совсем ослабла, тварь выкачивала из них силу. Самаэль в последний раз посмотрел на ее бледное лицо и отбросил, как мог, далеко, а потом, вытащив мечи, метнулся в самое сердце Тьмы, не сопротивляясь больше притяжению.

Настя, понимая, что это самоубийство, горько закричала, пытаясь остановить его, но он уже исчез во тьме Зверя. Она вскочила и бросилась к нему.

Зверь слишком поздно почувствовал, что добыча опасна. Его стальные иглы со стрекотом и звоном сложились в острый клинок навстречу Самаэлю. Тот разломил их ударом мечей и вонзился в ядро Тьмы.

Ударной волной отбросило назад бегущую за Самаэлем Настю. На мгновение ей перебило дыхание, и все перед глазами погасло. Повалило всех вокруг, дошло до леса, и в радиусе десятков километров от поля сражения полегли деревья и строения.

После грохота, воплей и криков повсюду воцарилась страшная тишина.

Настя приходила в себя медленно. Сначала, открыв глаза, не сразу поняла, где находится. Над ней было голубое небо, и яркий дневной свет лился со всех сторон. Она приподнялась на локтях, увидела поле битвы, разбросанные тела ангелов, демонов, агентов, кто-то из них тоже начинал приходить в себя. Она встала, ноги дрожали и подкашивались. Прямо перед ней находился огромный котлован, на самом краю которого лежало тело Самаэля с распростертыми огромными крыльями.

Она бросилась к нему. Бежала, а сердце тревожно стучало, часто и больно. Упав на колени рядом, она осторожно перевернула его лицом вверх. Демон со стоном пошевелился. Он весь был изрезан, несколько стальных игл торчали в теле, а еще Самаэль странно дымился.

— Демон! — Настя радостно наклонилась к нему в ответ на стон.

Он с трудом открыл глаза. Они были почти желтыми, с вкраплениями карего.

— Твои глаза! — не сдержала она удивления. А потом поспешно спросила: — Как помочь тебе?

— Не надо.

Он снова опустил веки, явно страдая от боли: судорога пробежала по лицу.

— Я должна уйти от тебя! — вдруг вспомнила она, подумав, что черпает из него силу и мешает ему восстановиться. Но он крепко схватил ее за запястье и остановил.

— Нет. Останься. Я слишком устал.

— Демон! Ты не понимаешь. — Слезы полились, едва она поняла по его взгляду, что на самом деле происходит. — Ты слабеешь из-за меня!

— Останься. — Он с такой силой держал ее, что не вырваться.

— Прошу тебя! — Слезы капали с ее подбородка на него. — Умоляю, Самаэль! Не умирай. Дай мне уйти. Прошу!

— Это ничего не изменит, — он с трудом сглотнул, — посмотри на меня. Им нужна была жертва. И они ее получают.

Она запустила было руку в его волосы, но вскрикнула, уколовшись о колючки венца, обвивавшего его лоб.

— Нет! Это была моя жертва! Моя!

— Прости. Но я так решил. Взять твою жертву на себя. Я не хочу выбирать между тобой и остальными. Я растворюсь в небытие. Время остановится, наконец прекратит тикать у виска. Капли часов перестанут бить меня, годы и века перестанут мелькать перед глазами. Все остановится. Все прекратится. Все станет далеким. Кроме любви. Я стану любовью. Я стану тобой, стану Им. Я буду всем и ничем. Невесомость без мыслей, без власти, без чужих душ. Кроме любви, твоей любви. Я не один, ты не одна. Я стану твоим дыханием, ветром в волосах. Буду снегом на твоих ресницах. Дождём, ласкающим твои щеки. Я не один, если ты будешь. Если ты будешь, Настя. Останься. Я так хочу.

Он терял личину человека. Под ним простирались перебитые крылья, которые догорали и осыпались в пепел подобно тлеющим головешкам бревен. Его лицо тоже серело, словно проступал пепел лет, покрывалась трещинами кожа. Под человеческой личиной обнажалось лицо демона. Зачем он говорил ей, что страшен? То было лицо павшего героя, измученного, уставшего грешить, жаждущего прощения и не находящего его. Это было олицетворение борьбы, смятения, страсти, боли, отчаяния и безнадежности. Он был прекраснее всего, что она видела когда-либо, и оттого пугал ее своим совершенством. Но прекрасное лицо, мелькнув на мгновение, стало сереть и покрываться пеплом. Ей казалось, он вот-вот осыплется. Она рыдала так сильно, что, казалось, выплачет сейчас все слезы, что были ей уготованы судьбой. Слезы капали на него и, шипя, испарялись, будто он был раскален. Но она прижимала к своей щеке его руку, чтобы последний раз почувствовать его прикосновение, его настоящее прикосновение. Пепел с его кожи прилипал к ее мокрым щекам и губам.

— Не уходи, демон, не уходи. Останься, живи.

И в то мгновение, когда легкий ветерок стал сдувать пепел с павшего демона, стирая его, крадя у нее, она в отчаянии крикнула:

— Хочешь, душу мою возьми, только не умирай, демон!

Но тут сильный порыв ветра вдруг налетел на нее, прижал к земле и унес с собой пепел павшего ангела, не оставив ничего.

— Анастасия... — Кто-то положил ей руку на плечо, но она смахнула ее. Жизнь без него разве имела смысл? Сейчас она хотела переиграть весь бой и умереть, зная, что он будет жить.

Рафаэль приземлился рядом с растерянно взирающим на скорчившуюся девушку Габриэлем. Отодвинув его в сторону, архангел нежно, но настойчиво развернул ее к себе, а когда она еще пуще разрыдалась при виде него, вытер ей слезы.

— Усмири свое горе, Анастасия.

Она всхлипывала и не могла остановиться.

— Нельзя быть такой эгоистичной. Он спас тебя!

— Он обманул меня! Он говорил, что бессмертен!

— Глупая девочка! — Ангел вытирал терпеливо ее слезы, которые катились по щекам. — Он стал уязвимым, потому что полюбил тебя.

— Я не просила его спасать меня! Я не просила!

— Но это был его выбор. Не твой.

— Настя. — Диего забрал ее из рук архангела и крепко обнял. На его плече она окончательно погрузилась в боль и горе. Диего крепко сжимал вздрагивающую от рыданий девушку, а сам с горечью думал о том, что они оба познали глубину потери тех, с кем никогда бы не были вместе.

Рафаэль покачал головой. Он видел, как глубоко страдает Настя, такая боль не уйдет так просто. У них с Самаэлем была странная связь, ему неизвестной природы. Он не был уверен, что она сможет быть счастливой с пустотой внутри.

— Ты совершила чудо, Настя. Ты вернула ему свет и любовь. За его чистоту любви к тебе, за самопожертвование, за твою готовность отдать душу, лишь бы дать ему жизнь, его вернули туда, где он и должен быть.

Губы Насти дрогнули. В потухших заплаканных глазах вновь засветилась надежда.

— Значит... он жив?

— Ангелы не лгут, — улыбнулся Рафаэль.

— Я смогу его увидеть?

Рафаэль медленно произнес:

— Нет. После стольких тысячелетий изгнания он вряд ли вернется сюда.

— Передайте ему... — Настя вдруг замолчала, потом улыбнулась и покачала головой. — А впрочем, нет... пусть будет счастлив.

Она отступила и обхватила себя руками. Диего крепко обнял ее, потому что чувствовал: она держится из последних сил. Настоящая храбрая воительница, разбитая после победы утратой того, ради кого сражалась и держалась. Ангелы уносили погибших, отрываясь от земли со своими ношами и взмывая в небо, окрашенное золотистым светом. Рафаэль пожал ей руку, неловко улыбнулся.

Вспышка яркого света вдруг озарила поле боя. В этом свете демоны сгорели и рассыпались в прах.

Настя прикрыла глаза, ощущая, как этот свет нежно гладит ее по коже, стирая дорожки от слез. Ветерок ласково погладил ее по волосам.

— Я стану тобой, — вдруг послышалось ей.

Она улыбнулась и прошептала:

— Я люблю тебя. — Новые слезы обожгли щеки. — Спасибо. За все...

Архангел отступил от оборотня и Насти, пошел прочь, но Габриэль догнал его.

— А что делать мне? — спросил он, торопясь, почти переходя на бег рядом с широко шагавшим Рафаэлем.

— Тебе? То же, что и раньше, — служить. — Архангел даже не посмотрел на него и пошел прочь. Взмахнув своими огненными крыльями, он взмыл ввысь за остальными.

Габриэль смотрел ему вслед некоторое время, а потом растерянно огляделся вокруг. Увидев вдали склонившегося над Наташей Ролана, ангел глубоко вздохнул и нервно зашагал к ним.

## ГЛАВА 19

Наташа была жива. Руки покрыты страшными ожогами, лицо, тело — в ранах, но Ролан улавливал пульс ее сердца. А значит, и его душа продолжала жить.

Ролан завороченно смотрел на ее лицо. Она была мертвенно бледна, блеее своего испачканного кровью и пеплом некогда ослепительно белого платья. Слишком много испытаний для одной девочки. По какому принципу небеса назначили Избранной именно ее, дитя Ноктурны? И пусть ее свет был лишь эпизодом, яркой вспышкой, почему так неистово должна была она до последнего рваться к Насте, несмотря на раны и страх? И что заставляет его снова и снова защищать ее?

Рядом опустился на колени Габриэль. Он протянул руку и с ненавистью сорвал с шеи Наташи кулон Избранной.

«И даны были ей два орлиных крыла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени», — процитировал ангел.

— Два крыла... — усмехнулся Ролан. — Уж не мы ли с тобой?

— Возможно, что так. Мы должны заботиться о ней. Вместе. — Синие глаза ангела впервые без презрения посмотрели в глаза демона, напоминавшие ему козлиные. — Согласен?

— Ты же решил, — как можно более равнодушно ответил Ролан. — В воспитании детей я не силен, сам понимаешь. Помощь не помешала бы.

— Она не ребенок, она — сам танец, — с любовью глядя на Наташу, ответил Габриэль.

— Значит, по рукам. Но в театр, чур, вожу ее я, — сказал Ролан.

И, встретясь с непонимающим взглядом Габриэля, пояснил:

— Там преподавательницы симпатичные.

Она и не подозревала, что Самаэль так глубоко вошел ей в душу. Настя любила его, была готова пойти на смерть ради него и ради того, чтобы он был, но она не была готова потерять его и остаться жить. Это было неправильно.

— Это неправильно! Ты обманул меня! — кричала она, когда остро ощущала его отсутствие в себе, когда вдруг просыпалась посреди ночи от того, что ей снились его объятия. Она не должна была выжить! Это все не так, как он обещал! Не так, как говорил. Зачем ей жить, если его нет?

— Ненавижу тебя! Обманщик! Подлец! — кричала, шептала, хрипела она, задыхаясь от боли одиночества. Ярость захлестывала душу, прожигала горечью сердце.

— Прошу тебя! Умоляю! Вернись! — корчилась от пустоты вокруг.

Однажды он явился к ней во сне, но так явственно, словно она и в самом деле только что проснулась и обнаружила его в своей постели. Демон смотрел на нее своими золотисто-кариыми глазами с такой любовью и болью, что она протянула к нему руку.

— Ты здесь... наконец-то... Ты снишься мне? — Она провела кончиком пальца по контуру его верхней губы, едва прикасаясь. — Ты мне не снишься.

Слезы полились сами собой, но она боялась оторвать от него взгляд. Он вытер ей слезы с щеки, и она прижалась к его руке, чтобы продлить прикосновение. Пальцами перебирая его волосы, она не могла наглядеться на него и плакала, понимая, что он вскоре исчезнет.

— Не уходи. Только не уходи.

Он улыбнулся слабо и неуверенно. А потом просто растаял в воздухе, и она заплакала в голос, съезжившись на кровати. А потом проснулась. И плакала уже оттого, что это был лишь сон.

Она не могла есть, не могла пить, почти не отвечала ребятам. На третий день к ней явилась в видении полудремы Старая Мать.

Старуха была в гневе. Она влепила ей пару затрещин, от которых зазвенело все тело.

— Разве я тебе для того давала силу, чтобы ты лежала тряпкой и страдала?

— Так забери! — ответила Настя.



— Заберу, не сомневайся! Так же медленно, как сила перетекала из меня к тебе, она начнет убывать. А пока она твоя, будь добра, распорядись ею правильно. Начинай восстанавливать то, что разрушила Ноктурна.

— Но как?

— Найдешь как! — И старуха исчезла.

Настя долго лежала, просто глядя в потолок. Но потом все-таки решила, что Мать права. Страдает не она одна. Эпидемии и разрушения никуда не делись из этого мира. И пока раны на ее душе по-прежнему кровоточат, она не освобождена от обязательств, которые на нее наложила сила Матери. Она должна сделать этот мир чуточку лучше. Может, станет легче и ей.

Она закрыла глаза, и душа сама пустилась в полет, словно только и ждала позволения. Сначала Настя неслась в каком-то прохладном и приятном тумане, ничего не видела и не слышала. Только наслаждалась полетом. А потом резко вынырнула из него, как из облака, и увидела под собой обожженные остовы лесов.

В течение долгих изматывающих часов она поднимала из земли робкие ростки новых деревьев, помогала пробиваться траве и цветам, возвращала птиц и животных. Ей удалось восстановить только маленький кусочек леса, прежде чем в изнеможении опуститься на выращенный мох и закрыть глаза.

Когда Настя очнулась, оказалась у себя. Не было сил двигаться и говорить. Плакать тоже не было сил. Но с сожалением она поняла, что кое-что осталось неизменным даже после изнуряющей работы.

Легче не стало.

Фантомная боль. В медицине есть такое понятие. Когда тебе ампутируют конечность, мозг не может смириться с потерей. И конечность болит, хотя ее нет. Это боль-обман, боль-эхо, рождаемое в голове. После смерти демона Настя испытывала такую боль. Солнечное сплетение не могло смириться с ампутацией. Тяга, что существовала между ними, связь, рассеченная его смертью, продолжала существовать в ней. И это было очень больно. Не было наркотика, лекарства, заговора, способных унять эту боль. Иногда хотелось кричать и выть. Плакала ночами, потому что видела его во сне. Боль уходила, когда она во сне проводила пальцем по контуру губ демона, запоминала взгляд и улыбку. Она просила его вернуться. И просыпалась от боли. Ей понадобится время, очень много времени, вечность, чтобы забыть его.

— Я никогда не думала, что любить так больно, — сказала однажды Настя во время паузы в кафе.

Пепе она ничего особо не рассказывала, но знала, что он читает на ее лице эмоции так же, как угадывает их у посетителей. Она знала, что он давно ждет этого разговора, чтобы поддержать ее, но до сих пор начинала плакать при одной мысли о Самаэле. Теперь она нашла в себе силы.

Пепе прочистил горло, снял очки, протер их и снова надел. Его стариковские руки, испещренные венами, морщинками и пятнами, действовали уверенно. Затем он поднял на Настю почти бесцветные от времени глаза.

— Любить по-настоящему. Это больно. И не важно, счастливая любовь или несчастная. Даже если бы твой возлюбленный был рядом, все равно было бы больно.

— Но не так.

— Иначе, конечно. Но боль в настоящей любви переплетена со счастьем. Она как терновый венец на челе абсолютного прощения. С ней надо научиться жить.

— Дышать я научилась. Но жить... Это не жизнь, Пепе. Это просто жалкое существование ампутированной конечности. Я больше не целое, я ополовинена. Знаю, что должна быть цельной без него, но не могу, потому что...

— Потому что он никогда не будет целым без тебя.

— Мы труп, разрубленный надвое. Вот и все. Есть такие встречи в жизни, которые навсегда.

— Видишь ли, Настя, каждый из нас свободен. Мы думаем, что мы связаны. Но мы свободны и одиноки. Великий подвиг заключается в том, чтобы объединить две свободы, а не заключить в одну камеру двух узников. Когда вы свободны, когда между вами — небесный ветер, тогда вы можете выбирать, быть ли вместе. И это решение будет свободным для каждого из вас. Ты не заставишь его

вернуться.

— Я знаю. Я свободна. Я мертва и свободна. Я выбрала это сама.

— Теперь дождись, что выберет он.

Настя вздохнула. Разговор имел смысл, страдай она от безответной любви. Но она страдает не от любви, а от потери любимого. Она отпустила его, желает ему счастья, хочет свободы для него. Но залатать пустоту внутри себя гораздо тяжелее. И практически невозможно, когда на месте этой пустоты был демон.

Раньше, когда она слышала выражение «сердце кровью обливается», она думала, что такое невозможно. Это глупое выражение: сердце качает кровь, оно не может ею обливаться. Но, видимо, иначе передать ту боль, то огромное отчаяние, что ложится на сердце, вспарывает его железными и ядовитыми шипами, источая ощущение необратимости происшедшего горя, невозможно.

А мир тем временем восстанавливался после незавершившегося Апокалипсиса. Люди стремились извлечь уроки из пережитых в краткое время эпидемий и катастроф, агенты возвратились на свои прежние посты. Пока еще неясно было, что будет дальше. В гибель графа Виттури не верилось не только Насте. Агентства пока не распались окончательно.

Она сама решила побыть некоторое время в Барселоне. Появляться в том состоянии, в котором она была, перед семьей было невозможно.

У всех них были ключи от агентства, и когда она открыла уже знакомую дверь, то заплакала, понимая, что Лика уже не угостит чаем, а Цезарь не попросит зайти в кабинет для очередной лекции. Без них агентство казалось таким пустым. Шаги раздавались гулко, словно в пустоте.

Она нашла на кухне остатки приготовленного Ликой печенья и напилась соленого чаю, давась слезами. Потом приняла душ и съездила за вещами: жить с Юкой и Мартином она бы не смогла. Выходя из квартиры ребят, она остановилась и позвала домового. Он не появился, но сумка качнулась и стала тяжелее в ее руках.

Она прожила в агентстве несколько тихих дней, работая над восстановлением мира, все остальное время просто существуя. Домовой и правда переехал: помещение уже не казалось таким пустым и брошенным, то и дело раздавались чьи-то шаги и поскребывания. Она не боялась. Она так устала, что даже страха не испытывала. А когда она плакала ночами, домовый сидел рядом, смотрел сочувственно круглыми желтыми глазами и нежно слизывал слезы с щек.

Итсаску и Серж были единственными, кто постоянно навещал ее в эти дни, тормошил, заставлял гулять и тренироваться. В ней все еще бродила сила Матери, хоть ее интенсивность схлынула после сражения. Настя ждала, когда Мать вернет себе ее всю. И оставит ее окончательно опустошенной. Интуиция подсказывала, что долго она после этого не проживет. Слишком привыкло тело к постоянному току энергии.

Локи и Рита уезжали в Ирландию. Они заехали в агентство попрощаться. Пришел и Диего, невесть где пропадавший все это время. Рита, обнимая Настю, не могла сдержать слез.

— Все будет хорошо, земная, — врала она, перебирая Настины волосы. Настя кивала, слушала ее хриловатый голос, обнимала крепко, как сестру. Ведь Рита тоже страдала от гибели графа Виттури. Она любила его. Но в то же время у королевы ведьм был Локи.

Рита знала, что вряд ли увидит Настю живой по возвращении. Девушка уже была измучена горем и совсем бы растаяла, если бы не постоянный надзор Итсаску. Вампириша подкладывала ей на тарелку стряпню Сержа и следила, чтобы Настя все съела. Просто удивительно, какое сердце скрывается порой под броней равнодушия и сарказма. Если бы не Итсаску с Сержем, разве Настя выдержала бы так долго?

Рита покачала головой. Вампириша сражается напрасно. Без той связи, что была между графом Виттури и Настей, ни один из них в отдельности долго не продержался бы. Итсаску лишь оттягивает ее конец.

Перед отъездом она дала Итсаску мешочек трав.

— Завари их, если она будет слишком сильно мучиться.

Вампириша странно посмотрела на нее, но мешочек взяла.

Рита намеревалась провести пару месяцев в Баллино, чтобы напитаться силой среди камней и

пообщаться с друидами. Локи сопровождал ее. Они теперь были неразлучны. Диего смотрел на них и на Итсаску с Сержем так, что Настя подумала, он завидует этим парам. А он слушал, как взволнованно стучат сердца влюбленных при взглядах друг на друга и прикосновениях. И еще два маленьких сердца, чье биение он уловил своим звериным инстинктом. Рита не сказала, что беременна. Возможно, ведьма сама еще не знала об этом?

Он ушел раньше всех. Крепко обнял Настю на прощание. Пробормотал что-то неразборчивое по поводу того, когда они увидятся в следующий раз.

«Следующего раза не будет, Настя», — подумал он, глядя в потухшие глаза девушки.

Прямо из агентства с маленьким рюкзаком он отправился в аэропорт. Вещи ему были не нужны. Перелет в Эквадор был долгим, выматывающим. Потом еще автобус до деревушки на Амазонке. И наконец он вошел в лес, который встретил его шумно: стрекотом цикад, криками птиц и зверей. Диего медленно разделся, свернул одежду и убрал ее в рюкзак. Затем нашел приметное место: дерево у большого валуна, обернулся пантерой, схватил сумку и затащил ее на верхушку.

Затем пантера мягко прыгнула вниз. Огляделась и принялась. Стрекот цикад не затихал ни на секунду, где-то периодически вскрикивали птицы. В этом шуме Диего предстоит жить. Привыкнуть к нему. Подчинить себе.

Черные пантеры бывают двух видов: ягуары и леопарды. На языке одного из местных племен ягуара зовут дагуар, что означает «как и мы». И черный ягуар нервно дернул хвостом. Он будет продолжать страдать как человек, но будет вести образ жизни зверя. Только в шкуре ему становилось чуть легче, потому что обострялись инстинкты охотника. А тут, в лесах Амазонки, придется выживать. Как раз то, что надо, чтобы пережить потерю Лики достойно. Как она того заслуживает.

И черная пантера исчезла в густых джунглях.

Наташа задержала дыхание перед выходом на сцену. Огни рампы слепили ее отсюда. Но она знала, что когда окажется в центре внимания, то уже ничто не будет иметь значения, только музыка и танец.

Ее обожженные руки были тщательно загримированы. И она больше ничего не боялась. В зале сидели ее хранители: ангел и демон. Впереди новый театральный сезон, новые спектакли, новые вызовы и преодоление себя. Но они всегда будут рядом с ней. Такие разные, такие непохожие, вечно пререкающиеся, ссорящиеся, но ради нее готовые на все. Демон, который влюблен в танец, придает ей чувственности и страсти в исполнении. Ангел, который управляет музыкой, дарит неукротимое стремление к возвышенному идеалу в искусстве. И она, новая королева балета. Избранная небесами для того, чтобы сделать этот мир чуточку прекраснее.

Наташа закрыла глаза, ловя последние аккорды перед своим появлением. И, растворившись в роли, преобразившись в принцессу-лебедя, она выплыла на сцену под аплодисменты поклонников.

## ГЛАВА 20

Свобода от всего. Больше ничто не держало его.

В белом пространстве не было тела и чувств. Самаэль парил над всем, был всем... Его сознание больше не отягчено ни страданием, ни мыслями, ни желаниями. Но что-то мешало окончательно перевоплотиться в дух и приковывало нитью, что была тоньше волоса, какое-то воспоминание мешало, рудимент чувства, что-то мелкое, но очень болезненное, как мелкий камушек, что порой мешает людям идти вперед.

Воспоминание, которому он поначалу в ослепительной белизне своего нового существования не мог дать определения. Это был голос, слов он не улавливал. Только отдельный звук. А потом зеленый цвет чьих-то глаз. Таких печальных глаз, что нить притяжения натягивалась. Эти глаза то и дело появлялись в ослепительной белизне его сознания. И он вспомнил, чьи глаза так внимательно смотрят на него. А потом вдруг почувствовал все на свете, задохнувшись от нахлынувших чужих эмоций. Теперь он был везде и знал все, включая огромное отчаяние и тоску Нasti.

Голос прозвучал вокруг, обволакивая его, качая на волнах резонансных высот.

— Теперь, сын мой, твое пребывание на земле завершено. Ты принес себя в жертву, испил до конца чашу и прощен за непослушание. И я вновь спрашиваю тебя: возьмешь ли ты свое предназначение или снова отвергнешь его?

Самаэль помолчал, взвешивая свое решение.

— Не хочу быть таким, как ты, Отец. Ты равнодушно смотришь на все. Все тебя лишь забавляет. Я не могу так. Я недостойн править.

— Неужели тысячелетия изгнания не научили тебя ничему? Разве ты не понял, что единственный способ помочь этому миру стать таким, как ты хочешь, — это стать для него всем? — Голос звучал устало, грустно. Самаэль помимо воли почувствовал боль Отца.

— Ты отверг меня...

— Глупец... Если бы я отверг тебя, смог бы ты быть там, где хотел быть, с людьми, мог ли бороться за них так, как сражался все это время? Да, я заполнил твое сердце Тьмой, но только для того, чтобы ты мог побеждать ее. Все это время ты лишь перебирал песок в поисках самородков. Я же даю тебе силы создавать новые самородки, новых людей. Новый мир. Ты станешь Отцом.

— Мое правление никак не решит беды человечества и мира. Без Матери...

— Возможно, ты сможешь договориться с ней лучше, чем я, — прервал его голос.

У него не было иного выхода. Все это время он выбирал роль демона, мятущейся души, потому что не хотел становиться всемогущим. Он предпочел дарить выбор, не повелевать. Но ради одной земной девушки можно пойти и на эту жертву.

— Я приму свое предназначение, Отец. Только прошу, дай мне побыть с Настей, пока она живет.

— Ты же знаешь, что, как только Мать отнимет у нее силу, Настя сгорит очень быстро, возможно, ей отведен месяц жизни, не больше.

— Тогда прошу, поспеши. Позволь мне быть с ней. Хоть день, но пока она жива, я хочу успеть стереть страдание и боль из ее сердца. После этого я приму любое предназначение, все, что велишь, Отец.

— Я хочу только одного. Ты знаешь.

— А ты знаешь, чего хочу я.

Терпеть больше эту боль не было сил. Настя ежедневно по многу часов выполняла указание Матери, но не видела в нем смысла. Она лишь растягивает свои страдания. Эта работа была ей дана лишь для отвлечения. Мать и сама может все восстановить без нее.

Она больше не видела смысла в своей жизни. Подумать только, совсем недавно она бы возликовала, узнав, что останется жить. Но такой жизни она не хотела. Дело было не в том, что она зависела от демона, нет. Она научилась быть сильной, самостоятельной, доверять своей интуиции. Но именно интуиция и твердила теперь изо дня в день одну и ту же страшную песню: без связи с ним ты уже не ты.

Связь. Вот что придавало сил в самые страшные моменты. Понимание того, что они связаны не просто так. Что она для него, как и он для нее, важна. И этот свет, что рождался от их близости, развивался и креп для чего-то большего. Теперь же, казалось, что она не успела окончательно все осознать, развиться, а пуповину уже перерезали. А дышать самостоятельно не научили. И она задыхалась от этой боли. Физической боли.

И вот больше сил не осталось.

Она много раз думала, как можно покончить со всем. И все время возвращалась к одной и той же мысли: зеркала графа. Не зря они с первого раза манили и интриговали. Не зря они мелькали то и дело в видениях и реальности. Они ждут ее.

Возможно, они опустошат ее, заберут силу и душу. Тем лучше. Что угодно лучше, чем то, что она чувствует сейчас.

Особняк графа Виттури на Тибидабо. Лакей впустил ее молча, не задавая вопросов. Он всегда встречал ее молча. Только смотрел очень странно своими водянистыми и почти бесцветными глазами. Словно знал всякий раз, зачем она пришла.

Настя каждый раз отводила взгляд и старалась проскочить мимо. Но сегодня ее уже ничто не пугало и не смущало. И она долго смотрела в эти невыразительные и пустые глаза. Пока лакей сам не отвел взгляд. И, отступив в сторону, он поклонился ей.

Она поднялась на крыльцо гостей, а в холл вошла хозяйкой. И пошла по комнатам, открывая все двери.

Она искала комнату с зеркалами в твердой уверенности, что они здесь есть и за ними не нужно лететь в Венецию. И оказалась права.

Здесь, в пустой узкой комнате с маленьким круглым окошком, через которое падал луч света, разрезавший комнату по диагонали на две неравные половины, стояло одно высокое, занавешенное черной тканью зеркало.

Настя приблизилась к нему очень медленно, словно подкрадывалась к опасному зверю. Ей было неизвестно, что именно видели в нем другие, но она была уверена, что зеркало напугает ее чем-то, чего она боится больше всего на свете. Оно заставит ее страдать, но, может быть, заберет и ее жизнь. Уйти в зеркальную пустоту казалось освобождением. Что именно показывают зеркала? Черноту нашей души? Будущее? Самое страшное наше наказание? Как заключать с ними сделку? Она не знала ничего. Но считала, что это будет что-то совершенно неожиданное.

Она не ошиблась.

Протянув руку к покрывалу, она сжала пальцами толстую ткань, вдохнула, будто собиралась нырнуть на глубину, и резко дернула. Полотно с тяжелым шорохом обрушилось с высоты зеркала, открыв черную широкую раму из камня и матовую черную поверхность зеркала. Минуту она стояла перед ним, почти не дыша. Зеркало напомнило ей могильную плиту, и озноб невольно пробежал по спине.

Наконец поверхность пошла волнами, а через мгновение появилось изображение. Она сначала сильно испугалась, увидев себя же, но тут же подавила страх. Она пришла сюда за этим.

Изображение не двигалось. Всмотревшись, она отметила, что оно похоже на ее настоящее отражение: за спиной девушки в зеркале была та же комната. Настя в отражении была одета точно так же, как пришла сюда: в длинное приталенное платье с широким вырезом на плечах. Чуть шевельнувшись, она убедилась, что зеркало и в самом деле всего лишь отражает ее саму. Стон разочарования готов был сорваться с ее губ, когда она заметила отличие: на голове у Насти в зеркале появился прекрасный венок из свежих цветов. Особо выделялись пионы и сирень, было много полевых цветов: медуница, васильки, ромашки. Тонкими прядками устремлялись вверх острые листья осоки и колоски еще зеленой пшеницы.

На лице девушки читалось то же недоумение, с каким созерцала венок Настя. Она даже потрогала свою голову, таким реальным он казался. Но венок был только в зеркале.

— Почему? — спросила она у зеркала. Где вообще страшные черные щупальца, которые должны забрать ее душу? Где нечто ужасное, что заставит ее умереть на месте? Ничего этого не было. Просто венок из трав и цветов? Боги жестоки. Они даже не дают умереть по твоему собственному выбору.

Позади Насти в зеркале мелькнула чья-то тень, девушка обернулась скорее от неожиданности, чем от страха. Но испугалась, увидев Азazelло.

Она не успела спросить, что он тут делает. Азazelло прыгнул на нее, в его руке сверкнул кинжал с волнистым клинком. Все происходило очень быстро, но в сознании Насти эти мгновения записались так четко, будто она видела все на медленной промотке. Заметив кинжал, она забыла о том, что мгновение назад собиралась расстаться с жизнью. Точнее, она хотела расстаться с ней добровольно, а отдавать Азazelло не собиралась. Настя отступила быстро в сторону, демон промахнулся, развернулся к ней, она схватила его руку с оружием и не знала, что делать дальше. Никаких особенных приемов она не знала, единственное, что подсказывало ей чутье: пока она контролирует оружие, она жива.

Настя вызвала волчицу, но Азazelло ударил ее в грудь, запечатывая своей силой зверя в ее теле. Столько ненависти было в его глазах, столько алчности, что она поняла: он ее одолеет. Он пришел за силой Матери.

От удара она ослабила хватку, Азazelло освободился и снова замахнулся. Настя поняла, что умрет, и ее последний взгляд упал на зеркало, которое стояло теперь за спиной у демона. В отражении стоял Самаэль.

Кинжал лишь слегка расцарапал кожу у нее на предплечье: Самаэль выпрыгнул из зеркала, набросился на Азazelло, оба демона откатились по другую сторону от солнечного луча, прочь от нее. Настя машинально скользнула по руке, закрывая порез, а потом у нее подкосились колени, и она опустилась на пол.

В полутьме было видно лишь возню двух тел, затем раздался страшный хрип, и все стихло.

Там, по другую сторону от света, тяжело дыша, остался только один из демонов.

Она протянула дрожащую руку. Ее пальцы пересекли границу темноты и оказались в луче света. Казалось, под кожей видны кости и сосуды, и в то же время залитая солнечным светом ее кожа мягко мерцала. Настя не решалась двигаться дальше. Нет, слишком часто она верила в миражи, представляя его рядом, ощущая его объятия и поцелуи. Нет. Это не может быть правдой. Это не может быть он. Но вот из тьмы к ней на свет он простер свою руку и легонько дотронулся до кончика ее пальца. Потом скользнул вниз, зажимая его между своих пальцев, продел их, перемежая с ее. Она издала жалобный то ли стон, то ли вскрик. Он был реален. Он был на самом деле, или она помешалась. Эта рука, что пожимает ее кисть, тянет на себя, и вскоре она вынуждена податься вперед, теряя равновесие, упасть на него, — реальна.

— Взгляни на меня. — Его шепот потерялся в ее волосах, Настя замотала головой, обвивая его руками, прижимаясь к нему как можно сильнее, закрывая глаза.

Она не хочет смотреть больше правде в глаза. Хочет остаться в этом миреже.

— Взгляни же, Анастасия.

— Нет! Нет! Я боюсь. Ты исчезнешь!

— Больше никогда не исчезну, слово демона. — Он смеялся.

Только его смех, который невозможно подделать миражу, невозможно повторить, заставил ее послушаться. Тесно прижимаясь щекой к груди Самаэля, она, не отрываясь, провела его по его плечу, шее и прижалась к его лицу.

— Ну же, земная, ты же самая смелая. Взгляни на меня. Я тот же, что раньше.

Настя всхлипнула, крепко держа его за плечи, наконец отстранилась и взглянула на него.

Ее изумрудные глаза, самые прекрасные и печальные глаза из тех, что он знал, наполненные слезами, широко распахнулись, пока она узнавала его.

— Вот видишь. — Он запустил пальцы в ее волосы, и она прикрыла веки, отпуская новые слезы по руслам уже пролитых. Он целовал ее дорожки от слез, целовал глаза, губы, шептал:

— Примешь ли ты меня, Анастасия? Такого, каков я есть, и того, кем я был?

Хмельная от счастья, она запрокинула голову, пока он целовал ее шею, и отвечала горячо, захлебываясь от чувств:

— Меняйся или оставайся, но ты тот, без кого мне больно, тот, с кем я счастлива, ты мой мир, Самаэль. Скоро Мать заберет всю мою силу, я не знаю, что будет со мной. Примешь ли ты меня?

— Давно принял, свет мой. — Он целовал ей руки. — Я приму тебя любой, земной и смертной, сильной и слабой. Только люби меня.

— Это так легко выполнить, так легко. — Сердце заходило от счастья, от невероятного счастья, она хватала ртом воздух, обнимала его, целовала и давала целовать себя. И вскоре радость от встречи сменилась уверенностью, что это он, настоящий, и тогда ее накрыло желание, такое сильное, болезненное, что она испугалась.

Он, почувствовав ее так легко, как будто это было его желание, поднял ее на руки и понес прочь от проклятого зеркала в спальню.

Самаэль нес ее и не верил, что не только снова стал собой, но и держит на руках ту, которую так желал любить все это время. Настя была такой легкой... Она так быстро сгорит... Он прогнал горечь из сердца и улыбнулся.

— Анастасия...

Он поставил ее на ноги рядом с кроватью и обошел вокруг, разглядывая. Она дрожала от желания и страха, и он был благодарен ей за оба чувства.

Снять с Насти платье было минутным делом, но он томительно растягивал каждое мгновение: ладони легли на ее хрупкие плечи, погладили их, зацепив за самый край ткани, он медленно, невыносимо медленно спустил с плеч верх платья. Оно соскользнуло с них, но ниже не пошло. Сначала она поежилась от прохлады, но тут же плеч коснулось его горячее дыхание, и мгновение спустя он поставил на одном из них клеймо своего поцелуя.

Пальцы медленно прошли по ее голове, так что от удовольствия волна мурашек хлынула с шеи на плечи и спину. Настя слегка повела плечами, когда Самаэль поднял ее тяжелые волосы. Жар его дыхания приласкал шею, и каждый волосок на коже, казалось, потянулся к нему. Горло перехватило от возбуждения. Но он не торопился. Подушечками пальцев провел еще раз по плечу. Поцеловал шею, между лопатками, а заодно потянул вниз платье, обнажая спину. Поцелуи спускались все ниже, к пояснице, где удовольствие так велико, что спина мягкой волной изгибается в лукавом побеге лишь для того, чтобы его руки обняли крепче. Ей хотелось развернуться, сорвать с него одежду, прервать эту дразнящую игру.

Он почувствовал это.

— Не вздумай, смертная. Ты моя, и я хочу тебя так, как представлял все это время.

Пальцы с талии спустились вперед, к животу. Удовольствие от его прикосновений было болезненным. Оно было практически болью: острой и растущей, но такой приятной, что Настя едва сдерживалась, чтобы не застонать. Что будет? Что будет, если...

Он резко дернул платье вниз.

Настя от неожиданности вскрикнула. Проклятый демон!

Он тихо засмеялся.

— Это тебе за то, что заставила меня ждать.

Его вкрадчивый голос и нежные прикосновения доводили ее до каления.

— Пожалуйста! — еле слышно прошептала она.

Горячие ладони легли на ее ягодицы и сжали их. Самаэль резко развернул ее к себе.

Рубашку он с себя скинул сам, пока был за ее спиной, но на нем были штаны. Расстегнул ремень и вытащил его. Перекинув его Насте за спину, он подтащил ее к себе, и пока целовал ее, кусая, обжигая, дразня, она расстегивала его брюки.

— Мне бы хотелось всю вечность мстить тебе, — хрипло прошептал он.

— И какое счастье вечность расплачиваться вот так, — ответила она, смело засунув руку ему в брюки.

Он застонал, потом засмеялся.

— Ты сама напросилась.

Она наконец смогла обнять его за шею, и, кожа к коже, они опустились медленно на кровать.

— Ты доверяешь мне? — спросил он, глядя ей в глаза.

Настя понимала, что демон остановится, если она так скажет. И еще чувствовала, что Самаэль

здесь из-за нее, что он пожертвовал опять чем-то для него важным, лишь бы быть здесь и сейчас.

— Абсолютно, — ответила она. Но не выдержала и спросила: — Ты любишь меня?

— Больше всего на свете, — улыбнулся он ее наивному вопросу. — И во тьме.

Целуя ее, он опускал руку с живота все ниже, и Настя выгнулась от прикосновения, одновременно желая его и удивляясь. Она была заряженным воздухом перед грозой, замирающим, горячим, дрожащим, жаждущим бури, которая снесет все преграды, после которой мир станет немного иным.

Она обвила его руками и ногами, связь их сплелась в тугой узел, золотой свет растекался по телам. Мир перевернулся, замер. Он видел, как расширились ее зрачки, когда он в первый и последний раз причинил ей боль. Необходимую, неизбежную. Влажными зубами прикусила губу, но не дала себе слабости закричать. Он переплел ее пальцы со своими, не останавливаясь, и постепенно она забыла о боли, хмурясь, изучая новые ощущения, прислушиваясь к себе. Соединившись наконец после долгой и бесплодной борьбы, женщина и демон сделали то единственное, для чего были сотворены. Они любили. Демон с восторгом видел, как каждое его прикосновение к коже заставляет ее задыхаться от удовольствия, каждое движение делает ее счастливой. Настя извивалась в объятиях демона, умирая от желания, впервые понимая, что такое волна удовольствия, которая накрывает как смерть. Она плакала от испуга и наслаждения, смеялась от счастья. Крылья демона завернули их в кокон, словно скрывая от Вселенной, Самаэль хотел обладать ею, не деля ни с кем. Настя кричала, он ворковал ей на ухо слова, зная, что один его голос заставляет ее испытывать восторг.

В какой-то момент Настя открыла глаза и увидела, что парит в пространстве, сотканном из разноцветных туманностей и света тысяч разных галактик и звезд. Она дышала в этом пространстве, ощущала свою невесомость и чувствовала его присутствие, присутствие Самаэля повсюду, словно он был всем, обнимая ее тело светом и тьмой.

Она не видела, как золотой свет вспышкой разошелся от их переплетенных тел, вырвался за пределы комнаты, дома, города, залил на мгновение весь мир, исцеляя все вокруг.

Она перестала быть телом, оно рассыпалось гигантским фейерверком, растворилось в блаженной волне небытия, накрывшей ее сознание. На миг она даже подумала, что умерла. И, возвращаясь на землю, в его объятия, к более спокойным, тихим ласкам, которые после бури казались мягкими, как волны умиротворенного моря, она поняла, что из кокона прежней Насти вышла Анастасия. Та, кого он звал все время.

Повернувшись к нему, она задумчиво перебирала его кудри, упавшие на лоб. Он смотрел на нее с нежностью, золотой свет его глаз проникал ей в душу.

«Я прощаю тебя за то, что ты вечен, — подумала она, с любовью созерцая его. — Что однажды ты увидишь меня старой и непривлекательной, может, полоумной. Прощаю, что ты жил, когда меня не было, и будешь, когда я исчезну навсегда с лица земли».

Он улыбнулся своей невероятно соблазнительной улыбкой, подмигнул ей, крепко обнял, целовал долго, нежно, а когда она спрятала свои слезы счастья у него на груди, он тихо прошептал:

— Я прощаю тебя за то, что ты делаешь меня слабым.

И может, тому, кто смотрел на эту историю со стороны, заранее зная, чем и когда все закончится, и хотелось бы оставить этих двоих в небытие, безвременье, вечности, но земная женщина рождается, чтобы сиять кратковременно, менять мир вокруг себя, сгорать и осыпаться пеплом, оставляя в душе демона разверстую рану. Он будет жить и после нее. Но это будет другая жизнь. Жизнь без нее.

И Пепе поставил турку на специальный поднос с песком. Кофе будет крепким, горячим, сладким. Теперь он впустит демона. Ведь он войдет, обнимая Настю, и их счастье станет сильнее, потому что нет благословения выше, чем выпить этот кофе, сделанный его руками.

Настя не узнает никогда. Демон будет знать. Солнца в его глазах станет больше, чем тьмы. Ведь, в конце концов, он его любимец, что бы ни происходило.

Вода зашипела, когда дно турки легло на раскаленный песок. Пепе насыпал в турку кофе и улыбнулся, услышав смех и быстрый поцелуй входящей пары.

Он поставил перед ними чашки, но они, казалось, не видели никого вокруг, кроме друг друга. И говорить им не надо было, они общались глазами.



Пепе поставил еще одну турку на раскаленный песок. Она рядом. Звякнула дверь, пропуская Старую Мать. Она бросила взгляд на девушку и демона, усмехнулась и села перед барной стойкой. Пепе поставил перед старухой чашку.

— Как ты любишь, крепкий, с настойкой на травах.

— Не забыл...

— Нет. — Присел по другую сторону от барной стойки, и они долго рассматривали друг друга, впервые за много тысяч лет.

— Думаешь, у них получится лучше, чем у нас? — кивнула она на влюбленных.

— Должно получиться. Ведь мы старались, каждый по отдельности и вместе. Они научились любить, терять, находить и верить. Жертвовать собой. Прощать. Это главное. Только любовь, пережившая все это, способна изменить мир.

— То, чего не смогли сделать мы. — Она помолчала, мешая кофе. — Ты же знаешь, как я хотела, чтобы он умер. Хотела, чтобы ты заплатил... Но она без него не смогла. Что ж. Ты победил. Тогда пусть их правление будет долгим и светлым. Только когда боги любят, возможен мир и благоденствие всего живого.

— Так и будет.

— Не жалко отдавать ему все? — подслеповато прищурилась она.

— Тому, кого любишь всем сердцем, отдаешь с радостью. Разве не так? — Он ждал ее решения, ведь над судьбой Насти был невластен.

Старая Ведьма ухмыльнулась, и оба старика чокнулись чашками кофе с видом заговорщиков.

— Как думаешь, у нас получится быть вместе? Хотя бы недолго? — Настя жадно всматривалась зелеными, блестящими от счастья глазами в его лицо. Одно дело ночь любви с демоном, а другое — жизнь, проведенная вместе. Отдать ему время — самое ценное, что есть у человека. Самаэль улыбнулся. Как объяснить, что ради нее он готов все бросить, даже умереть еще раз, если потребуется? Готов стать Богом, лишь бы быть с ней.

Он взял ее руки в свои и поцеловал каждую сначала сверху, потом перевернул.

И заметив, что на ее ладонях исчезают линии судьбы, он почувствовал, как радость разливается в душе. С острым, почти болезненным ликованием смотрел, как на голове Насти появляется венец и распускаются на нем яркие бордовые пионы, нежные белые розы, вырастают и желтеют колоски пшеницы. Так вот к кому он шел все это время. Вот что задумали старые хитрецы! От счастья его глаза вспыхнули золотом, и Тьма навеки покинула его сердце.

— Поживем — увидим, — усмехнулся он и поцеловал ладонь своей нареченной.

Мир вступал в новую эру. И это была эра любви.